

с-24

22890

# СВѢТОЧЪ

— И —

## ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

---

---

ЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ  
ЖУРНАЛЪ

Подъ редакцией  
А. В. Круглова.

Годъ IV.



1910 г.

# СОДЕРЖАНІЕ.



## „СВѢТОЧЪ“.

I — ВОЕДИНО. Стихотвореніе. — А. В. Круглова . . . . .	3
II — „МОЖЕТЪ БЫТЬ. СЧАСТЬЕ...“ — Стихотвореніе. — Его же . . . . .	4
III — ГРАЧИ ПРИЛѢТѢЛИ. — Иллюстрація на отд. листѣ . . . . .	5
IV — ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА. — Миниатюра. — В. С. Добржинецкаго . . . . .	7
V — ПОЭЗІЯ ПРИРОДЫ. — Стихотвореніе. — Н. И. . . . .	9
VI — ПРОПАЛОЕ БОЛОТО. — Сказъ. (Окончаніе.) — А. Н. Догановичъ . . . . .	10
VII — НА ПРОПАЛОМЪ БОЛОТѢ. — Иллюстр. П. Ф. Яковлева. На отд. листѣ . . . . .	27
VIII — СТЕПНОЙ ОГОНЕКЪ. — Стихотвореніе. — Н. И. Иванickaго . . . . .	39
IX — ПЕРЕЖИТОЕ. — Воспоминанія. — Часть 3-я. Глава IV—VII — А. В. Круглова . . . . .	40
X — ЖИЗНЬ ВЪ МЕРТВОЙ ПРИРОДѢ. — М. В. Лысковскаго . . . . .	53
XI — „ЗИМНІЙ ВОЗДУХЪ МЫ ВДЫХАЕМЪ...“ — Стихотв. Б. В. Каховскаго . . . . .	63
XII — БИБЛЕЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. — IX. — ДОЧЬ ФАРАОНА. — А. Н. Никитиной . . . . .	64
XIII — ДОЧЬ ФАРАОНА У РѢКИ. — Иллюстр. на отдѣльн. листѣ . . . . .	67
XIV — ЕВРЕИ НА РАБОТАХЪ. — Иллюстр. на отдѣльн. листѣ . . . . .	71
XV — САВВИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ. — Стихотвореніе. — С. Н. Хазова . . . . .	74
XVI — СВ. ФИЛИППЪ И МАЛЮТА. — Иллюстр. на отдѣльн. листѣ . . . . .	75
XVII — „ЕСЛИ БРОСИШЬ ВЗГЛЯДЪ ТЫ ШИРЕ...“ — Стихотвореніе. — А. А. Федорова-Давыдова . . . . .	77
XVIII — ЖИВАЯ СМЕРТЬ. — Повѣсть. — (Окончаніе.) — В. Г. Рязанцева . . . . .	78
XIX — ВНѢШНЯЯ ЖИЗНЬ ВЪ ВОЛОГДѢ. — Изъ воспоминаній. — Л. Д. Александрова . . . . .	104
XX — КАРОЛИНА КАРЛОВНА ПАВЛОВА. — Д. И. Павлова . . . . .	110
XXI — ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ К. К. Павловой . . . . .	11
XXII — ПРИНЦИПЪ ИНДИВИДУАЛИЗМА НА ФОНѢ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ. — (Критическій этюдъ.) — О. В. Ивановой . . . . .	1
XXIII — КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ . . . . .	
1) Разказы А. Куприна. — А. К — вой. — 2) Пѣсни любви. А. Скрина. — Н. — 3) Календарь - Ежегодникъ Артелищика. — Д.	
XXIV — ИЗЪ РАЗНЫХЪ КРАЕВЪ . . . . .	12
I. Письма изъ Петербурга. — VIII. — Н. А. Гребецкаго.	
II. Нѣсколько словъ о японской полиціи. (Письмо съ Востока.) — С. В.	
XXV — ИСКРЫ — ЖУРНАЛИСТЫ ВЪ КИТАѢ. — Пер. съ китайскаго. — Амф. Устюжанскаго . . . . .	
XXVI — СМѢСЬ . . . . .	

(Иллюстраціи въ текстѣ. — Виньетки и заставки.)

# СВѢТОЧЪ

## ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный литературно-научный

## ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. В. Круглова.

Годъ IV.

Мартъ.



1910 г.

Редакція „СВѢТОЧА“ и „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“:  
Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго, д. гр. Олсуфьевой.

---

Въ журналѣ принимали и принимаютъ участіе, кромѣ А. В. Круглова и А. Н. Догановичъ, слѣд. ученые, писатели и художники: Н. А. Акимовъ, П. А. Аксаковъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, Н. Н. Баринъ (Энбе), проф. А. Ф. Басовъ, О. П. Бахмутская, д-ръ философіи М. В. Безобразова. С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, П. И. Бѣляевъ, Л. Н. Бельковичъ, Д. П. Варлыгинъ, профес. дух. академіи Д. И. Введенскій, С. В. Витимскій, С. М. Власьевъ, И. И. Вологодскій, И. Н. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, Н. А. Гребецкой, свящ. А. М. Державинъ, В. С. Добржинецкій, прив.-доцентъ моск. унив. д-ръ медиц. С. М. Доброхотовъ, А. П. Доброхотовъ, полк. генер. штаба М. А. Дорманъ, проф. прот. Н. А. Елеонскій, А. В. Жиркевичъ, И. И. Житницкій, В. И. Ивановъ, О. В. Иванова, В. Я. Ивановъ-Енотаевскій, Н. П. Ивинская, Б. В. Каховскій, Н. В. Каховскій, Е. Н. Клетнова, Н. Г. Конаржевскій, А. А. Коринфскій, М. А. Козыревъ, прис. пов. Н. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кумовъ, В. П. Лебедевъ, К. С. Лебедевъ, Е. Н. Ловецкая, М. В. Лысковскій, К. П. Медвѣдскій, В. Л. Маяковъ, свящ. М. И. Менстровъ, П. П. Мироносицкій, заслуженный профессоръ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, Н. А. Мучникъ, докторъ медиц. В. К. Недзвецкій, А. Н. Никитина, Н. Н. Оглоблинъ, М. И. Орѣшниковъ, Д. И. Павловъ, свящ. М. И. Пеньковскій, Е. А. Полушкина, И. В. Поповъ-Пермскій, Я. Я. Полферовъ, Е. Н. Поселянинъ, Д. М. Ратгаузъ, Б. И. Радинъ, П. И. Радинъ, П. А. Россіевъ, И. В. Рощинъ, В. Ф. Рыжковъ, В. Г. Рязанцевъ, И. А. Савченко, Л. А. Самарина, Е. И. Свѣтова, В. А. Скрипицынъ, А. В. Скрипицынъ, К. И. Смирновъ, Н. П. Столпянскій, М. Г. Сулима, проф. моск. универс. И. Т. Тарасовъ, профессоръ А. А. Тихомировъ, С. Т. Тураганъ, А. А. Федоровъ-Давыдовъ, С. Н. Хазовъ, Ф. И. Черновъ, А. А. Чумакъ, Ф. М. Чеботаревъ, С. Н. Шубинскій, И. П. Ювачевъ и др. Художники: С. В. Беклемишевъ, И. Е. Полушкинъ, А. И. Рукина-Кошугъ, А. И. Соколовъ, П. Ф. Яковлевъ и др.

## Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Принятая статья, въ случаѣ надобности, подвергается сокращеніямъ и исправленіямъ. Авторы, несогласные на это, благоволятъ оговорить свои требованія при посылкѣ статей. Необозначающимъ размѣра гонорара таковой назначается по усмотрѣнію редакціи. Гонораръ выдается по воскресеньямъ отъ 4-хъ до 5 часовъ. Расчетъ по журналу производится чрезъ 10 дней по выходѣ книжки. По почтѣ гонораръ высылается 15 чис. каждаго мѣсяца.

2) На отвѣтъ прилагается почтовая марка. Рукописи обратно высылаются **только заказной бандеролью**, для чего должны быть присланы марки въ соответствующемъ количествѣ. Стихи и замѣтки менѣ писчаго листа не возвращаются.

3) Рукописи сохраняются 3 мѣсяца, послѣ чего уничтожаются. На прочтеніе рукописи полагается срокъ **отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ**. Неразборчивыя рукописи **НЕ ЧИТАЮТСЯ, ПРОСЯТЪ ПИСАТЬ НА ОДНОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА**. *Личныя объясненія въ редакціи съ редакторомъ только по воскресеньямъ отъ 4 до 5 ч. дня; съ секретаремъ редакціи ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.*

---



## ВОЕДИНО.



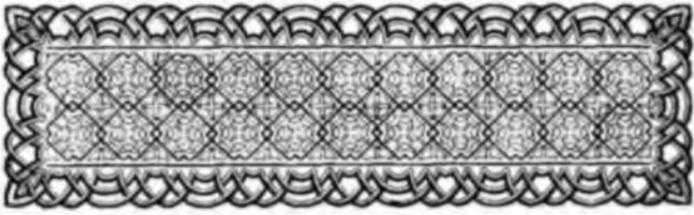
розни болѣе не чувствую съ народомъ,  
Наивно-гордая мечты я пережилъ,  
И понимаю я все глубже съ каждымъ годомъ —  
Какою мишурой я долго дорожилъ!

Въ напрасныхъ поискахъ за призракомъ свободы  
Я чуть не проглядѣлъ высокой красоты  
Смиренья кроткаго, сносящаго невзгоды,  
Счастливаго въ скорбяхъ, въ лохмотьяхъ нищеты!

Вхожу я въ древній храмъ. Душа чужда гордынѣ.  
Однимъ желаніемъ съ народомъ я горю:  
Съ нимъ вмѣстѣ плачу я, молюсь его святынѣ  
И все, что любить онъ, — и я боготворю!

А. Кругловъ.

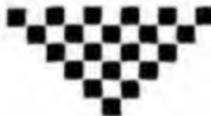




ожеть быть, счастье, и свѣтъ и свобода  
Выпадутъ скоро на долю народа.  
Умъ уповаетъ, а сердце тоскуетъ.  
Словно бѣду оно близкую чувствуетъ.

Хочется встрѣтить день новый привѣтомъ,  
Да и боишься назвать его свѣтомъ.  
Если забудемъ мы истину Божью —  
Воля и счастье окажутся ложью.

А. Кругловъ.





А. М. Седаровъ. Грачи прилетѣли.

Тытл. Архивъ. Москва.

Грачи прилетѣли.





# ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА.

Миніатюра.



Весна идетъ!

На синевѣ прозрачнаго неба ярко сияетъ солнце, пробуждающее природу.

Звонко журчатъ говорливые ручейки подъ настомъ снѣга, покрывающаго еще поля. Ледъ синѣетъ на рѣчкѣ и вотъ-вотъ треснетъ и тронется по мутнымъ волнамъ...

Теплый весенній вѣтерокъ, налетая порывами съ юга, шумитъ лѣсными вершинами, напѣвая что-то радостное, ободряющее...

Чудное, хорошее время!

Глухо шумя, осѣдаетъ снѣжный покровъ, а изъ-подъ него, журча и звеня, сбѣгаютъ по полю въ низину вешніе потоки.

На растаявшей уже дорогѣ и на полевыхъ проталинахъ видны важно выступающіе статные грачи.

Прилетъ ихъ знаменуетъ наступленіе „весны-красны“.

Не слѣша, степенно, поблескивая на солнцѣ черно-синимъ опереніемъ, расхаживаютъ грачи по межамъ, веселя сердце деревенскаго жителя, любящаго и цѣнящаго эту полезную птицу.

Солнце привѣтливо ласкаетъ своими яркими лучами землю. Все живое тянется къ нему, пробуждаясь послѣ долгой, томительной зимней спячки.

Природа ликуетъ, ощущая приливъ новыхъ, свѣжихъ силъ...

Съ громкимъ карканіемъ кружатся стаи черныхъ грачей надъ лѣсной опушкой, отыскивая свои покинутыя гнѣзда.

Видно, какъ носятъ они прутьики и вѣточки къ безпомощно колеблющимся на вѣтвяхъ березъ растрепаннымъ гнѣздамъ и сгѣшно съ неугомоннымъ крикомъ чинятъ ихъ, храбро защищая отъ притязаній на нихъ другихъ пернатыхъ.

На высокой березѣ у края дороги сидитъ задумчиво старый грачъ, грѣясь на солнышкѣ, а вблизи него треплются по вѣтру остатки прошлогодняго полуразрушеннаго непогодами гнѣзда...

Наохлился грачъ, думая крѣпкую думушку о грядущей веснѣ и о насущныхъ заботахъ, а теплый вѣтерокъ колышетъ его на вѣткѣ, солнышко такъ ласково грѣетъ, что невольно старикъ погружается въ дрему и видитъ долгіе трудные пути перелетовъ изъ теплыхъ краевъ въ глубь Россіи, вспоминаетъ далекое дѣтство, молодость, семейныя радости и горе, опасности и лишенія...

Семья его частью погибла, частью разсѣялась по бѣлусвѣту, неизвѣстно куда, и вотъ остался онъ одинъ, никому ненужный, забытый среди шумной, подвижной стаи молодыхъ, больше по привычкѣ, чѣмъ въ силу необходимости, прилетающій ежегодно погостить на опустѣвшемъ пепелищѣ въ родной сторонѣ...

Грустно сдѣлалось ему отъ этихъ размышлений.

Онъ, взмахнувъ крылами, сорвался съ березы и, описавъ кругъ, тяжело опустился на ближайшей проталинѣ, оглашая просторъ полей жалобнымъ, точно сдавленнымъ крикомъ:

— Грра! Грра!..

А вокругъ было такъ привольно, такъ свободно дышалось чистымъ весеннимъ воздухомъ!

Лѣса, поля и луга хотъ еще оставались подъ снѣгомъ, но подъ нимъ уже чувствовался пульсъ жизни.

Скоро настануть золотые дни чарующей весны, лѣса огла-

сятся хоромъ пернатыхъ пѣвцовъ, а по ночамъ въ прирѣчныхъ кустахъ призывно зазвучать трели соловьевъ...

А пока вверху звенить уже громкая, радостная пѣснь жаворонка, и хочется жизни, труда и счастья, хочется горячо вѣрить, что съ обновленіемъ силъ природы обновится и жизнь людей и вспыхнетъ въ ихъ сердцахъ пламя братской любви!..

В. Добржинецкій.



## ПОЭЗІЯ

### ПРИРОДЫ.



Врекасаѣишее въ мірѣ  
 Намъ создалъ не поэтъ,  
 Не въ мраморѣ и бронзѣ  
 Оно узрѣло свѣтъ.  
 Оно само родилось,  
 Какъ полевой цвѣтокъ,  
 Какъ изъ скалы гранитной  
 Хрустальный ручеекъ.

Н. И.





# ПРОПАЛОЕ БОЛОТО.

(СКАЗЬ.)

*Окончаніе* \*).

XI.



поспѣла домой къ самому обѣду. Хозяева сѣдѣли за столѣ.

Помолившись на образа, я заняла свое мѣсто.

Обильный и сытный скоромный праздничный обѣдъ тянулся долѣе обыкновеннаго.

Послѣ обѣда къ Авдотѣ забѣжала поболтать сосѣдка Дарья. Прочіе домочадцы вышли посидѣть на зава-  
линкѣ.

Вдругъ раздался громкій стукъ въ караульную доску.

— Что это значитъ? Ужъ не пожаръ ли?—спросила я у Арины.

— На пожаръ набатомъ въ колоколь сзываютъ, а это, знать, сбиваютъ сходъ.—пояснила старуха, устремляясь на улицу.

Мы также послѣдовали за бабкой.

Дѣйствительно, оказалось, что десятскій приглашалъ мѣръ на сходъ.

Тотчасъ же изо всѣхъ избъ показался народъ. Поднялись

---

\*) См. „Свѣточъ“, февр. стр. 10.

и сидѣвшіе на завалинкахъ. Всѣ направилась на гу поляну, гдѣ богадѣльщики рыли канаву.

Устинъ спѣшилъ чуть ли не впереди всѣхъ.

Меня удивило, что наравнѣ съ мужчинами на сходѣ отравились и женщины.

— Развѣ и вы тоже подаете свои голоса?—спросила я у Авдотьи.

— А то какъ же? У насъ не кладутъ различія между мужиками и бабами. Нѣшто мы меньше ихняго общественное дѣло понимаемъ? Иная женщина еще лучше мужчины разсудить. Отчего же ее и не послушать?

Авдотья чуть не бѣгомъ пустилась догонять ушедшаго впередъ мужа.

Полянка уже пестрѣла собравшимся народомъ.

Съ другого конца деревни шель священникъ съ Сидоровыми.

Тутъ находились всѣ, какъ захудалые, такъ и зажиточные хозяева.

Я разглядѣла въ толпѣ Наталью Абрамову съ учителемъ и Митрича. Не было видно только богадѣленскихъ обывателей.

Народная волна быстро разступилась передъ священникомъ и тотчасъ же сомкнулась вслѣдъ за нимъ. О. Сергій очутился въ кругу вмѣстѣ съ сѣдобородыми стариками степеннаго вида и внушительной осанки.

Несмотря на многолюдство и очевидное волненіе, толпа не галдѣла, не кричала, а лишь сдержанно гудѣла, словно рой пчель.

Илья Сидоровъ подаль рукою знакъ къ вниманію.

Тотчасъ же водворилась тишина.

Священникъ сдѣлалъ сходу предложеніе отпустить насъ съ Устиномъ домой.

— Какъ же это можно?.. Они насъ выдадутъ и наведутъ на слѣдъ!.. Никакъ этого нельзя!—послышались голоса съ разныхъ сторонъ.

Въ кругъ продрался Устинъ съ искаженнымъ отъ возбужденія лицомъ и завопилъ какъ на своемъ сходѣ, покрывая прочіе голоса:

— Братцы, ослобоните!.. У меня душевой надѣлъ.. Нѣшто же это возможно?.. Отецъ не управится безъ меня... Оже-

нить меня собирается, а вы эконо-сь что удумали!.. Намъ руки дороже золота стоятъ теперь, а вы отрѣзать ихъ собираетесь!.. Христомъ Богомъ прошу: отпустите домой!

— Да ты, парень, не сумлѣвайся: мы тебѣ всего дадимъ, въ обидѣ не останешься тоже!.. Заживешь лучше прежняго!.. А отпускать тебя не желаемъ!

Въ толпѣ тоже начало понемногу расти возбужденіе.

— Да не хочу я вашего!.. Ничего мнѣ не надо!.. Только отпустите мою душу на покаяніе! — взмолился Устинъ, отвѣшивая міру земной поклонъ.

Въ толпѣ пробѣжалъ глухой ропотъ.

Крапинъ протянулъ руки къ священнику:

— Хоть вы-то, батюшка, заступитесь за сироту!

— Да я говорилъ, — отвѣтилъ о. Сергій, — тѣмъ болѣе, что это горячее желаніе и вашей учительницы. Она тоже просила меня походатайствовать за вашъ отпускъ передъ міромъ... Не знаю, тутъ ли она?

Онъ обвелъ глазами толпу.

Я отозвалась.

Меня тотчасъ же пропустили въ кругъ.

Я присоединила свою убѣдительную просьбу объ освобожденіи.

Молчавшіе дотолѣ старики тихо перемолвились о чемъ-то между собою и затѣмъ строго обратились къ намъ:

— А если вы донесете на насъ?.. Что тогда?.. Кто за васъ поручится?

— Даю вамъ честное слово, что я не скажу про васъ никому и никогда! — твердо произнесла я.

— Какой еще вамъ нужно поруки? — взвылъ Устинъ, увидѣвъ въ этомъ лишь придирку. — На кой прахъ вы мнѣ нужны?.. Пошто пойду я безпокоить начальство?.. Хоть бы вы всѣ тутъ душегубы-разбойники были, такъ мнѣ-то что изъ того?.. Живете ли вы, либо нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, — мнѣ все единственно!.. Только бы свою голову цѣлехоньку унести отсюда, а до всего прочаго мнѣ дѣла нѣтъ!

— Да ты, парень, языкомъ-то не мели зря чего, — сухо остановилъ Крапина одинъ изъ стариковъ.

— Чего мнѣ молоть? — съ тѣмъ же азартомъ продолжалъ Устинъ. — Я на чистоту все выкладываю, какъ передъ Истиннымъ!

— Нечего лопотать-то!.. — раздались изъ толпы замѣчанія. — Наслушались мы разныхъ увѣреній!.. Толку-то въ нихъ мало... Здѣсь парень простыней разстилается, улещаетъ всяко... А попробуй, выпусти его — онъ тамъ и мигнетъ на насъ кому надо!

Священникъ въ это время обходилъ по кругу, переговариваясь со стариками.

— Ахъ ты, мать честная! — воскликнулъ Устинъ въ сильнѣйшемъ волненіи, хлопнувъ себя по бедрамъ. — Если же вы душѣ-то человѣческой вѣры никакой не даете, то что же вамъ послѣ того?!

Онъ кричалъ какъ безумный, видя, что его доводы не дѣйствуютъ.

— Не дѣлаемъ мы, батюшка, этого никогда, — услышала я голосъ одного пожилого мужика. — Не выпускаемъ, самъ вѣдь хорошо знаешь!

Священникъ настойчиво убѣждалъ.

Старики снова обмѣнялись мнѣніями.

— Ну, хорошо, — произнесъ Илья, — только изъ уваженія къ вамъ, батюшка, соглашаются... Такъ ужъ и быть!

Онъ громко объявилъ народу о согласіи старшинъ и спросилъ въ свою очередь сходить:

— Соглашается ли міръ отпустить чужестранныхъ?

Услышавъ это, Устинъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости.

— Благодарѣтели!.. Заставьте за себя вѣчно Бога молить!..

Въ толпѣ пробѣжалъ глухой ропотъ недовольства.

— Прытокъ больно!.. Еще погоди: съ чѣмъ выпустимъ!.. Пусть поклянутся сперва!.. Передъ святымъ крестомъ пусть дадутъ намъ зачатіе!

— Безъ этого нельзя! — подтвердили и старики. — Намъ-то бы и не надо... А они—дѣло другое... Кресту повѣримъ, а имъ — нѣтъ!

— Пусть клянутся! — неслось изъ толпы. — Крестъ-то святой цѣлуйте!

Священникъ приблизилъ къ намъ наперстный крестъ.

— Сложите персты для крестнаго знаменія и поднимите вверхъ руки, — строго произнесъ онъ.

Мы исполнили его требованіе.

Минута была очень серьезная и торжественная.

— Обѣщаетесь ли передъ симъ крестомъ въ строгости

соблюдать нашу тайну? — спросилъ насъ священникъ внушительнымъ тономъ.

— Обѣщаемся! — въ одинъ голосъ отвѣтили мы съ Устиномъ.

— Клянитесь!

— Клянемся!..

— Если же вы нарушите... — началъ было о. Сергій.

Охваченный страхомъ Устинъ перебилъ его прежнимъ изступленнымъ тономъ, ударяя себя въ грудь кулакомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Не то лопните мои глазыньки, отсохните ноженьки, скрючитесь рученьки, помутится мой ясный умъ!.. Мать сыра-земля хлѣбушка не роди, вода ключевая мнѣ нутро огнемъ пали, лютая змѣя-тоска ретивое сердечушко изсуши!..

Онъ импровизировалъ, охваченный дикимъ экстазомъ. Отъ его легкомысленныхъ, но страшныхъ словъ невольно пробѣгалъ по кожѣ морозъ. Послышались вздохи.

Толпу охватило чувство тоски и душевнаго угнетенія.

— Да ужъ будетъ тебѣ, будетъ! — раздалось замѣчаніе. — И такъ ужъ заклялъ себя со всѣмъ родомъ своимъ!

— Проклятущая душа!..

Вмѣстѣ съ чувствомъ гнета являлась и какая-то неловкость за человѣка. Я замѣтила, что чѣмъ больше Устинъ клялся, тѣмъ меньше онъ вселялъ къ себѣ довѣрія.

— Языкъ-то у парня, видно, самъ по себѣ болтается, — замѣтилъ кто-то изъ толпы.

Наконецъ, Устинъ смолкъ и принялся отирать рукавомъ рубахи съ лица потъ.

Я поблагодарила міръ и въ особенности священника, хорошо понимая, что безъ его вмѣшательства насъ ни за что не выпустили бы отсюда.

То же сдѣлалъ и Крапинъ.

Убѣдившись, что дѣло выгорѣло и наша взяла, онъ сразу перевелъ вопросъ на практическую почву:

— А какъ же вы насъ доставите домой съ телѣгой?.. Коники дадите какого ни на есть, аль тащить мнѣ ее самому?

Крестьяне оцѣнили дѣловитость вопроса и поставили его на обсужденіе.

— Шутка на себѣ тащить по нашимъ-то дебрямъ!.. Над-

садишься!.. Да и конецъ не близкій!..—неслись отрывочныя замѣчанія.

— Ваше проклятое болото какого коня-то меня лишило!—воскликнулъ Устинъ.—Вконецъ обездолило!.. Лошади цѣны не было!..

— Ты это оставь, паря, — вразумительно замѣтилъ одинъ изъ стариковъ. — Нашего болота не кляни.. Оно — Божіе.. Грѣхъ такъ-то говорить... Какъ ни на есть, а мы тебя устроимъ.

Мужики стали совѣщаться: у кого найдется свободная лошадь? Такая вскорѣ оказалась у Ильи Сидорова.

А Крапинъ продолжалъ подогрѣвать себя теперь уже искусственно:

— Какъ же вы запрещаете мнѣ клясть ваше болото, когда оно сожрало у меня такого коня!..

И онъ беззастѣнчиво принялся выхвалять небывалыя достоинства своего Савраски:

— Это былъ не конь, а сущій огонь!.. Летѣлъ — словно птица, ажно духъ замиралъ!.. Дважды отъ волковъ спасалъ!.. Отецъ наказалъ беречь его пуще своего глаза... А ваше болото его слопало... Отецъ теперь безпремѣнно убьетъ меня!.. Охъ, головушка моя горькая, безталанная!..

Онъ всхлипнулъ, какъ бы глотая слезы.

Я удивилась его способности къ такой быстрой смѣнѣ настроеній, но цѣль его скоро выяснилась. Онъ разжалобилъ своимъ горемъ болотныхъ простаковъ, и они подарили ему лошадь.

— Пользуйся ею, — сказалъ Сидоровъ. — А болота нашего не трожь зря. Ничего худого намъ оно не сдѣлало. И мы ему многимъ обязаны... Оно отъ грѣха насъ ограждаетъ.

— Да я что же?.. Я не къ тому, чтобы...—началъ оправдываться парень.

— А какъ же теперь быть со старухой Козловой? — спросилъ священникъ, обращаясь къ народу.

— Надо бы выручить ее тоже, батюшка, — отозвался рыжій лавочникъ.

— Коли на то пошло, то выручимъ!—отозвались въ толпѣ.

— Сдѣлаемъ починъ, — предложилъ о. Сергій.

Лавочникъ снялъ картузь и положилъ въ нее красную бумажку, а о. Сергій опустилъ туда же серебряный рубль.

Поднявъ шапку вверхъ, лавочникъ спросилъ:

— Кто еще будетъ жертвовать?

— Я!.. Я!.. Я!..— раздались отовсюду голоса.

Первой выдвинулась Абрамова и опустила въ шапку крупную депозитку.

Потянулись руки съ разной мелочью. Жертвовали и немущіе.

Иные тутъ же запродавали свой будущій трудъ состоятельнымъ односельцамъ.

— Выручи, батюшка, Лазарь Ефимовичъ,—просила лавочника одна старуха,—дай полтинникъ, я приду къ тебѣ подь праздникъ мыть полы.

Лавочникъ далъ старухѣ денегъ, которыя она и опустила въ шапку. Бѣдный мужикъ брался вывезти у кого-то навозъ въ поле. Молодица предлагала купить у нея конецъ холста и т. п. Сдѣлки совершались немедленно.

Шапка понемногу наполнялась деньгами разной цѣнности: на ряду съ крупными бумажками были и очень мелкія монеты.

Я высказала свое удивленіе священнику.

— Въ добрыхъ дѣлахъ у насъ бѣдняки никогда не отстаютъ отъ богатыхъ. Только каждый жертвуетъ по своему достатку. Гдѣ состоятельный положить цѣлковый, тамъ бѣднякъ лишь копейку. Но всѣ наперерывъ стараются одинъ передъ другимъ. А тамъ Богъ видитъ сердца людскія и оцѣниваетъ жертву сообразно усердію cadaго. Малая лепта вдовицы возымѣла вѣдь наибольшую цѣнность въ очахъ Божіихъ.

— Мы для своей души стараемся,— вмѣшался плохо одѣтый мужикъ. — Не одни же богачи могутъ думать о своемъ спасеніи, а и мы также, потому что всѣ равны передъ Богомъ.

— Правильно разсуждаешь, Фролъ Ивановъ: въ дѣлѣ спасенія мы всѣ равны передъ Богомъ,— подтвердилъ священникъ.

Шапку вернули въ кругъ для счета денегъ, такъ какъ въ нее положили уже всѣ присутствовавшіе на сходѣ.

Подсчетъ показалъ цифру 89 рублей съ копейками.

— Неужели столько?!— вырвалось у меня удивленное восклицаніе.

Я никакъ не могла ожидать, что для чужой и совершенно незнакомой старухи здѣсь соберутъ такъ много. Притомъ же я не замѣчала въ селѣ особенно богатыхъ людей. Очевидно, ихъ сердца были богаты состраданіемъ къ своему ближнему.

— Козлихѣ-то вѣдь нужна сотня, — вдумчиво замѣтила Абрамова.

— Кумъ, покроемъ что ль исполу? — предложилъ Сидоровъ лавочнику.

— Идетъ! — коротко отозвался тотъ.

Оба положили въ шапку свои доли. Затѣмъ они обмѣняли мелкія деньги на одну сторублевку и отдали ее мнѣ.

Я принялась горячо благодарить міръ за Козлову, сердечно радуясь за старуху, которой снова везла успокоеніе и помощь въ ея горькой нуждѣ.

Я не находила достаточно словъ для выраженія міру моеи признательности. Такой оборотъ дѣла превзошелъ всѣ мои ожиданія. Затѣмъ я стала благодарить также и о. Сергія.

— Благодарите Бога за Его неизреченныя милости, — отвѣтилъ онъ и прибавилъ внушительно: — И за свое-то избавленіе отъ опасности тоже не забудьте...

Я поняла упрекъ и сознала его справедливость.

— Спасибо, батюшка, за напоминаніе... Должно быть, отъ пережитыхъ волненій мнѣ не вспало это самой на умъ.

— Никто не мѣшаетъ вамъ теперь же исправить свою ошибку.

— Я прошу васъ отслужить мнѣ молебенъ.

— Пойдемте... Да позовите и своего возницу.

Я поискала глазами Устина, покликкала, но его уже и слѣдъ простыль.

Мы скоро дошли до церкви.

О. Сергій отслужилъ молебенъ Спасителю и Сисинію угоднику, которому народъ молится исключительно отъ лихорадокъ.

Давая приложиться къ кресту, священникъ напутствовалъ меня добрыми пожеланіями:

— Да благословитъ Богъ вашъ путь, и Его святыи угодникъ да сохранитъ васъ отъ злого недуга. Не бойтесь теперь ничего! — произнесъ онъ въ заключеніе при прощаніи со мною, которое вышло очень теплымъ.

Я направилась домой. Улица кипѣла народомъ. Обыватели вышли изъ домовъ насладиться прекраснымъ вечеромъ.

Изъ группы возлѣ училища неслось стройное пѣніе.

Я подошла послушать.

Взрослые парни вмѣстѣ съ учениками исполняли красивыя старинныя русскія пѣсни, полныя чарующей прелести.

По полю, полю чистому,  
По бархатнымъ лужкамъ,

мягко выводилъ запѣвало задушевымъ теноромъ.

Течеть, струится рѣченька  
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.

Подхватилъ негромко хоръ такъ, что въ сдержанныхъ звукахъ многихъ голосовъ какъ бы послышался глухой шумъ текущей воды.

Мое вниманіе приковало къ себѣ это сознательное отношеніе къ пѣснѣ, гдѣ мотивъ выражалъ ея духъ и характеръ.

Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза, —  
Всегда свѣтла она...

Я заслушалась. Въ нашемъ селѣ нельзя было встрѣтить ничего подобнаго. Пѣть — обозначало драть горло. А слова — бессмысленныхъ частушекъ.

Къ хору подходили дѣвушки и присоединяли свои голоса.

Не роши, не дубравушки  
По бережку растутъ:  
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,  
Любуюсь въ ней, цвѣтутъ.

Прозвенѣли, какъ серебряные колокольчики, лишь дѣтскіе и женскіе голоса на высокихъ нотахъ.

Я стояла какъ очарованная, слушая пѣсню за пѣсней. За первой послѣдовали другія: „Не бѣлы снѣги“, потомъ „Возлѣ рѣчки, возлѣ моста“, „Стонетъ сизый голубочекъ“, „Лучинушка“ и многія другія.

Неожиданно эта художественная народная поэзія была грубо нарушена хриплымъ выкрикомъ Устина:

— Чего вы это за сердце-то тянете? Ровно бы у васъ душа съ тѣломъ разстается! Хватите - ка лучше веселенькую да забористую:

Ой жги, ты пожги, да поджаривай!  
 Ты, гармошка моя, знай нааривай!  
 Эхъ ты но!.. Эхъ ты но!  
 Зелено вино!

Этотъ дикій визгъ, подчеркиваемый тѣлодвиженіями и двусмысленными жестами, былъ въ духъ нашего Панчарова.

Въ заключеніе своего пѣнія Устинъ прицелкнулъ пальцами, лихо свистнулъ и перевернулся на мѣстѣ.

Но его расчетъ развеселить общество не удался. Всѣ лишь съ недоумѣніемъ смотрѣли на него.

— Что ты прокричалъ какъ блажной? — спросилъ его одинъ парень. — А гдѣ же пѣсня-то?

Крапинъ не понялъ его.

— Я только начало завелъ, а она большая, — снаивничалъ онъ. — Да что же вы безъ гармоній -то?.. Аль у васъ ихъ и нѣтъ совсѣмъ?

— Подъ гармоніи мы пляшемъ, — отвѣтилъ Давидъ, — а поемъ либо подъ скрипку, либо такъ... А вотъ услышишь: мы сейчасъ заиграемъ на балалайкахъ.

Изъ школы вынесли балалайки. Ихъ раздали также и дѣвушкамъ.

Учитель сталъ дирижировать, махая въ тактъ руками. Заиграли мастерски, сначала: „Ахъ вы сѣни, мои сѣни“, потомъ „Березу“.

Оркестръ оказался такой же сыгравшійся, какъ хоръ спѣвшійся. Мнѣ сказали, что молодежь проводить за этими занятіями большую часть своихъ досуговъ, потому что всѣ здѣсь любятъ какъ музыку, такъ и пѣніе, не исключая стариковъ, являющихся усердными слушателями того и другого.

Невдалекѣ взвизгнула и залилась гармоника.

Тамъ образовался другой кружокъ для пляса. Къ нему направилась молодежь и изъ пѣвческой группы.

Началась русская пляска съ женскою плавною лебединою выступью и энергичною разнофигурною мужскою ролью.

— А нешто вы не знаете модныхъ танцевъ: кадрили либо венгерки? — задалъ вопросъ Устинъ.

Онъ получилъ отрицательный отвѣтъ.

Тогда парень принялся показывать то и другое, вызвавъ общій дружный смѣхъ.

— И чего это ты ломаешься-то, будто порченный?.. Неужто и вправду у васъ всё такъ пляшутъ?

— Вы ничего не понимаете, — обидчиво отозвался Устинь, — знать, прокисли на своей старинкѣ!

— По твоему-то намъ и не любо вовсе! — откровенно признались пропаловцы.

Вечерняя заря догорала на небѣ.

Устинь обезпокоился:

— Когда же вы насъ отпустите?.. Аль на посулѣ, какъ на стулѣ?.. Въ потемкахъ-то снова въ пучину попадешь, да и не выдерешься изъ нея уже.

Петръ Сидоровъ отвѣтилъ, что за лошадыю давно послали въ луга и навѣрное ее скоро теперь доставятъ.

— Развѣ это такъ далеко?

— Не близко... Да и конскій-то нашъ пастухъ, дѣдъ Андронъ, не больно прыгокъ и не скоро словить коня на волѣ.

— Да вѣдь кони у васъ въ путахъ?

— Нѣтъ, путь мы никогда не надѣваемъ.. У насъ такъ пасутся, на волѣ.

— Экіе порядки-то у васъ тутъ заведены особенные: все не какъ у прочихъ людей! — недовольно проворчалъ Устинь.

И подъ вліяніемъ охватившей его тревоги онъ направился домой.

За нимъ послѣдовала вскорѣ и я.

## ХІІ.

Арина собрала намъ поужинать.

— Не дожидайтесь хозяевъ, — сказала она. — Мнѣ надо васъ пораньше упредить, чтобы не задержать отъѣздомъ.

Старуха оставила столъ обильными яствами.

Мы сытно поѣли и принялись пить чай.

Едва мы допили по второму стакану чаю, какъ во дворъ влетѣлъ верхомъ на прекрасномъ каромъ жеребцѣ безъ сѣдла небольшой парнишка.

— Никакъ это Гаранька Сидоровъ? — выглянувъ въ окно, промолвила старуха. — Такъ и есть!.. Значить, это для васъ конекъ-то будетъ.

Она направилась къ двери. Мы послѣдовали за бабкой, желая также взглянуть на лошадыю.

Въ это время подошли и хозяева.

— Вотъ вамъ и конь, — произнесъ Мартынь, приближаясь къ лошади и глядя ее по шеѣ. — На диво добрый работничекъ, Карый. Я давно его знаю!

Лошадь внимательно смотрѣла на насъ умными глазами.

— Незнакомыхъ распознала, — замѣтила Авдотья.

Явились и сосѣди: Аверкій съ Меркульчемъ.

— Это Илья съ Карымъ разстается?.. А - а, не пожалѣлъ!.. Ишь ты!..

Они въ свою очередь принялись ласкать коня, какъ своего стараго пріятеля.

— Ну, ну, Карый, не ударь лицомъ въ грязь... Служи вѣрой и правдой!

Устинъ тщательно осматривалъ жеребца со всѣхъ сторонъ, словно намѣреваясь купить его.

— Это еще что! — воскликнулъ онъ тономъ дѣланнаго разочарованія. — Если бы вы моего Савраску видѣли: вотъ дѣйствительно былъ конь, хоть куда! Рысь такая, что вѣтру въ полѣ не угнаться!

Крапинъ не стѣснялся лгать въ моемъ присутствіи.

— Видно, ты приспособилъ къ крестьянской работѣ заправскаго рысака? — насмѣшливо произнесъ Аверкій.

Устинъ не обратилъ вниманія на иронію и продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Откормили мы Саврасаго на славу: онъ былъ круглый, что твой огурчикъ, шерсть какъ плисовая, такъ и лоснилась!.. И такой былъ соколъ съ виду, что на немъ впору бы лихачамъ ѣздить... Вѣрно слово!.. Э-эхъ, пропала теперь моя головушка!

— Отчего же Митричь-то ничего намъ не говорилъ, а вѣдь при немъ лошадь твоя утопла? — замѣтила Авдотья съ недоумѣніемъ.

— Что Митричь?.. Развѣ такого коня онъ можетъ понимать?.. Здѣсь у васъ такихъ - то и не бывало никогда! — презрительно отозвался Устинъ, намѣреваясь осмотрѣть копыта лошади.

Но послѣдняя пугливо отскочила въ сторону.

— Чего ты? — крикнулъ на нее Устинъ. — Я тебѣ еще ничего не сдѣлалъ! У-у, необразованный!

Кругомъ засмѣялись.

— Даве ты хвалилъ нашихъ лошадей, а теперь бранить почаль, — промолвилъ Мартынъ. — Съ животиной тоже надо обхожденіе имѣть: ты познакомься сначала, тогда Карый и будетъ тебя знать. Погладь его по шеѣ, да похвали; а я ему скажу про тебя. Онъ и будетъ знать.

— Эва, еще какіе фокусы!.. Фью!.. А нешто и впрямь онъ пойметъ твою рѣчь?

— Вотъ увидишь.

Устинъ послѣдовалъ совѣту.

Въ это время пришелъ Илья Сидоровъ.

— А, уже привели!.. Ну, хорошо... Вотъ, Каренькій дружокъ, твой новый хозяинъ, — произнесъ Илья, указывая на Крапина. — Слушай его, какъ меня... Ему будешь теперь служить!

Лошадь выразительно фыркнула. Въ этомъ короткомъ звукѣ слышалось недовольство вмѣстѣ съ недоумѣніемъ.

Гаранька любовно обхватилъ руками коня за шею и повисъ на ней.

— Прощай, братъ, Карька!.. Не увидимся больше съ тобою... Ау!..

И онъ потерялъ голову о морду лошади. Затѣмъ выпустилъ изъ рукъ шею послѣдней.

Окружавшіе Караго люди провожали его словно своего односельца.

— Поклонись же новому хозяину, — сказалъ Илья. — Просимъ, молъ, насъ любить да жаловать!

Конь послушно мотнулъ дважды головою Устину.

— Ахъ, ты, мать честная! Никакъ онъ и впрямь все уразумѣлъ?..

Парень хлопнулъ себя по бокамъ и покачалъ головою.

Сидоровъ внимательно осмотрѣлъ Караго, сдѣлалъ нѣсколько дѣловыхъ замѣчаній и затѣмъ предложилъ Устину запрягать лошадь.

— Только помни, молодець, — предупредилъ Илья: — не тронь кнутомъ Караго, не то худо будетъ!.. Самъ видишь, что наши лошади голоса слушаются.

— Зачѣмъ мнѣ кнутъ? — произнесъ Устинъ. — Я и своего Саврасаго николи кнутомъ не тронулъ, — опять солгалъ онъ.

Въ сторону лошади онъ прибавилъ:

— Ну, иди что ль, запрягаться-то!

Карый повиновался: немедленно сталъ въ оглобли и только при этомъ недовольно фыркнулъ. Во все время запряжки онъ косился на парня, зорко присматриваясь къ нему.

— А что же долго не идетъ Митричъ? — задался вопросомъ Илья. — Гараня, добѣги до него, позови скорѣе!

Гаранька вприпрыжку полетѣлъ со двора и вскорѣ вернулся вмѣстѣ съ пастухомъ, котораго онъ встрѣтилъ на дорогѣ.

Слѣдомъ за ними пришелъ и учитель.

— Я пойду васъ проводить, — сказалъ онъ мнѣ.

— Вотъ и ладно, съ нами заодно, — произнесъ Мартынь.

Арина съ Авдотьей принесли изъ избы объемистые узелки.

— Это вамъ будутъ подорожнички, не обезсудьте! — промолвили женщины, складывая свои ноши въ телѣгу.

— Пойдемте въ избу присѣсть да помолиться, — напомнилъ Мартынь.

Мы двинулись вслѣдъ за нимъ и размѣстились на лавкахъ.

Черезъ минуту всѣ поднялись и, помолившись на образа, простились съ гостепріимными и хлѣбосольными хозяевами, поблагодаривъ какъ ихъ, такъ и всѣхъ присутствовавшихъ.

Сопровождаемые добрыми напутствіями, мы усѣлись въ телѣгу вмѣстѣ съ Митричемъ и шагомъ выѣхали со двора.

Провожавшіе насъ пошли рядомъ съ телѣгой.

— Я такъ освоилась здѣсь, будто прожила многіе годы, а не столь короткое время, — сказала я учителю.

— Тутъ всѣ скоро привыкають, — отвѣтилъ онъ.

Мы ѣхали теперь совсѣмъ иной дорогой, нежели явились сюда.

Миновавъ поляну схода и рѣдкій кустарникъ, мы очутились на прогонѣ между пашенъ, широко раскинувшихся по обѣ стороны дороги.

— Какое у васъ угодье-то! — съ завистью воскликнулъ Устинъ.

— А ты спроси: чего намъ это стоило? — отозвался Мартынь.

— Положено тутъ нашей силушки! — воскликнулъ Авер-

кій. — Раньше-то однѣ кочки торчали, и отъ сырости все гнило... Посрѣзали мы всѣ кочки, окопали кругомъ канавами, да еще навозили сюда земли... Только тогда и засѣлись.

— Поковыряли, вдосталь поковыряли!—вмѣшался Меркулычъ.—Вначалѣ-то по колѣно въ водѣ работали... У меня съ той поры и ноги болятъ. Что подѣлаешь, милъ человѣкъ!.. Ежели бы не работать эстолько, то всѣ съ голоду померли бы...

— Истинная правда,—подтвердилъ учитель. — Борьба со здѣшними почвенными условіями требуетъ необыкновеннаго напряженія всѣхъ силъ.

Пашни граничили небольшимъ лѣскомъ съ лугами, на которыхъ уже высились стога свѣжаго сѣна.

Устинъ опять не удержался отъ выраженія зависти:

— Сѣна-то у васъ сколько!.. Обогатиться можно!

— У насъ только для себя, потому что скотъ нашъ привыкъ ѣсть досыта, иначе у него силъ не хватитъ тутъ работать,—отозвался Мартынъ.

— Съѣсть этакую уйму?

— Мы не жалѣемъ, — отозвалась Авдотья. — Работаетъ вмѣстѣ съ нами, такъ это и его тоже добро.

— Что бы мы тутъ безъ скотинушки подѣлали? — задалъ вопросъ Митричъ.

— А пропали бы пропадомъ!—убѣжденно заявилъ Аверкій. Миновавъ луга, мы вступили въ лѣсъ.

Нѣкоторое время всѣ хранили молчаніе, каждый отдавшись своимъ думамъ.

Послышался хрустъ валежника, и вскорѣ на дорогѣ выросла передъ нами высокая фигура страшнаго старика съ увѣсистою суковатою дубиной въ рукахъ.

Изжелта сѣдые волосы дѣда и такая же клочковатая борода торчали въ разныя стороны. Порыжѣлая и облѣзлая мѣховая шапка и рваный тулупъ какъ-то сливались подъ одинъ цвѣтъ съ потемнѣвшимъ лицомъ, испещреннымъ морщинами и усѣяннымъ бородавками на носу и щекахъ. Густыя сѣдые брови нависли надъ безцвѣтными жидкими глазами, напоминавшими стоячую воду.

Въ нашихъ краяхъ я непременно приняла бы это чудовище за разбойника.

Старикъ снялъ шапку и молча поклонился.

— Никакъ, самъ Моховикъ! — вырвалось у Устина невольное восклицаніе.

— Это нашъ дѣдъ Андронъ! — произнесъ почтительно Митричь. — Здорово! — промолвилъ онъ, обращаясь къ старику, и остановилъ лошадей.

— Дѣдушка Андронъ, здравствуй! Какъ поживаешь? — радостно привѣтствовали старика и наши провожатые.

Учитель первый пожалъ ему руку. За нимъ потянулись и другіе.

— Храни васъ Богъ, дѣтушки! — глухо прогудѣлъ голосъ дѣда, бывшаго на цѣлую голову выше всѣхъ окружающихъ.

Чувствовалось, что этотъ неказистый съ виду мужикъ былъ прежде настоящимъ богатыремъ. Онъ и теперь приковывалъ къ себѣ все вниманіе. Въ немъ было что-то мощное, грубое и стихійное. Казалось, болото надѣлило его безраздѣльно всѣмъ, что было у него лучшаго: величиной некрасиваго тѣла, по неуклюжести похожаго на медвѣдя, обликомъ съ наростами, напоминавшими кочковатую поверхность зыбуна, бездонная глубина котораго словно отражалась въ безцвѣтныхъ глазахъ старика, а глухой низкій голосъ говорилъ о невѣдомыхъ тайнахъ страшнаго вязкаго нѣдра, — Андронъ являлся какъ бы олицетвореніемъ роднаго болота. Видимо, онъ пользовался любовью и уваженіемъ у односельцевъ.

— На Рупеть проберемся ли? — спросилъ Митричь.

Андронъ повернулъ къ намъ безстрастное лицо и авторитетно произнесъ:

— Держи прямо... Рупетка еще не убрала воду въ берега... Вчера я верхомъ еле пробрался.

— Ладно... смекаю.

Я выразила удивленіе, что Андронъ можетъ еще ѣздить верхомъ.

— Даромъ, что ему близко ста лѣтъ, онъ еще съ какими горячими конями управляется! — отвѣтила Авдотья.

— Покоряется мнѣ тварь Божія, оттого и управляюсь, — отвѣтилъ Андронъ.

— Откуда путь держишь? — спросилъ его Мартынь.

— Съ Ущепья... Туда повадилась Елизарова кобылка съ жеребенкомъ, — такъ я запретилъ имъ ходить: мѣсто-то ненадежное, долго ли до грѣха.

Онъ говорилъ про лошадей, словно про людей.

— Дальше, дѣтки, не ходите, — прибавилъ Андронъ: — тамъ будетъ хлипко.

Провожатые стали прощаться съ нами.

— Хоть на разставаньи-то скажите намъ: кто вы такіе будете?—задалъ вопросъ Устинъ.

— Чать, такіе же крещенные, какъ и вы, — отозвался Аверкій.

Но отвѣтъ его не удовлетворилъ Крапина:

— Не то,—произнесъ онъ,—люди-то какіе вы будете?

Скрестивъ руки на палкѣ и устремивъ на насъ загадочный взоръ, Андронъ промолвилъ:

— Мы—христіане.

— Православные христіане,—повторили за нимъ другіе.

Они повернули назадъ и вскорѣ скрылись изъ вида.

### ХІІІ.

Миновавъ лѣсъ, мы вступили прямо въ болото. Колеса ушли въ воду по ступицу, и лошадь съ трудомъ двигалась впередъ.

У меня мелькнуло страшное подозрѣніе... Въ самомъ дѣлѣ, такъ легко было отдѣлаться отъ сомнительныхъ посятителей! По сторонамъ у насъ разстилалось необъятное болото, уже подернутое завѣсой молочнаго тумана... Это ужасное болото съ предательскими кочками и ржавыми лужами снова ежеминутно готово было поглотить насъ...

Мнѣ вспоминалась картина „Жертвы Ваала“, гдѣ людское жестокосердіе посылаетъ на мучительную смерть въ раскаленную печную пасть страшнаго божества цѣлые легіоны военноплѣнныхъ. Мы тоже были плѣнниками и находились въ полной власти Митрича. Онъ что хотѣлъ, то и могъ съ нами сдѣлать. А міръ въ огражденіе своей неприкосновенности можетъ быть отдалъ распоряженіе утопить насъ?..

Морозъ пробѣгалъ по кожѣ, и меня пронимала нервная дрожь.

Такое же подозрѣніе возникло и у Крапина, который вдругъ закричалъ:

— Куда ты насъ завезъ?.. Аль хочешь утопить?

— Не бойся, паренекъ,—невозмутимо отвѣтилъ Митричъ,—

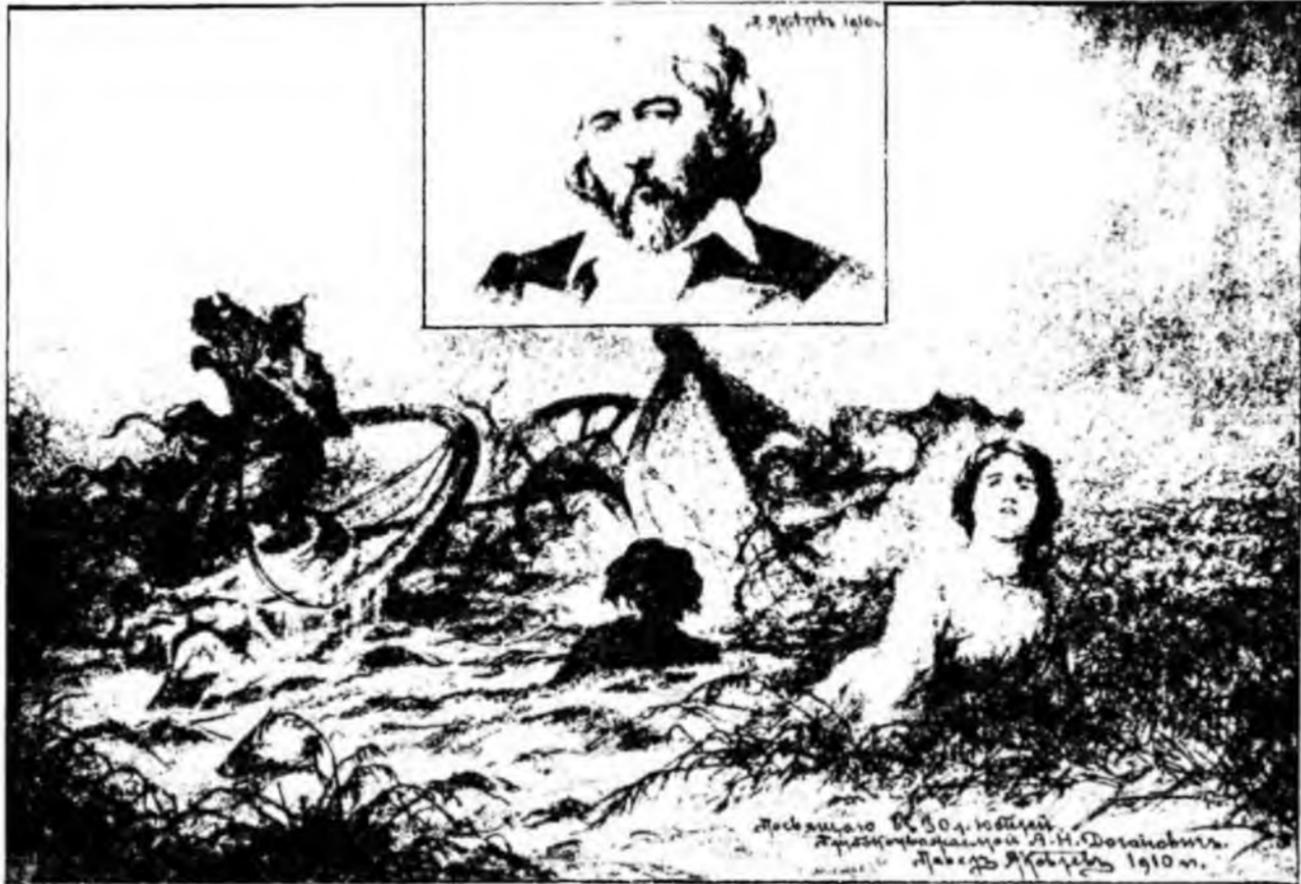


Рис. И. Ф. Яковлева.

## На Пропаломъ болотѣ.

(Ко 2-й главѣ сказа. См. Янв., стр. 11.)



и крикомъ не пужай коня, не ровень часъ... Мы ѣдемъ по опасному мѣсту: съ обоихъ боковъ провалы бездонные... Коли рванетъ Карый въ сторону, — тутъ намъ и капуть!.. Знай, сиди смирно, да держись покрѣпче!

Предупрежденіе было нелишнимъ, такъ какъ насъ качивало словно въ люлькѣ.

— Вонъ только до той кочки высокой добраться, а тамъ и трясинѣ скоро конецъ будетъ!—утѣшалъ старикъ.

— Никакой и кочки-то высокой не видно, — ворчливо отнесся Устинъ.

— Твой глазъ непривыченъ различать въ болотѣ, — замѣтилъ Митричъ.—А я здѣсь все равно, что по своей избѣ хожу, все мнѣ знакомо, каждый уголокъ... Куда хошь сведу и выведу!

— И всѣ у васъ такъ знаютъ здѣсь дорогу? — полюбопытствовала я.

— Ну, нѣтъ! Только ужъ немногіе старики остались еще, кому она вѣдома.

— Отчего же не всѣ?

— Миръ не допускаетъ...

— Почему?

— У васъ-то тамъ грѣха много на бѣломъ свѣтѣ... А грѣхъ обольщаетъ... Особливо слабыхъ... Многіе ли устоятъ противъ него?.. Вотъ наши и боятся, чтобы не соблазнулась молодежь, да не разбѣжалась отсюда.

— А нешто хорошо держать силкомъ?—вмѣшался Устинъ.

— Ино бываетъ и хорошо, молодчикъ, потому что неразумная-то молодежь сама не понимаетъ, когда къ гибели своей стремится, а намъ, старикамъ, не хочетъ вѣрить... Потомъ, когда въ возрастъ придетъ, такъ сама благодарить станетъ, а тутъ—знать ничего не желаетъ!

— А откуда же у нея такое стремленіе?—задорно спросилъ парень.

— Наслушается разныхъ розказней отъ топлыхъ, да и заблажить!.. Вонъ такой топлый-то подбилъ одного молодожена. Тотъ захотѣлъ отдѣлится отъ отца и сталъ проситься у него, потому что его женка со свекровью не поладила. А у насъ такого порядка и съ роду не заведено. Ну, его, значить, и не уважили. Осерчали молодые, поднялись на стариковъ... Ну, словно белены объѣлись!.. Какъ ихъ ни уго-

варивали, ни строжили—ничего не помогло!... Надумали они бѣжать... Топлый-то главный зачинщикъ былъ... И бѣжали тайкомъ... А дороги не знали... Всѣ въ болотѣ и сгнули.

— А откуда же узнали, что они утонули?—спросила я.

— Молодица платкомъ за кустичекъ зацѣпилась, когда билась въ пучинѣ; а мужъ ея на кочкѣ шапку оставилъ... Коняжникъ Андронъ и принесъ эти послѣднія вѣсточки родителямъ несчастныхъ молодоженовъ.

— А еще никто ужъ не бѣгалъ?

— Какъ не бѣгать?.. Случается временемъ... Сдурѣетъ какой паренекъ и уйдетъ... А тамъ, смотришь, и сгинулъ въ болотѣ... Но только тонуть больше пришлые... Не захотятъ остаться у насъ, какъ мѣръ опредѣлить, и уйдутъ. Ну, а какъ же ты тутъ безъ провожатаго - то выдерешься?.. Никакъ невозможно... И тонуть... Вотъ мы подѣзжаемъ къ кочкѣ. А возлѣ нея ямка небольшая, попридержитесь хорошенько!

Мы ухватились за края телѣги.

Нащупавъ ногой яму, Карый фыркнулъ и остановился, боясь спуститься въ нее.

Душой овладѣли снова невольныя подозрѣнія.

— Чего ты?.. Не бойся, Каренькій, ступай впередъ! Скоро и до суха доберемся!—уговаривалъ старикъ лошадь.

Конь осторожно спустился въ воду по самое брюхо. Телѣга грузно плюхнулась за нимъ. Насъ обдало брызгами, словно дождемъ. Но тотчасъ же Карый и вывезъ насъ изъ ямы и бодрѣ побѣжалъ по болѣе твердому грунту. Дѣйствительно, это произошло возлѣ высокой кочки, которую мы обогнули, свернувъ затѣмъ въ сторону. Лошадь обрадовалась не меньше нашего и огласила воздухъ веселымъ ржаніемъ. Твердый грунтъ былъ только сверху едва покрытъ водою. А между тѣмъ мы ѣхали еще среди болота.

— Ну и хитеръ же ты, дѣдъ!—воскликнулъ пораженный Устинъ.—Въ этакой топи дорогу сыскалъ?!

— Не самъ я нашелъ ее,—отозвался Митричъ.— Мнѣ ее отецъ указалъ.

Мы быстро стали приближаться къ берегу.

— И дошлый же вы народъ!—продолжалъ паренъ.

Вскорѣ болото кончилось, и мы вѣхали въ лѣсъ.

— Слава тѣ, Христе!—обрадованно воскликнулъ Устинъ и откровенно признался, что уже готовился къ смерти.

Пастухъ тихо засмѣялся и покачалъ головою.

— Э-эхъ, паря, если бы думно погубить васъ, то зачѣмъ же стали бы топить меня-то съ конемъ?.. Смекни-ка!

Нѣкоторое время мы продирались сквозь частый кустарникъ, пока не выѣхали на торный путь. Въ лѣсу было уже совершенно темно, а Митричь увѣренно направлялъ коня и зналъ, гдѣ сворачивать на перекресткахъ.

Устинъ принялся довольно шумно выражать свою радость.

Старикъ остановилъ его:

— Погоди, паренекъ, болото-то еще не кончилось: оно вдалось языкомъ въ этомъ лѣсу. Но это ужъ остатки Пропалова. Больше оно намъ не попадетъся.

Устинъ притихъ.

Въ темнотѣ мы спустились какъ бы въ узкую ложбину, усѣянную кочками. Это и былъ языкъ Пропалова. Хотя не надолго, но снова пришлось испытать жуткое ощущеніе близости смерти.

Когда затѣмъ дорога опять пошла лѣсомъ, то Устинъ серьезно спросилъ Митрича:

— Скажи, дѣдъ, по чистой совѣсти, какъ передъ Истиннымъ: ты колдунъ?

Пастухъ засмѣялся.

— Съ чего ты это выдумалъ?

— Да вездѣ ты прокладываешь себѣ путь, ровно по суху!.. Гдѣ хочешь проѣхать—тамъ твердая земля вздымается и болото не касается тебя!.. Не принимаетъ своего.

— Вишь, что выдумалъ!.. Я не болотовикъ, прости Господи, а крещеная душа!.. И напрасно ты думаешь, что я вездѣ проѣхать могу. Просто мнѣ сухія мѣста вѣдомы, по которымъ можно до васъ добраться. Они какъ паутинки по болоту-то пролегають... Я нахожу ихъ по особымъ примѣтинамъ, по нимъ и путь держу.

Снова мы попали на широкую наѣзженную дорогу.

— Теперь ужъ всякія препоны кончены,—объявилъ Митричь. —Вотъ какъ достигнемъ деревни Сумиловки, такъ отъ нея до настоящаго трахту—рукой подать... Тамъ поѣдете напрямки до своего села.

— А мы не миновали еще полянки съ горѣлыми столбами, да оврага, — замѣтилъ Устинъ.

— Это совсѣмъ въ другой сторонѣ осталось, туда намъ вовсе была не рука и ѣхать-то!

— Ахъ, ты дока, дока! Какъ все ты доподлинно знаешь! — воскликнулъ парень.

Еще довольно долго ѣхали мы по лѣсу, сворачивая съ одной дороги на другую. Занялась уже утренняя заря, когда наконецъ мы достигли Сумиловки. Населеніе ея только еще просыпалось. Пастухъ игралъ на рожкѣ. Ворота со скрипомъ отворялись. Со всѣхъ дворовъ выгоняли въ поле скотину.

Мы остановились у заѣзжей избы.

— Дай вздохнуть коньку, — посовѣтывалъ Митричъ, — а тамъ, съ Богомъ и снова въ путь-дорожку... Помните наказъ вамъ и соблюдайте клятву.

— Не безпокойся, не забудемъ! — отвѣтили мы.

Устинъ прибавилъ:

— Меня теерь хотъ рѣжь, хотъ жги, я не скажу ни слова!

Мы поблагодарили Митрича за сопровожденіе и его лѣченіе.

— Не за что, братики, не за что! — скромно отозвался онъ. — Храни васъ Богъ!

Онъ поклонился и пошелъ.

— Куда же ты? — спросилъ Устинъ вдогонку.

— Закушу, да куплю кое-чего, а тамъ — поплетусь въ обратъ.

Крапинъ свистнулъ:

— Фью!.. Когда же ты доберешься домой, если мы всю ночь ѣхали? Черезъ недѣлю, не раньше?

— Зачѣмъ? Я пройду напрямки, гдѣ лошади-то и не проѣхать. Къ вечеру и оборочусь назадъ.

Старикъ кивнулъ намъ головою еще разъ и пошелъ улицей.

Устинъ привязалъ во дворѣ лошадь и задалъ ей корму.

Я вошла въ избу и спросила у хозяйки самоваръ. Вскорѣ его подали на столъ. Другихъ проѣзжихъ не было.

Пришелъ Крапинъ. Мы напились чаю и отправились усаживаться въ телѣгу.

— Дождите меня маленько, я заверну тутъ недалечко... Всего на минутку! — сказала Устиня и исчезъ со двора.

Его минутка продлилась въ полчаса. Я замѣтила къ тому же, что онъ успѣлъ уже гдѣ-то выпить.

— Какъ тебѣ не стыдно! — выговорила я ему за это.

— Ничего не подѣлаешь, знакомаго повстрѣчалъ, мы и закалякались малость, — сказалъ онъ въ свое оправданіе. — Хоть отвель душу христіанскую!.. У-ухъ! Не чаялъ и живу вернуться!

Онъ влѣзъ въ телѣгу, и мы выѣхали со двора.

Устиня тотчасъ заорала пѣсни.

Миновавъ деревню, мы вступили въ негустой лѣсъ.

Обернувшись ко мнѣ, Крапинъ промолвилъ:

— А вѣдь сумнительный народъ эти пропаловцы?.. Какъ они вамъ поглянулись?

— Я ничего не замѣтила худого... А что?

— Вишь, лошади-то у нихъ какія, ровно наподборъ, одна лучше другой!

Онъ замялся.

— Ну?

— Кабыть конокрады, оттого и въ болотѣ хоронятся.

— Чужія сборныя лошади не слушались бы ихъ голоса... Такъ понимаютъ хозяевъ лишь свои воспитанники-выкормыши, — сказала я.

Устиня pokrutilъ головой, затрудняясь въ возраженіи, и снова затынула пѣсню.

Попалась какая-то деревня. Устиня завернулъ въ казенку, послѣ чего настроеніе его сдѣлалось еще болѣе веселымъ.

Вскорѣ мы выѣхали на большой трактъ.

— Но-но-но!.. Пошелъ, Карый! — закричалъ Крапинъ захмелѣвшимъ голосомъ.

Послушная лошадь помчалась во весь опоръ.

— Эхъ, ты-но! Любо, дорого! — восхищенно воскликнулъ парень.

Долго мчались мы такимъ образомъ, пока съ разгона не влетѣли въ какой-то поселокъ.

Снова Устиня сдѣлала привалъ у казенки.

На мои уговоры подождать пить до Панчарова онъ не обратилъ никакого вниманія.

Въ дальнѣйшемъ пути, несмотря на явное утомленіе лошади, мой возница понукалъ ее все болѣе и болѣе.

— Будетъ ужъ тебѣ,—останавливала я его.—Дай ей отдохнуть!

— Чаво ей станется? Наотдыхалась у болотныхъ лягушатниковъ!—довольно грубо отвѣтилъ онъ.—Вишь, какіе бока-то раскормила?.. Ровно у нашего старосты!.. Надо будетъ ей спустить немного жиру!

Неожиданно онъ сталъ вытаскивать кнутъ изъ телѣги.

Я поняла его желаніе и въ ужасѣ закричала:

— Откуда у тебя кнутъ?.. Что ты хочешь дѣлать?.. Не смѣй бить коня!

Крапинъ засмѣялся совсѣмъ уже пьянымъ смѣхомъ:

— Ха-ха-ха!.. Откуда?.. Извѣстно, купилъ... еще въ Сумиловкѣ!.. Надо пристрожить Караго, чтобы онъ зналъ хозяина... Для порядка... Теперь съ волей-то, братъ, протистись, ау!..

— Да ты не въ умѣ: онъ насъ разнесетъ!—закричала я въ отчаяніи еще громче.

— Пусть-ка попробуетъ, такъ я съ него шкуру спущу!

Онъ слегка приподнялся и замахнулся кнутомъ.

Я схватила его за руку, стараясь изо всей силы удержать отъ удара.

— Оставь!—заоралъ онъ.—Не то выброшу изъ телѣги!

Я не уступала.

Устинъ освирѣпѣлъ.

Произошла короткая, но ожесточенная борьба.

Парень былъ сильнѣе меня и, высвободивъ свою руку, съ размаха хлестнулъ Караго.

Послѣдній вздрогнулъ отъ неожиданности. Издавъ угрожающій храпъ, онъ лягнулъ телѣгу обѣими ногами и затѣмъ бѣшено помчался впередъ.

Отъ сильнаго толчка мы попадали въ телѣгѣ въ разныя стороны. Устинъ, ударившись головою о грядку, глухо застоналъ. Шапка свалилась съ головы и потерялась на дорогѣ. Парню было не до нея: съ большимъ трудомъ онъ могъ приподняться и сѣсть.

Меня отшатнуло въ противоположную сторону и съ силою ударило рукою о край телѣги. Отъ боли у меня посыпались изъ глазъ искры. Я стиснула зубы, подавляя крикъ.

Мнѣ стоило большого напряженія воли приподняться на мѣстѣ и держаться за край, чтобы не вылетѣть изъ телѣги.

— Тпру!.. Тпру, окаанный! — кричалъ Устинъ на лошадь. Но занесшійся конь уже не слушалъ его.

Вихремъ пронеслись мы мимо нѣсколькихъ деревень, въ которыхъ все шарахалось въ стороны, освобождая намъ путь. Сворачивали на дорогѣ также и встрѣчныя повозки. Тицетно зывалъ ко всѣмъ Устинъ, моля о помощи... Лошадь продолжала нести насъ какъ ураганъ. Она уже вся покрылась мыломъ. Пѣна густыми хлопьями падала съ нея на землю. Мнѣ казалось, что если не случится какой-нибудь катастрофы, то конь все равно падетъ вскорѣ мертвымъ.

Въ душѣ у меня было отчаяніе...

а подобіе пушечной стрѣлы ворвались мы, наконецъ, и въ свое Панчарово.

— Держите, братцы!.. Помогите! — кричалъ Устинъ односельцамъ.

Парни, поившіе у колодца лошадей, вскочили на нихъ и погнались за нами... Настигнувъ насъ въ концѣ села, они съ большимъ трудомъ остановили Караго, котораго тотчасъ же и привязали къ забору.

Лошадь хралѣла, фыркала и дрожала всѣмъ тѣломъ.

Ей накрыли платкомъ голову и принялись уговаривать и успокаивать, глядя по головѣ и шеѣ.

— Гдѣ ты такого рысака досталъ? — спросилъ одинъ парень съ завистью.

Устинъ, у котораго давно отъ страха прошелъ хмель, нашелся отвѣтить:

— Въ городѣ на базарѣ вымѣнялъ съ придачей на своего Савраску.

— И много далъ?

Крапинъ только махнулъ рукой.

Вся разбитая и какъ бы истерзанная, я еле имѣла силы дотащиться до школы, гдѣ уже меня дожидалась бабка Козлова, узнавшая о нашемъ возвращеніи...

Вручивъ обрадованной старухѣ деньги, я послала верхового на пунктъ за врачомъ или фельдшеромъ, такъ какъ у меня разбалывалась рука все болѣе и болѣе.

Вернувшійся вечеромъ мой посланецъ объявилъ, что не засталъ тамъ ни того, ни другого.

Я провела тяжелую ночь, а утромъ рѣшила уѣхать въ городъ къ знакомому врачу, что немедленно и привела въ исполненіе.

Лѣчиться, сверхъ ожиданія, мнѣ пришлось довольно долго. Въ это время мнѣ предложили другое, болѣе выгодное мѣсто. Я приняла его и уѣхала служить на югъ Россіи, надѣясь тамъ поправить разстроенное здоровье.

### Э п и л о г ъ .

Послѣ описанныхъ мною событій прошло около двухъ лѣтъ.

Однажды передъ Рождествомъ я ѣхала по желѣзной дорогѣ въ городъ О. навѣстить свою тетку. На узловой станціи мнѣ пришлось дожидаться передаточнаго поѣзда.

Я сѣла къ свободному столу и спросила себѣ чаю.

Подошелъ другой поѣздъ. Вокзалъ наполнился новыми пассажирами.

У моего стола занялъ мѣсто господинъ, въ которомъ я узнала знакомаго фельдшера съ пункта близъ Панчарова.

Мы очень обрадовались другъ другу.

Оказалось, что онъ ѣхалъ въ отпускъ въ г. М.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и изліяній мы принялись вмѣстѣ закусывать и пить чай, вспоминая прошлое, всегда одинаково милое и дорогое сердцу. Я закидала его вопросами про священника, матушку, дьякона, почтмейстера и многихъ другихъ. Онъ едва успѣвалъ отвѣчать мнѣ. Въ полчаса я узнала уже всѣ панчаровскія новости: кто умеръ, кто женился или вышелъ замужъ, кто погорѣлъ и т. п.

— А намъ говорили, что вы тогда долго хворали, какъ уѣхали изъ Панчарова? — спросилъ въ свою очередь фельдшеръ.

Я отвѣтила утвердительно.

— Помните Устина Крапина, который привезъ васъ тогда изъ города?

— Помню... А что?

— Съ нимъ случилась скверная исторія.

— Какая?

Я насторожилась.

— Вѣдь парень-то рехнулся со страха, что тогда чуть не потонулъ въ болотѣ.

— Неужели?.. Да почему же?.. Какъ это случилось? Развѣ совсѣмъ сошелъ съ ума?

— Не то чтобы окончательно, а вѣрнѣе сказать: сдѣлался однопунктнопомѣшаннымъ, или, что называется, тронулся, — поправился Зиновьевъ (такова была фамилія фельдшера), дѣлая нѣсколько глотковъ чая. — Сначала-то никому и невдомекъ было, что у него начиналось уже это... Онъ завелъ такую кутерьму, что всѣхъ на ноги поднялъ!.. Вы знаете: земскій начальникъ и васъ разыскивалъ, чтобы допросить, да вы въ то время уже уѣхали на югъ.

Это сообщеніе меня очень заинтриговало.

— Меня?... Зачѣмъ?

Прожевавъ булку, Зиновьевъ продолжалъ:

— Видите ли, былъ Устинъ до самаго Ильина дня совершенно какъ слѣдуетъ. А тутъ въ престольный праздникъ онъ загулялъ съ пріятелями, да и рассказалъ имъ невѣроятную исторію про какое-то Пропалое село, куда вы попали будто послѣ того, какъ чуть не потонули въ болотѣ. Привелъ васъ туда пастухъ. Тамошнее селеніе прячется отъ властей, укрывается отъ воинской повинности, податей не платитъ и живетъ припѣваючи. Ну, вотъ, скажите: были вы съ нимъ въ этомъ селѣ? — прямо поставилъ мнѣ вопросъ собесѣдникъ.

Я засмѣялась, стараясь этимъ уклониться отъ отвѣта.

— Во снѣ онъ, что ли, видѣлъ!

— Ну, вотъ, разумѣется, не слѣдовало придавать значенія словамъ подкутившаго человѣка. Всѣ поняли потомъ, что это былъ лишь плодъ его разстроеннаго воображенія.

— Почему же раньше ему повѣрили?

— Какъ же было не повѣрить, когда онъ утверждалъ съ клятвою и даже на васъ ссылался... Говорилъ, что ему и лошадь-то подарили за молчаніе пропаловцы, потому что они конокрады... А вы знаете, какое это грозное обвиненіе для крестьянъ? Это для нихъ самый болевой вопросъ! Помните, сколько было угнано лошадей изъ нашего села... Вотъ всѣ панчаровцы и поднялись какъ одинъ человѣкъ, загалдѣли.. Сами потребовали, чтобы ихъ вели къ пропаловцамъ...

Такое возбужденіе всѣхъ охватило, что готовы были разорвать болотниковъ!

Зиновьевъ допилъ чай и попросилъ налить еще.

Я исполнила его желаніе и подвинула ему новый стаканъ.

— Что же было дальше?

— Съѣхалась полиція, вообще всѣ власти.. и съ понятыми пошли разыскивать Пропалое село.. Шутка ли вѣдь, сколько народу-то потревожили для этого!.. А осень стояла дождливая, грязная.. Шлепали наши мужики по болоту, шлепали, грязь мѣсили ногами, мѣсили, а все толку не было.. Не одинъ разъ облаву устраивали.. Наконецъ Устинъ завелъ ихъ въ такое мѣсто, что всѣ было тамъ чуть не потонули.. Еле выбрались.. Если бы продолжали слушать его, то онъ и до сихъ поръ водилъ бы ихъ по болоту разыскивать небывалые броды.. Но крестьяне наконецъ опомнились и поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.. Тогда они тотчасъ же представили Устина къ врачу для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей. Врачъ и объяснилъ имъ потому, что отъ сильныхъ потрясеній бываютъ однопунктныя помѣшательства на почвѣ фантастическихъ представлений. Ну, а вѣдь Крапинъ-то до смерти испугался, когда въ болотѣ тонулъ и затѣмъ еще — когда его понесла лошадь.. Все это довершилъ ушибъ головы.. Вотъ, въ человѣческомъ механизмѣ какое-то тамъ колесико и соскочило со своего мѣста.. Мысль и запрыгала.. А такъ, во всемъ остальномъ Устинъ — вполне здравомыслящій человѣкъ, и родители даже имѣли намѣреніе женить его..

Въ это время на платформѣ раздался звонокъ.

Вошедшій сторожъ объявилъ, что подходит поѣздъ въ гор. О.

— А мой на М. когда придетъ? — спросилъ фельдшеръ.

— Черезъ десять минутъ по другой платформѣ, — отвѣтилъ сторожъ.

Мы поднялись одновременно, расплатились въ буфетѣ и дружески простились.

Анна Догановичъ.

# СТЕПНОЙ ОГОНЕКЪ.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній.)



Н. А. Иваничкій.

Видалъ ли ты въ степи глухой,  
Порою бурною, ночной  
Вдали дрожащій огонекъ?  
Твой скученъ путь и одинокъ,  
И, какъ въ степи, въ душѣ твоей  
Холодный сумракъ зимнихъ дней.  
Но тотъ далекій тусклый свѣтъ  
Отраднѣе шлетъ тебѣ привѣтъ.  
Слѣдишь за нимъ съ надеждой ты,  
И роемъ свѣтлыя мечты  
Въ душѣ проносятся твоей:  
Ты тамъ опять найдешь людей,  
Отъ вѣтра бурнаго пріютъ,  
Покой и сонъ тебя тамъ ждутъ.  
Но между тѣмъ средь темноты  
Давно съ дороги сбился ты;  
Къ оврагу дикому привлекъ  
Тебя коварный огонекъ,  
И кони выбились изъ силъ;  
И ты невольно порѣшилъ  
Въ степи угрюмой ночевать  
И терпѣливо утра ждать.  
Сильнѣе вѣтеръ все шумить;  
Тоска сильнѣй тебя томить;  
И такъ же блѣденъ и далекъ  
Горитъ привѣтный огонекъ.

Н. Иваничкій.





## ПЕРЕЖИТОЕ.

ЖИТЕЙСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ  
ВОСПОМИНАНІЯ.

### ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

#### IV \*).

ано утромъ меня разбудила Татьяна.

— Что такое?

— Васъ спрашиваетъ какая-то дѣвушка.

— Кто именно?

— Не сказала ничего... Я такъ думаю, что либо горничная, либо изъ магазинокъ...

— Гдѣ же она?

— Въ саду дожидается... Сказала только, что очень надо васъ... просила разбудить.

Я поспѣшно одѣлся и вышелъ въ садъ.

Тамъ я засталъ горничную хозяйки, у которой нанимала комнату Надежда Васильевна. Дѣвушка передала мнѣ записку отъ Купріяновой. Она извѣщала, что ея товарка арестована. „Могутъ взять и меня, уничтожьте всѣ мои письма и все, что можетъ повредить вамъ“,—заканчивала землячка.

— Хорошо,—сказалъ я горничной:—передайте барышнѣ, что все будетъ исполнено.

Извѣстіе всѣхъ очень встревожило...

— Послушайте,—сказалъ Кристлибъ, заѣхавшій къ намъ въ этотъ день:—есть у васъ такія книги?

\*) См. „Свѣточъ“ 1910 г., февраль, 101 стр.

— Такихъ книгъ нѣтъ, вы это должны знать. Но есть Лассаль. Онъ изъять... однако, это уже не такъ ужасно...

— Все равно... спровадьте куда-нибудь, стоитъ ли изъ-за этого наживать хлопоты.

— Куда же я дѣну?

Нашъ разговоръ услыхалъ М—дый.

— Куда?—промолвилъ онъ. — Да въ подвалъ!.. Тамъ капуста, брюква, картофель... Никто не найдетъ, да и искать не будутъ.

Я запротестовалъ. Пріѣхала Александра Алексѣевна. Она присоединилась къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ, и на меня было сдѣлано дружное нападеніе.

— Э, да что долго говорить! Гдѣ книга?.. Эта? А-а!

Она схватила книгу—и командовала Татьянѣ:

— Отворяйте крышку!

Книга полетѣла въ самый далекій уголь подвала.

— Послушайте! Это же еще хуже, — сказалъ я. — Такъ книга — ничего, вѣдь одинъ экземпляръ не распространеніе... Какъ писатель, я могу имѣть... Но скрывать...

— Мы ее заложимъ овощами!.. Пожалуйста, безъ разсужденій!—энергично командовала Кристлибъ.—Татьяна, спуститесь и завалите... ну, хоть картофелю!

Надежду Васильевну, дѣйствительно, „потревожили“, но ее и ея товарку черезъ три дня освободили. Вышло недоразумѣніе. А между тѣмъ письма были уничтожены... Ихъ мнѣ было особенно жаль. Согласясь на уничтоженіе двухъ писемъ, остальные я спряталъ въ буфетъ... Но Вѣра Дмитріевна достала ихъ и всѣ уничтожила. Я началъ упрекать ее за самоволіе, но она рѣзко сказала:

— Молчите... для вашей же пользы.

Теперь я опять съ упрекомъ замѣтилъ:

— Вотъ видите... ничего и нѣтъ... ошибка... А письма пропали!

— Не деньги!.. Еще напишетъ она вамъ... утѣштесь!..

— Надо достать хоть Лассалья...

— Пусть полежитъ... торопиться нечего... Надо дать улечься всей исторіи.

Прошло около мѣсяца. Подруга Надежды Васильевны вышла замужъ за моряка. А книга все покоилась въ подвалѣ.

— Пора же достать... кажется, все улеглось,—сказалъ я.

— Можно!

Спустились въ подвалъ, достали книгу, и... о, ужасъ!— она была изгрызана крысами.

— Теперь вы всё ужасные преступники!—воскликнул Трапезниковъ.

— Почему?

— Крысы пропитались социализмомъ!.. А кто виновать? Вы! Его слова были покрыты общимъ хохотомъ.

## V.

Въ началѣ осени я кончилъ очеркъ „Святые вечера“, составленный по нѣсколькимъ источникамъ, и повезъ его къ А. Н. Острогорскому, который жилъ на Петербургской сторонѣ, въ зданіи военной гимназій. Очеркъ ему понравился.

— Надо его иллюстрировать,—сказалъ А. Н.—Всего лучше можетъ сдѣлать Пановъ. Но когда еще онъ зайдетъ... Вы съ нимъ не знакомы?

— Нѣтъ. Но я могу къ нему заѣхать. Дайте мнѣ вашу карточку.

— Это лучше всего.

Отъ Острогорскаго я поѣхалъ къ „королю иллюстраторовъ“, такъ всё звали Ивана Степановича Панова, рисунками котораго восторгался Паннемакеръ. Гравируя иллюстраціи Панова, онъ говорилъ:

— Горжусь тѣмъ, что помогаю русскому великому иллюстратору... Это—мастеръ!

О Пановѣ въ скоромъ времени (въ дальнѣйшихъ главахъ) я поговорю подробно. Сейчас же я только опишу мою первую встрѣчу съ знаменитымъ „королемъ русскихъ иллюстраторовъ“.

Иванъ Степановичъ жилъ тоже на Петербургской сторонѣ въ глухой Зелениной улицѣ. Это было не особенно далеко отъ квартиры Острогорскаго.

На мой звонокъ дверь немного пріотворилась, и въ отверстіе показалось широкое, полное лицо, обрамленное рыжеватою бородой съ небольшимъ славянскимъ носомъ и крупными губами.

— Здѣсь живетъ художникъ Пановъ?—спросилъ я.

— Здѣсь.

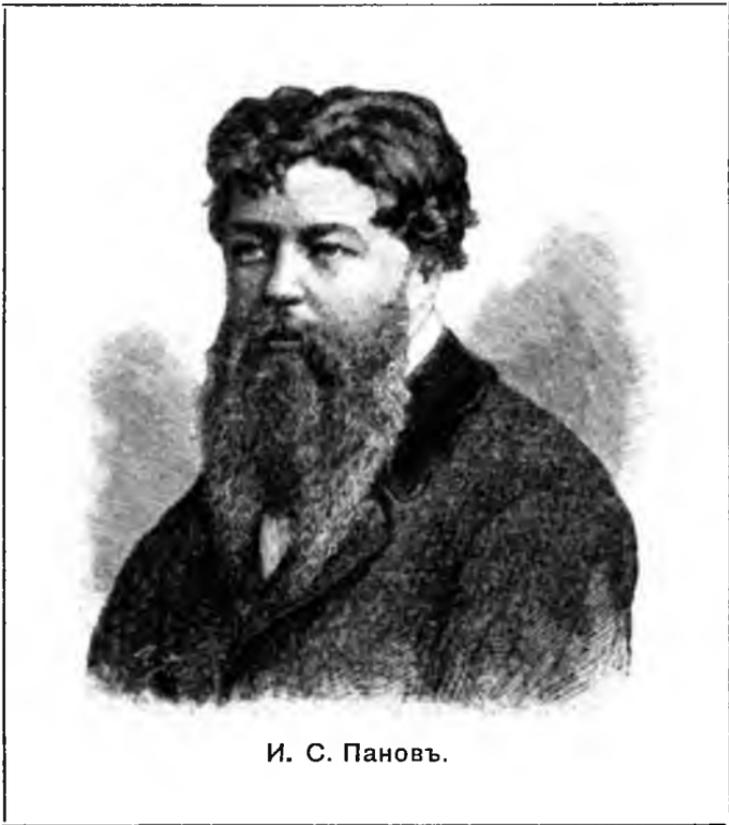
— Могу я его видѣть?

— Я—Пановъ. Чѣмъ могу служить?

Я назвалъ себя и подаль карточку Острогорскаго.

— Эхъ! Ну, да войдите... все равно уже... Далеко ѣхали...

Онъ распахнулъ дверь и пропустилъ меня.



И. С. Пановъ.

— Кажется, не во-время... помѣшалъ вамъ?— началъ я смущенно.

Мы вошли въ небольшую комнату, которая носила на себѣ печать того вкуса, какимъ отличался художникъ - артистъ. На стѣнахъ—гравюры, разные этюды масляными красками и витрины съ разными художественными рѣдкостями. На столахъ—альбомы, рисунки въ папкахъ и разныя художественныя мелочи. Если хотите, нѣкоторый беспорядокъ,

но такой, какой можно правильнѣе назвать артистическимъ порядкомъ.

На мой вопросъ Пановъ отвѣтилъ:

— Ничего, ничего... Дѣло въ томъ, видите, что жена сегодня родила. Но вѣдь это же... садитесь... нѣсколько минутъ я могу удѣлить.

При этихъ словахъ хозяинъ, человѣкъ средняго роста съ коренастой фигурой, опустился на стулъ, отводя правой рукою рыжеватые волосы съ небольшого чистаго лба.

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы нарисовали вотъ это...

Пановъ перебилъ меня:

— Оставьте мнѣ рукопись... я самъ выберу. Что нарисуетъ, то и будетъ... На что потянетъ... По указкѣ не рисую... не умѣю, не могу. Пожалуйста, не обижайтесь!

Могъ ли я обидѣться! Я—пріѣхавшій изъ провинці съ самыми высокими понятіями отъ артистахъ. Артистъ—не ремесленникъ. Нельзя писать перомъ, красками или карандашомъ по заказу, ремесленно. Не помятый жизнью, незнакомый еще со средними представителями пера и карандаша, я и не думалъ тогда, что условія жизни, труда—проклятыя условія, въ которыхъ работаетъ часто свободный художникъ—обращаютъ его нерѣдко въ ремесленника. Увы, въ послѣдніе годы своей жизни не избѣжалъ этого и „король иллюстраторовъ“, теперь вѣско говорившій: извините, работать по указкѣ, по заказу—не умѣю!..

Этотъ отвѣтъ Панова мнѣ понравился, и я почувствовалъ въ одно и то же время и свою неловкость и глубокое уваженіе къ художнику.

— Простите, Иванъ Степановичъ!..

— Вы меня простите,—съ искренней простотой произнесъ Пановъ,—гоню, почитай... Заглядывайте потомъ... Очень радъ... а теперь вотъ...

Его свѣтло-сѣрые глаза выражали тревогу.

Мы обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ, какъ старыя добрыя знакомые.

Такова была моя первая встрѣча съ Пановымъ.

## VI.

Въ концѣ ноября я долженъ былъ перебраться отъ М—дого. Вѣра Дмитриевна временно переѣхала къ теткѣ.

Для меня настало очень тяжелое время.

Работать при огнѣ я не могъ: сейчасъ же въ глазахъ дѣлалась сильная рѣзь. Къ ней присоединялась нестерпимая головная боль. Литературныя работы подвигались медленно. Мѣста—не находилось. Волей-неволей я былъ принужденъ нанять за пять рублей крохотную мансарду въ глухой улицѣ Семеновскаго полка. Это была буквально каморка, которую Трапезниковъ остроумно назвалъ ш к а п о м ъ. Потолокъ былъ такъ низокъ, что я его легко доставалъ рукой. Съ него свѣшивались шпалеры, за которыми безпрестанно скреблись мыши. Ихъ концертъ и шмыганье по комнатѣ не давали мнѣ покою. Первую ночь я провелъ совсѣмъ безъ сна. Окно было крошечное съ тусклыми, замерзшими стеклами. Старая рама потрескалась, и отъ окна несло, словно изъ пропасти. Когда топилась круглая печь, комната наполнялась дымомъ. Приходилось отворять дверь или удаляться на время. Кстати: въ тонкую дверь дуло такъ, что пришлось ее завѣсить половикомъ, даннымъ хозяйкой. Она жила черезъ сѣни,—моя мансарда была вполне „автономной“, по выраженію Крылова. Разъ во время топки я, спѣша кончить работу, не вышелъ изъ комнаты. Отъ дыма заломило въ глазахъ, и голова разболѣлась. Въ другой разъ я ночью такъ угорѣлъ, что едва со мною отводились.

Затѣмъ случился фактъ, переполнившій чашу терпѣнія. Я пилъ чай, на потолкѣ за шпалерами поднялась возня мышей, и жирный мышенокъ брякнулся прямо въ мой стаканъ.

Я вскочилъ со стула и выбѣжалъ изъ комнаты. Оставаться дольше въ мансардѣ я не могъ и рѣшилъ немедленно переѣхать куда-нибудь. Эту ночь я провелъ у Крылова, на другой день заложилъ все, что только могъ, взялъ пять рублей у Кристлибъ и сталъ искать новую „квартиру“. Случайно я встрѣтился со швейцаромъ Черкесовской библиотеки. Онъ предложилъ комнату у себя—всего за 10 рублей!

— Правда, она проходная, — сказалъ онъ, — но сухая и теплая!

Я обрадовался, далъ задатку два рубля и поѣхалъ за своими вещами. Хозяйка мансарды была обижена.

— Чѣмъ не комната! — сказала она. — Не важный чиновникъ какой...

— Да помилуйте, мыши въ стаканъ падаютъ!

— Одинъ-то!.. Не все же стали бы падать... Да уѣзжайте... не огорчусь... квартирантовъ найдется...

Черезъ часъ я былъ на новосельѣ. Швейцаръ—безсовестно обманулъ. Комната оказалась полутемная, сырая и при этомъ проходная.

Выше 11—12 градусовъ температура въ комнатѣ не поднималась. Часто зато падала до 5—4. Съ ногъ дуло. Пришлось сидѣть въ калошахъ и пальто. Чугунку затапливали обыкновенно передъ обѣдомъ. На часъ въ комнатѣ дѣлалась тропическая, удушливая жара. Потомъ печь быстро остывала, t° падала все ниже и ниже и держалась до ночи не выше 11—12. Къ ночи становилось холоднѣе, а ночью подъ утро я просыпался „въ сибирской тундрѣ“. Случалось просыпаться даже при 2 град. тепла! Нерѣдко я спалъ въ одеждѣ и все-таки дрожалъ отъ холода.

Единственное окно моей комнаты выходило въ стѣну вблизи помойной ямы. Открыть форточку я не дерзалъ. Въ часъ дня я уже зажигалъ лампу.

— Ну, братъ, изъ огня да въ полымя! — сказалъ землякъ, зайдя ко мнѣ. — Бросай и эту!

— Ишь ты! А деньги? За мѣсяцъ впередъ отдано!

— Ну, и люди!.. Да кто хозяинъ?

— Швейцаръ Черкесовской библиотеки, — отвѣтилъ я.

— Нашъ? Крещеный Израиль? Ахъ, онъ...

Не поздоровилось бы хозяину, если онъ слышалъ бы окончаніе фразы Трапезникова. Но дома оставалась одна хозяйка. Мужъ находился на службѣ. Трапезниковъ хотѣлъ итти съ объясненіями къ хозяйкѣ. Но я отговорилъ его. Къ чему? Только однѣ неприятности!

— Э, братъ, да ты... политикомъ становишься! — смѣясь, замѣтилъ Николай Николаевичъ.

— Будешь у васъ; то мыши валяются въ стаканъ, то...

— Самъ виноватъ... гордъ! Отчего не сказалъ мнѣ?

— Да я тебѣ и такъ долженъ... И кому я не долженъ?..

— Пустяки!.. Доживай мѣсяцъ — и переѣзжай... а то къ праотцамъ отправишься!

Къ внѣшнимъ неудобствамъ комнаты присоединились еще и, такъ сказать, внутреннія. Рядомъ со мною жила нѣмка съ дочерью лѣтъ 11—12, которую звали Гретхенъ, и съ сыномъ Борисомъ, капризнымъ пятилѣтнимъ мальчишкой. Онъ съ утра начиналъ ревѣть, стучать, драться съ сестрой. Та плакала. Мать унимала сына, уговаривала дочь и при этомъ кричала визгливо на простонародномъ нѣмецкомъ языкѣ. По-русски мать выкрикивала только двѣ фразы:

— Грета, не плашъ (не плачь).

— Барисъ, молши!

Борисъ не хотѣлъ слушать и продолжалъ орать.

Тогда нѣмка начинала усовѣщивать Бориса: „Ну, будь мальчикъ добрый... рядомъ жилецъ... ты ему мѣшаешь работать“.

Борисъ еще пуще принимался кричать.

Я терялъ терпѣніе и стучалъ въ дверь къ сосѣдямъ.

Это уже сердило нѣмку. Она выходила изъ комнаты и объявляла мнѣ рѣзко:

— Мы у себя... Мы у себя хозяева... Что хотимъ—то и дѣлаемъ.

Борисъ видѣлъ, что мать присоединяется къ нему, и уже оралъ какъ поросенокъ, котораго рѣжутъ.

Я бросалъ работу и уходилъ изъ дому. Пробовалъ я жаловаться хозяевамъ, но они говорили:

— Да, противная нѣмчура... Но мы получаемъ аккуратно плату, и больше за комнату никто не дастъ... Потерпите... она, кажется, собирается уѣзжать.

Это былъ только дипломатическій отвѣтъ. Трапезниковъ не выдержалъ и разнесъ хозяина-швейцара. Тотъ смутился и предложилъ мнѣ „больше топить печь“, чтобы тепло было ночью. Но я отказался, потому что тогда пришлось бы задохнуться отъ жары, послѣ которой снова скоро наступилъ бы холодъ.

Нужно было тянуть до конца мѣсяца. Моему терпѣнію все дивились. Заѣхала какъ-то Надежда Васильевна и пришла въ ужасъ.

— Да вы здѣсь погибнете! — сказала она. — Уѣзжайте куда-нибудь!

— Куда? Въ Крымъ? — смѣясь, спросилъ я.

— Это было бы для васъ отлично... но если нельзя такъ далеко, то поближе... въ лучшую комнату.

— Такія кусаются, землячка!

— Рублей за двѣнадцать можно найти сносную... Я плачу всего 17 рублей! Послушайте, возьмите у меня денегъ... займы, конечно!

— Ну, конечно... но я еще не отдалъ прежнія!

— Ахъ, что за вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ! Я не могу... поймите меня!

— Но вы заболѣете!

— Богъ сохранить... Мѣсяца черезъ два, а то и ранѣе — я, вѣроятно, смогу перебраться, кончу поѣму — и получу деньги.

— Вы что пишете? Для кого?

— Я задумалъ и уже началъ для „Дѣтскаго Чтенія“ рассказъ въ стихахъ, „Въ морозные дни“. Прочестъ начало?

— Пожалуйста!

Я прочелъ первыя двѣ главки.

— Недурно... только... отзывается Некрасовымъ... по формѣ. Кончайте! Да отчего вы не пишете для „От. Записокъ“?

— Сказать правду?

— Конечно!

— Не выходитъ... Пороху мало...

— Что вы говорите! Вы на себя клевете!

— Нисколько. Я еще набиваю руку... подхожу къ такимъ работамъ... Я не хочу, чтобы мнѣ вернули...

— Гордость? Да?

— Если угодно... Но вѣрнѣе — боязнь.

— Чего?

— Во-первыхъ, чтобы не сказали... ну, не подумали тамъ: „какой нахаль — несетъ такую мерзость!“ Затѣмъ, во-вторыхъ, — чтобы не подшибать себѣ крыльевъ: вернуть — я раскисну, чего добраго! Я чувствую, что надо... подождать...

— Пусть такъ... работайте только... не хандрите... Отчего вы рѣдко стали ко мнѣ заглядывать? Или... гдѣ-нибудь проводите свободное время? — закончила Купріянова, подчеркнувъ слова „гдѣ-нибудь“.

— Вы не угадали... тамъ я рѣдко бываю... У васъ быть мнѣ всегда пріятно, но... вы заняты, да и ваши друзья едва ли меня любятъ.

— Вамъ нѣтъ дѣла до моихъ друзей, какъ вы... иронично выражаетесь... Вы должны знать, что я васъ...

Я усмѣхнулся. Надежда Васильевна сразу угадала и съ улыбкой добавила:

— Я не такъ кончу... я васъ хочу видѣть чаще!

— И на томъ спасибо!.. Я приду въ эту субботу... можно?

— Приходите... только навѣрное! Если напишете дальше что... приносите...

Я отправился ее провожать. Мы растались у здания Медицинской Академіи. Прощаясь, Надежда Васильевна сказала:

— Оставайтесь solo... такъ вамъ лучше... вамъ нужна свобода...

— А няня?

— Найдете и няню... Эхъ, вы...

— Что?

— Ничего! Ну, работайте же!.. Я хочу, чтобы вы оправдали мои надежды.

— Развѣ вамъ это важно?

— Я думаю!

— Почему? Вѣдь вы... не такъ закончили фразу! — сказалъ я и вдругъ самъ же испугался своихъ словъ.

— Окончаніе не при чемъ! Мы друзья... и этого вы не должны забывать. А къ успѣху и неудачѣ друга я не могу относиться равнодушно... А затѣмъ...

— Что „затѣмъ“?

— Затѣмъ... прощайте!

И смѣясь она протянула мнѣ руку.

Въ этотъ вечеръ я поздно вернулся домой. Я зашелъ къ Кристлибамъ, гдѣ было много гостей, и мы пировали.

Въ моей комнатѣ градусникъ показывалъ — 8.

Не раздѣваясь, я бросился на кушетку, которая замѣняла мнѣ кровать.

## VII.

Борисъ продолжалъ неистовствовать. Вздумается ему изображать изъ себя караульщика — и онъ начиналъ бить ку-

лаками въ дверь. Потомъ свисталь — это онъ играль въ „пароходъ“. Случалось, что нѣмка уходила по дѣламъ и запирала сына и дочь на замокъ. Борисъ тузилъ сестру, кусаль ей руки. Та ревѣла и таскала его за волосы. Унять ихъ не было никакой возможности. На замѣчанія черезъ двери Гретхень плаксиво жаловалась на брата, а тотъ ругался и хохоталь.

Я пошелъ на сдѣлку. Я предложилъ нѣмкѣ даромъ учить Гретхень русскому языку, а Борису купилъ двѣ картинки. Далѣе я сталъ показывать ему разныя иллюстраци изъ дѣтскихъ журналовъ. Уходя, нѣмка перестала запирать комнату. Снабдивъ Бориса картинками и задавъ Гретхень писать что-нибудь изъ книги, я отдавался работѣ. Но не могу сказать, чтобы она совсѣмъ не прерывалась. Случалось, что картинки Борису надоѣдали, и онъ начиналь ревѣть. Бить сестру я уже не позволяль, но мальчишка кричалъ и ругаль меня. Какъ-то разъ у меня сидѣль въ гостяхъ техникъ. Борисъ ораль немилосердно. Гретхень чувствовала себя нездоровой и лежала. Наши уговоры не дѣйствовали на мальчишку. Онъ нарочно кричалъ сильнѣе. Мой гость не выдержаль, схватилъ графинъ съ водой и облиль холодной водою крикуна. Сразу это его такъ озадачило, что онъ смолкъ и съ испугу забрался подъ кровать. Зато потомъ началъ орать, сняль всю одежду съ себя и, въ такомъ видѣ вставъ въ дверяхъ, принялся кидать въ насъ бабками, которыхъ у него было много. Во время этой бомбардировки вернулась мать. Она пришла въ ужасъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, хотѣла сейчасъ бѣжать въ „часть“ съ жалобой на насъ. Но техникъ такъ пугнулъ ее, что она присмирѣла и даже извинилась. На другой день Борисъ ораль попрежнему, но, помня ванну, при моемъ приближеніи прятался куда попало...

Въ такой ужасной обстановкѣ я провелъ два съ половиною мѣсяца, работая урывками, питаюсь сначала въ греческой кухмистерской, а потомъ въ народной столовой въ Апраксиномъ рынкѣ, гдѣ за нѣсколько копеекъ давали на обѣдъ щи, картофель и кашу. Хлѣба можно было ѣсть сколько угодно. На него я и налегаль, такъ какъ порціи кушаній всегда были очень мизерны.

Вмѣстѣ со мною обѣдаль часто какой-то мужикъ съ рыжей.

бородкою въ видѣ лопаты. Онъ молча все всматривался въ меня. И вдругъ разъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А что, господинъ, вѣдь, кажись, вы будете вологодскіе?

— Да.

— Такъ! И кажись, вамъ доводился дѣдушкой Ликсандръ Миколаичъ Горновскій?

— Да.. А ты почему знаешь?

Мужикъ усмѣхнулся.

— А мы, стало, довольно хорошо знали вашего дѣдушку и васъ признали...

— Ты вологодскій тоже — бываль у дѣда?

— Да, я ихній былъ... крѣпостной, стало...

— Ты изъ дѣдушкиныхъ крѣпостныхъ?

— Точно такъ... Може, помните Федота?

— Какого Федота?

— А что отъ бульдога васъ спасъ!.. бульдогъ накинулся...

— Что-то припоминаю... Такъ это развѣ ты спасъ?

— Нѣтъ... я его сынъ буду — Федота-то, стало быть.

— А-а! Ты зачѣмъ же здѣсь?

— Да по работамъ... по плотничьему дѣлу... ну, и заболѣвши... а дѣловъ-то пока и нѣту... Да вотъ общались...

Онъ помолчалъ и спросилъ, не то несмѣло, не то соблюдая деликатность:

— А вы здѣсь по какому случаю?

— Вотъ тоже въ Петербургъ пріѣхалъ по дѣлу...

— Учиться?

— Пожалуй и учиться...

— Такъ... То - то вижу и думаю: кажись, не ошибся... А сюда-то какъ зашли: ужли по нуждѣ? Аль оно... такъ... а только... долго еще учиться - то?

— Не долго уже!

— Ну, что жъ... опосля служить будете... и поправятся дѣла... Всяко бываетъ... Въ одной кожѣ вѣкъ не изживешь... Маменька-то живы?

— Жива.

— Такъ.. Пообѣдняли, значить!

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ встрѣтились внукъ бывшего богатаго помѣщика и его крѣпостной! Могъ ли себѣ

представить такую встрѣчу старикъ - дѣдъ, гордившійся чиномъ и богатствомъ!

Жизнь въ каморкѣ, въ холодѣ, сырости, недоѣданіе — все это плохо отзывалось на моемъ здоровьѣ. Я осунулся, и у меня появились признаки малокровія. Но я не обращалъ вниманія на слабость, на боль въ груди и работалъ усиленно. Подъ крики Бориса, то задыхаясь отъ жары, то дрожа отъ холода, питаюсь почти однимъ хлѣбомъ, я написалъ поэму „Въ морозные дни“, появившуюся въ „Дѣтскомъ Читеніи“ въ 1875 году. Но деньги я получилъ до напечатанія. Эти деньги, въ размѣрѣ 86 рублей, дали мнѣ возможность переѣхать на новую квартиру и обѣдать, хотя изрѣдка, въ гостиниодворской столовой, гдѣ кормили хорошо.

Комнатка, нанятая у иконописца, маленькая, но уютная, теплая и свѣтлая, показалась мнѣ раемъ послѣ недавней „темницы“. Я написалъ Надеждѣ Васильевнѣ шутовое письмо въ стихахъ и просилъ ее заѣхать „во дворецъ къ поэту“. Она отвѣтила мнѣ на другой же день, приглашая къ себѣ „на пироги, присланные ей изъ Вологды“. Вологодскіе пироги! Развѣ можно было устоять противъ такого соблазна? И я помчался на Выборгскую сторону... При 20-град. морозѣ въ пальто на „рыбьемъ мѣху“ я былъ едва ли въ лучшемъ положеніи, чѣмъ французы, застигнутые московскими холодами. Но я бѣжалъ въ веселомъ настроеніи, и въ умѣ складывались юмористическіе куплеты... О, юность, юность! Вотъ чѣмъ ты сильна, красна... и завидна!

А. Кругловъ.





## ЖИЗНЬ ВЪ МЕРТВОЙ ПРИРОДѢ.

Не то, что мните вы, — природа,  
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:  
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,  
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ...

*Тютчевъ.*



аши предки, люди съдой старины, жившіе въ непосредственной близости съ природою и зависѣвшіе въ своей жизни отъ природы, глубже понимали и болѣе любили ее, нежели мы, люди цивилизованнаго міра, удалившіеся отъ природы, забывшіе и даже презирающіе ее. Они жили съ природою одною жизнью, — и для нихъ вся природа была также живою, иногда ласковою и пѣжною, какъ любящая мать, иногда грозною, суровою и карающею. Съ ними говорили лѣса, воды, скалы, воздухъ, огонь, — и они понимали языкъ ихъ. Они чувствовали величіе силъ, скрытыхъ въ природѣ, и признавали ихъ власть надъ собою. Они поклонялись имъ и благоговѣли передъ ними.

Прошли вѣка, — и отношеніе людей къ природѣ измѣнилось. Съ развитіемъ культуры постепенно утрачивалась въ человѣкѣ любовь и уваженіе къ природѣ. Онъ вступилъ въ борьбу съ природою и побѣдилъ ее. Гордый и мощный умъ человѣка сдѣлалъ его властелиномъ природы. Человѣкъ подчинилъ себѣ ея силы, внушавшія ему раньше таинственный ужасъ и благоговѣніе. Онъ заставилъ служить себѣ огонь, воду, воздухъ, онъ вырубилъ ея лѣса и разбилъ ея скалы и утесы. Почувствовавъ свою власть надъ нею, — онъ сталъ презирать ее. Природа — раба уже перестала быть достойною его вниманія. Она сдѣлалась для него бездушною и мертвою.

Таковъ взглядъ на природу современнаго человѣка. Удалившись отъ природы, въ водоворотѣ дѣловой и практической жизни онъ не интересуется природою. Онъ совершенно не понимаетъ ее и не видитъ въ ней того, что видѣлъ когда-то раньше. Ему ничего не говоритъ меланхолическій шелестъ лѣса или грозный

ревъ бури. Онъ ничего не слышитъ въ тихомъ журчаннн ручейка, въ величественномъ шумѣ водопада. Онъ ничего не чувствуетъ въ торжественномъ безмолвнн скалъ.

Цивилизація совершенно измѣнила его прежннй взглядъ на природу и ея жизнь. Въ ея задумчивыхъ лѣсахъ онъ видитъ лишь топливо для своихъ машинъ, паровозовъ и пароходовъ. На ея могуче, вѣчно кипящн водопады онъ смотритъ лишь, какъ на движущую силу для своихъ заводовъ и фабрикъ. Ея грозные и молчаливые утесы и скалы интересуютъ его лишь, какъ пѣдра полезныхъ для него ископаемыхъ, рудъ и драгоценныхъ камней. Для него нѣтъ въ природѣ ничего святого и неприкосновеннаго. Онъ пересталъ любить и уважать природу, какъ любилъ и уважалъ ее на зарѣ своей исторической жизни. Онъ не чувствуетъ на себѣ ея прежняго обаянн. Ему чужды ея красота и ея жизнь.

И только поэты попрежнему воспѣваютъ еще въ своихъ стихахъ природу и слагаютъ въ честь ея гимны. Они видятъ въ ней то, чего не видятъ или не хотятъ въ ней видѣть другне. Въ глазахъ поэтовъ природа живетъ все тою же жизнью, какою она жила и въ давння времена. Они бесѣдуютъ съ ея вѣтрами, съ ея водами, рощами и горами. Они одухотворяютъ ее и чувствуютъ въ ней жизнь.

И какъ это ни странно, поэты, эти люди мнра грезъ и фантазнн, смѣлый полетъ которой уноситъ ихъ перѣдко далеко отъ земли и ея будничной жизни и обстановки,—въ этомъ отношеннн стоятъ гораздо ближе къ истинѣ, нежели остальная толпа, толпа положительная и разсуждающая, но увы, слишкомъ мало чувствующая.

Измѣнились люди,—но природа во всѣ времена оставалась тою же, какою была и какова она есть. Природа попрежнему живетъ и сияетъ «вѣчною красою», попрежнему готова говорить съ тѣмъ, кто хочетъ и умѣетъ ее слушать, и отвѣчать тому, кто можетъ ее понимать. Но мы разучились понимать природу,—и потому для насъ она кажется мертвою и бездушною.

Однако, и кромѣ поэтовъ, есть люди, признающн жизнь въ этой мертвой природѣ. Это—люди науки, педантичные и безпристрастные изслѣдователи природы и ея законовъ. Они также говорятъ намъ, что эта, кажущаяся мертвою и бездушною природа, на самомъ дѣлѣ живетъ, что въ ней, хотя и не столь замѣтно, но теплится жизнь, что она подчиняется тѣмъ же вѣчнымъ законамъ, какне установлены для всего живущаго.

Такимъ образомъ, въ своихъ взглядахъ на природу сошлись два полюса,—огонь и ледъ, фантазнн и реальность, поэзнн и проза, люди пылкаго чувства и люди холоднаго разсудка.

Въ сущности, для каждаго изъ насъ, не принадлежащаго ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, дѣйствительно, кажется нѣсколько страннымъ признать паличность жизни въ окружающей насъ мертвой природѣ, въ томъ, что мы обычно привыкли считать безжизненнымъ и инертнымъ веществомъ. Какъ-то трудно свыкнуться съ мыслью, что какой-либо утесъ, скала, булыжникъ, кристаллъ

или кусокъ металла—есть живое существо. Это похоже на сказку, на вымыселъ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть принято на вѣру, но нуждается въ доказательствахъ.

Прежде всего нужно установить, что разумѣется нами въ попятнѣ о жизни, и каковы тѣ законы, коимъ подчиняется все живое въ природѣ.

Въ чемъ бы ни проявлялся самый процессъ жизни,—два основныхъ момента ея,—начало и конецъ, рождение и смерть,—обязательны для всего живущаго. Все, что живетъ, когда-то начало быть и неизбѣжно когда-либо закончитъ свое существованіе. И какова бы ни была жизнь мертвой природы,—если она дѣйствительно существуетъ,—эти два основныхъ закона рожденія и смерти должны дѣйствовать и въ ней, какъ дѣйствуютъ они въ царствѣ живой природы.

Въ силу мірового закона о неуничтожаемости матеріи, ничто въ природѣ не можетъ возникнуть вновь и ничто не можетъ совершенно уничтожиться. Рожденіе и смерть надлежитъ разсматривать лишь, какъ переходъ матеріи изъ одного состоянія въ другое. Рожденіе не есть созиданіе вновь матеріи даннаго существа, но лишь начало его бытія въ новомъ видѣ. Точно также смерть его и сопровождающее ее разрушеніе заканчиваетъ лишь его существованіе въ той формѣ, какая предшествовала этому моменту. Самое же вещество не уничтожается, но переходитъ въ иное состояніе, рождаясь для новой жизни.

Такимъ образомъ, жизнь непрерывно идетъ въ природѣ, при чемъ каждый циклъ ея начинается тѣмъ, что мы называемъ рожденіемъ, и заканчивается смертью, которая есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало новаго существованія. Въ періодъ между этими двумя моментами совершается жизнь даннаго существа, характеризующаяся происходящими въ немъ непрерывными измѣненіями. Проходя черезъ этотъ послѣдовательный рядъ измѣненій, всякое вновь возникшее живое существо, вырастая и формируясь, достигаетъ полнаго своего развитія, послѣ чего начинаетъ склоняться къ своему естественному концу.

Въ царствѣ живой природы мы не видимъ отклоненій отъ этого вѣчно дѣйствующаго въ мірѣ закона. Нѣтъ отступленій отъ него и въ царствѣ мертвой природы. Она живетъ, подчиняясь тому же неизмѣнному закону, который управляетъ теченіемъ жизни всего живущаго.

Дѣйствительно, нѣтъ ничего въ природѣ, что бы не подвергалось измѣненію и разрушенію. Измѣняется съ теченіемъ времени человекъ, измѣняются животныя и растенія, измѣняются камни и металлы,—и все неуклонно и безостановочно близится къ смерти и разрушенію.

Мы видимъ, какъ вывѣтриваются и разсыпаются въ прахъ крѣпкія скалы и гордые утесы, какъ обращаются въ пыль правильные и строгіе кристаллы, какъ ржавѣютъ и разрушаются металлы.

Это—ихъ смерть. Они умирають, т. е. перестаютъ существовать въ томъ состояніи, въ которомъ были намъ извѣстны доселѣ.

Но умирать, очевидно, можетъ лишь то, что жило, что когда-то создано и начало существовать. Слѣдовательно, и эти разрушающіеся на нашихъ глазахъ камни и металлы до сего времени жили, и для нихъ также былъ моментъ, когда они впервые явились въ природѣ. Видимый нами процессъ ихъ разрушенія необходимо предполагаетъ предшествовавшій ему, незримый для насъ процессъ созиданія и развитія, который точно также непрерывно происходитъ въ природѣ.

Этотъ процессъ мы также можемъ наблюдать, хотя онъ обыкновенно мало привлекаетъ наше вниманіе, протекая весьма медленно и незамѣтно, почему и ускользаетъ обычно отъ нашего наблюденія.

Въ сущности такъ же обстоитъ дѣло и среди живой природы. Всѣ мы знаемъ, что трава и деревья растутъ,—но кто наблюдалъ ихъ ростъ, т. е. видѣлъ самый процессъ ихъ постепеннаго измѣненія? Онъ также происходитъ для насъ незамѣтно, и только наблюдая траву и деревья въ моменты различныхъ стадій ихъ развитія, мы констатируемъ факты ихъ роста, а самаго роста не видимъ. То же и относительно животнаго царства.

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы все-таки замѣчаемъ и видимъ тѣ измѣненія, какія происходятъ съ теченіемъ времени. Въ царствѣ же мертвой природы это далеко не всегда бываетъ для насъ доступно, такъ какъ эти измѣненія заключены въ такіе періоды, которые черѣдко своею продолжительностью превосходятъ жизнь человѣка. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь иногда удается подмѣтить нѣкоторыя измѣненія, происходящія въ состояніи даннаго тѣла.

Этими именно медленно и непрерывно совершающимися измѣненіями обусловлено образованіе встрѣчающихся въ природѣ въ большомъ количествѣ различныхъ минераловъ, горныхъ породъ и металловъ.

Большинство минераловъ обязано своимъ происхожденіемъ дѣйствию воды, образующей различнаго рода растворы, изъ которыхъ минералы получаютъ путемъ кристаллизаціи. Таковы на примѣръ—соль, кварцъ, слюда, горный хрусталь и др.

Многіе изъ нихъ образуютъ громадныя залежи, изъ которыхъ и добываются для надобностей человѣка.

Въ образованіи болѣе сложныхъ горныхъ породъ принимали участіе огонь и вулканическія силы. Въ этомъ случаѣ кристаллизація происходила уже не изъ раствора, а изъ расплавленной дѣйствіемъ сильнаго жара массы. Составъ возникающихъ при этомъ горныхъ породъ зависитъ отъ тѣхъ минераловъ и другихъ веществъ, которыя входятъ въ составъ этой массы.

Такимъ же путемъ образовались металлы, которые находятся въ природѣ сплавленными съ различными горными породами, об-

разуя руды. Изъ рудъ ихъ и добываютъ, отдѣляя отъ сопровождающихъ ихъ горныхъ породъ.

Процессъ жизни, происходящій въ мертвой природѣ, выражается также тѣми преобразованиями неорганическаго вещества, какія совершаются въ ней съ теченіемъ времени. Однимъ изъ поразительныхъ примѣровъ подобнаго рода превращеній является происхождение и образование въ природѣ алмазовъ.

По химическому составу алмазъ есть углеродъ и происхожденіемъ своимъ обязанъ существованію въ природѣ угля, который, будучи когда-то расплавленъ дѣйствіемъ сильнаго жара, кристаллизовался въ видѣ алмаза. Уголь же находится въ природѣ въ весьма большомъ количествѣ въ видѣ громадныхъ пластовъ, такъ называемаго, каменнаго угля. Въ свою очередь происхождение каменнаго угля обусловливается вѣковыми отложеніями растительнаго происхожденія, — деревьевъ, травянистыхъ растений, мховъ, подвергавшихся дѣйствію сильнаго жара безъ доступа воздуха, отдѣленными отъ него различнаго рода позднѣйшими наслоеніями.

Въ данномъ случаѣ, помимо замѣчательнаго уже само по себѣ явленія—перехода одного вещества въ другое, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что вещество, относящееся къ мертвой природѣ, — неорганическое, обязано своимъ происхожденіемъ представителямъ изъ міра живой природы. Этимъ какъ бы уже устанавливается нѣкоторая связь живой природы съ неживою и до извѣстной степени сглаживается раздѣляющая ихъ грань. Во всякомъ случаѣ съ точностью указать, гдѣ именно въ этомъ рядѣ непрерывно мѣняющагося въ теченіе вѣковъ вещества, начиная отъ зерна, давашаго жизнь зеленѣющему и цвѣтущему растенію, до холоднаго въ своей сверкающей красотѣ кристалла алмаза, находится граница между живымъ и мертвымъ, — представляется довольно затруднительнымъ. И этотъ примѣръ является далеко не единичнымъ, — ихъ много въ природѣ.

Теоретически рассуждая, подобнымъ же образомъ можно было бы получить алмазъ изъ угля искусственнымъ путемъ въ лабораторіи. На дѣлѣ однако это оказалось не такъ легко, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи науки. Несмотря на многочисленныя попытки приготовить алмазъ искусственнымъ путемъ, удалось съ большимъ трудомъ получить лишь весьма мелкіе кристаллы его.

Тѣмъ не менѣе лабораторные опыты даютъ возможность восприсъезсти и наблюдать многие изъ тѣхъ процессовъ, которые совершаются въ природѣ.

Такъ напримѣръ, производя опыты кристаллизаціи соответственныхъ растворовъ, можно наблюдать образованіе и ростъ кристалловъ различнаго рода, представляющихъ тѣ же минералы, какіе встрѣчаются въ природѣ. При этомъ замѣчательно то, что каждый минераль кристаллизуется всегда въ опредѣленной, свойственной ему правильной формѣ, соответствующей его химическому составу. Дальнѣйшій ростъ кристалловъ, находящихся въ

растворѣ, происходитъ путемъ непрерывнаго наслоенія вещества изъ окружающаго раствора. Тѣ же процессы совершаются и въ природѣ.

Въ природѣ почти не встрѣчается «простыхъ», т. е. неразлагающихся на составныя части, тѣлъ въ чистомъ видѣ. Всѣ они образуютъ тѣ или другія химическія соединенія. Они создались постепенно, въ теченіе, вѣроятно, весьма продолжительнаго времени, подъ влияніемъ весьма разнообразныхъ, отчасти совершенно неизвѣстныхъ намъ условій. Такимъ путемъ возникли различные минералы, горныя породы и руды. Природа является великою лабораторіею, въ которой совершаются иногда такіе химическіе процессы, какихъ мы совершенно не въ состояніи воспроизвести искусственнымъ путемъ.

Всѣ химическія соединенія, гдѣ два или нѣсколько разнородныхъ веществъ, соединяясь, даютъ совершенно новое однородное вещество, отличающееся отъ нихъ какъ по внѣшнему виду, такъ и по составу, представляютъ наглядный примѣръ преобразования матеріи и возникновенія ея въ новомъ видѣ. Въ высшей степени замѣчательно то, что нѣкоторыя вещества обладаютъ стремленіемъ къ соединенію одно съ другимъ, иные же наоборотъ. Эта невѣдомая, таинственная сила, какъ бы инстинктивно взаимнаго стремленія частицъ разнородныхъ веществъ къ соединенію и образованію новаго вещества обозначается въ химіи особымъ терминомъ. Она называется «химическимъ средствомъ» веществъ,—и въ этомъ названіи, весьма удачно характеризующемъ данное явленіе, чувствуется какъ бы признаніе въ природѣ неодушевленнаго и мертваго вещества чего-то свойственнаго живому, одухотворенному существу. Вообще всѣ создавшіяся въ наукѣ представленія о сущности «химическаго средства» заключаются въ себѣ еще много неяснаго. Его отождествляли и съ всемірнымъ тяготѣніемъ и съ электрическими и тепловыми явленіями,—но, тѣмъ не менѣе, все это лишь гипотезы, такъ или иначе объясняющія явленіе, но далеко не рѣшающія вопросовъ по существу.—Съ нашей точки зрѣнія, «химическое средство» веществъ есть проявленіе присущей частицамъ ихъ жизненной силы и является однимъ изъ аргументовъ въ пользу признанія жизни въ мертвой, неодушевленной матеріи.

То обстоятельство, что наибольшее стремленіе и способность къ химическому соединенію всѣ вещества обнаруживаютъ въ моментъ ихъ образованія, напр.—выдѣленія изъ какого-либо другаго соединенія, или, какъ принято называть въ химіи, *in statu nascendi*, (буквально,—въ состояніи рожденія, возникновенія),—также даетъ нѣкоторый намекъ на дѣйствіе въ данномъ случаѣ какой-то таинственной силы, присущей частицамъ вещества. Эта сила, обуславливающая большую или меньшую энергію и дѣятельность частицъ, въ моментъ образованія—сильнѣе, а потомъ—слабѣе,—также указываетъ на такое свойство мертваго вещества, какимъ обладаетъ лишь живая матерія.

Многочисленные химическіе процессы, при которыхъ одно вещество вытѣсняетъ изъ даннаго химическаго соединенія другое и само становится на его мѣсто, также свидѣтельствуютъ о какой-то особой, свойственной частицамъ вещества и дѣйствующей въ нихъ силѣ, побуждающей ихъ производить эти удивительныя перемѣщенія и превращенія вещества.

Таковъ, на примѣръ, весьма интересный и эффектный опытъ съ получаемъ, такъ называемаго, «сатурнова дерева». Онъ заключается въ томъ, что въ растворъ свинцоваго сахара (соединеніе свинца съ уксусной кислотой), палитый въ стаканъ, опускается привязанный на ниткѣ кусочекъ цинка. Черезъ нѣкоторое время висящій на ниткѣ цинкъ превращается въ весьма красивый вѣтвистый кустъ, состоящій изъ тонкихъ, блестящихъ листочковъ, развѣтвляющихся на подобіе сучьевъ дерева. Онъ совершенно не похожъ по внѣшнему виду на тотъ кусочекъ (палочку) цинка, который былъ опущенъ въ растворъ,—и это уже не цинкъ, а свинецъ, почему и называется «сатурновымъ» или свинцовымъ деревомъ. Этотъ свинецъ выдѣлился изъ раствора, въ которомъ находился, а на мѣсто его въ растворъ вошелъ цинкъ, вытѣснивъ отсюда свинецъ.

Новѣйшіе успѣхи въ области физики съ достаточной убѣдительною свидѣтельствуютъ о томъ, что во многихъ отношеніяхъ мертвая матерія обладаетъ характерными признаками и свойствами, присущими живому веществу. Многочисленные опыты, произведенные въ лабораторіяхъ, обнаруживаютъ эти признаки весьма наглядно и осязательно.

Прежде всего можетъ считаться безспорнымъ фактомъ, что въ элементарномъ строеніи какъ мертвой, такъ и живой матеріи нѣтъ рѣшительно никакого различія. Всѣ элементы, входяще въ составъ матеріи живой, находятся также и въ мертвой матеріи,—и нѣтъ ни одного, который былъ бы свойственъ исключительно живой матеріи.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ свойствъ какъ живой, такъ и мертвой матеріи является ихъ чувствительность или раздражимость, т. е. способность реагировать на внѣшнія воздѣйствія. Разумѣется, въ мертвой природѣ эта чувствительность не столь совершенна и проявляется значительно слабѣе, чѣмъ въ живой, но тѣмъ не менѣе она несомнѣнно существуетъ. Минералы, камни, металлы способны чувствовать и, такъ или иначе, выражать это происходящими въ нихъ измѣненіями.

Такъ, на примѣръ, дѣйствіе на нихъ теплоты неизмѣнно сопровождается явленіями движенія ихъ частицъ и происходящаго вслѣдствіе этого расширенія тѣла.

Вліяніе теплоты выражается иногда измѣненіемъ кристаллической формы и нѣкоторыхъ свойствъ вещества, на примѣръ. твердости, упругости и др. При болѣе сильномъ дѣйствіи теплоты можетъ измѣниться самое состояніе тѣла,—изъ твердаго оно можетъ сдѣлаться жидкимъ, т. е. расплавиться. Еще большее по-

высшее температуры переводить тѣла въ газообразное состояніе. Очень сильное дѣйствіе теплоты можетъ вызвать даже разложене тѣлъ на ихъ элементы, т. е. разрушеніе или смерть.

Съ точки зрѣнія современной физики, основанной на механическомъ понятіи о матеріи, всѣ эти измѣненія въ состояніи тѣлъ обуславливаются происходящими въ нихъ молекулярными движеніями, т. е. движеніемъ ихъ матеріальныхъ частицъ, измѣненія въ скорости и направленія движенія которыхъ и служатъ проявленіями чувствительности матеріи.

Точно такія же измѣненія въ движеніи частицъ мертваго вещества, а слѣдовательно, — и проявленія чувствительности его, могутъ быть вызваны и другими виѣшними воздѣйствіями, каковы напримѣръ: ударъ, дѣйствіе электричества, магнетизма, свѣта и т. п. Какъ минералы, такъ и металлы не остаются совершенно безчувственными къ этимъ воздѣйствіямъ и, такъ или иначе, реагируютъ на нихъ. Съ прекращеніемъ виѣшняго возбужденія уничтожается и проявленіе ихъ чувствительности.

Подвижность частицъ бездушнаго вещества, указывающая на присутствіе въ немъ жизни, доказывается многочисленными опытами.

Таковы, напримѣръ, опыты, обнаруживающіе при извѣстныхъ условіяхъ возможность проникновенія частицъ одного вещества въ другое, что было бы, разумѣется, совершенно немислимо, если бы вещество было дѣйствительно мертвымъ, т. е. лишено всякаго, даже молекулярнаго движенія.

Въ техникѣ извѣстенъ основанный на этомъ свойствѣ способъ «цементирования» желѣза, т. е. обращенія его въ сталь. Такъ какъ сталь по химическому составу отличается отъ желѣза только бльшимъ содержаніемъ углерода, то процессъ цементирования сводится къ соединенію желѣза съ углеродомъ. Для этого полосы желѣза обсыпаютъ угольнымъ порошкомъ и подвергаютъ накаливанію дѣйствіемъ сильнаго жара. По окончаніи процесса вмѣсто желѣза получается уже сталь, при чемъ какъ микроскопическое, такъ и химическое изслѣдованіе, показываетъ, что углеродъ проникаетъ въ вещество желѣза на весьма значительную глубину. Въ данномъ случаѣ замѣчательно то обстоятельство, что проникновеніе частицъ одного вещества въ другое происходитъ безъ всякаго содѣйствія какихъ-либо виѣшнихъ силъ, обуславливаясь исключительно подвижностью самихъ частицъ подъ вліяніемъ повышенія температуры.

Извѣстны также опыты, при которыхъ изъ нѣсколькихъ разнородныхъ металловъ, обращенныхъ въ порошокъ, путемъ сильнаго давленія получается новое, совершенно однородное, твердое тѣло, представляющее по своему химическому составу то же, что сплавъ взятыхъ металловъ. Въ данномъ случаѣ происходитъ также проникновеніе и, кромѣ того, смѣшеніе частицъ вещества, напоминающее химическое соединеніе.

Также посредствомъ давленія можетъ быть произведена

спайка двухъ разнородныхъ металловъ, частицы которыхъ взаимно проникаютъ изъ одного металла въ другой, образуя въ мѣстѣ соприкосновения изъ двухъ металловъ одно цѣлое.

Въ послѣднихъ опытахъ дѣйствие посторонней, виѣшней силы является тѣмъ импульсомъ, который сообщаетъ виолиѣ опредѣленный характеръ движенію частицъ мертваго вещества, направленный къ извѣстной цѣли и обуславливающій то или другое изъ происходящихъ явленій.

Многіе металлы, выдѣленные изъ рудъ и даже подвергнутые уже обработкѣ, нерѣдко продолжаютъ еще обнаруживать признаки, свойственные живымъ существамъ, невольно останавливающіе на себѣ вниманіе.

Такъ, напримѣръ, всякому технику хорошо знакомо явленіе, извѣстное подъ именемъ «усталости» металловъ. Оно состоитъ въ томъ, что разнаго рода металлическія части машинъ и механизмовъ, подвергающіяся непрерывной и усиленной работѣ, сопровождающейся при томъ сотрясеніями, толчками и ударами, съ теченіемъ времени ослабѣваютъ и уже не могутъ съ успѣхомъ продолжать службу. Таковы, напримѣръ, стальные оси колесъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ, желѣзные цѣпи подъемныхъ механизмовъ и т. п. Съ виѣшней стороны въ нихъ не замѣчается никакихъ поврежденій или признаковъ негодности, но металлъ, изъ котораго онѣ сдѣланы, становится уже совершенно не тотъ, какимъ онъ былъ ранѣе, и весьма легко подвергается разрушенію. Принимая во вниманіе эту особенность металловъ, для такихъ частей машинъ въ практикѣ устанавливаются опредѣленные сроки службы, по истеченіи которыхъ эти части подвергаются испытанію, а затѣмъ иногда и совершенному изытію изъ употребленія. Подобно человѣку, подъ старость дряхлѣющему и нуждающемуся въ отдыхѣ, металлъ также «устаетъ» отъ усиленной работы и также слабѣетъ и требуетъ покоя.

Замѣчательнъ также опытъ съ металлическимъ стержнемъ, подверженнымъ растягиванію нѣкоторымъ грузомъ. Если взять для опыта стержень или пруть изъ вязкаго сплава нѣкоторыхъ металловъ, одинъ конецъ его укрѣпить неподвижно (напримѣръ къ потолку), а къ другому концу привѣсить грузъ, то пруть сильно растянется, въ зависимости отъ величины груза. При этомъ онъ можетъ даже разорваться. Но предварительно въ мѣстѣ ожидаемаго разрыва образуется сильное утоненіе прута или, такъ называемая, перетяжка. Въ это время однако опытъ прекращаютъ и, снявъ грузъ, уменьшаютъ толщину всего прута, путемъ обработки на станкѣ до тѣхъ размѣровъ, какіе онъ имѣетъ въ самомъ тонкомъ мѣстѣ. При вторичномъ растягиваніи прута дѣйствіемъ груза на пруть опять появляется перетяжка, но уже въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ именно мѣстѣ пруть опять долженъ бы былъ разорваться. Но въ это время опытъ опять прекращаютъ и снова уменьшаютъ толщину прута до размѣровъ самаго тонкаго его мѣста. Такимъ образомъ, опытъ повторяютъ нѣсколько разъ,

и каждый разъ утоненіе прута происходитъ въ новомъ мѣстѣ, Наконецъ, пруть сразу разрывается, иногда даже на нѣсколько кусковъ и уже на этотъ разъ безъ всякаго предварительнаго утоненія въ мѣстѣ разрыва.

Происходящее въ данномъ случаѣ явленіе представляется въ такомъ видѣ. При каждомъ растягиваніи пруть стремится усилить, укрѣпить свое слабое мѣсто, сжимаясь и уплотняясь какъ разъ тамъ, гдѣ ему угрожаетъ разрывъ. Постепенно, наконецъ, онъ становится одинаково прочнымъ по всей своей длинѣ, и эта прочность уже наибольшая, какую онъ можетъ имѣть при данныхъ размѣрахъ. Все это время онъ героически сопротивляется, насколько можетъ, и наконецъ, истощивъ всѣ средства къ самозащитѣ, уступаетъ насилью и разрушается. Въ немъ какъ бы пресвящается жизненная сила, которая, подобно тому какъ и въ въ живомъ существѣ, старается всегда залѣчить рану, устранить нанесенное поврежденіе и укрѣпить слабое мѣсто организма.

Такимъ образомъ чисто опытнымъ путемъ устанавливается наличность проявленій въ, такъ называемой, мертвой природѣ многихъ признаковъ и свойствъ, совершенно однородныхъ съ тѣми, какія наблюдаются въ живой природѣ. Всѣ эти явленія съ достаточною удовлетворительностью объясняются на основаніи принятой современною физикою гипотезы о молекулярномъ движеніи, которая полагаетъ, что частицы всякаго тѣла.—твердаго, жидкаго и газообразнаго,—находятся въ постоянномъ движеніи по различнымъ направленіямъ. Группировка, характеръ, скорость и направленіе движеній частицъ обуславливаютъ какъ состояніе тѣла, такъ и его физическія свойства.

Мы не замѣчаемъ этого непрерывнаго, безостановочнаго движенія частицъ каждаго тѣла только потому, что не можемъ видѣть его отдѣльныхъ матеріальныхъ частицъ. По этому поводу великимъ будетъ привести весьма удачное сравненіе, сдѣланное однимъ изъ нашихъ современныхъ физиковъ: «Точно такъ же,—говоритъ онъ,—намъ даже въ сильный вѣтеръ кажется издали совершенно неподвижнымъ лѣсъ, хотя каждая вѣтка, каждый листикъ въ немъ находится въ движеніи, и направленія этихъ движеній—самыя разнообразныя».

Приведенные здѣсь и многіе другіе опыты и наблюденія, устанавливающіе извѣстную аналогию между явленіями и процессами, происходящими въ мертвой природѣ съ такими же явленіями и процессами въ природѣ живой,—разумѣется, далеко неполны, не имѣютъ общей связи и недостаточно систематичны. Тѣмъ не менѣе, производя ихъ и двигаясь впередъ въ этомъ направленіи, наука стоитъ на вѣрномъ пути, на которомъ открываются ей широкіе горизонты. Съ каждымъ подобнымъ опытомъ она даетъ намъ все новыя и новыя доказательства того, что и такъ уже чувствуется каждымъ, внимательно наблюдающимъ природу и изучающимъ ея законы и происходящія въ ней явленія,—что нѣтъ

въ природѣ ничего мертваго и что все, кажущееся мертвымъ въ природѣ, на самомъ дѣлѣ живетъ и чувствуетъ.

Побѣдоносно двигаясь впередъ, наука безпощадно разрушаетъ въ своемъ шествіи тѣ шаткія и искусственныя преграды, какія были поставлены на ея пути въ силу господствовавшаго узкаго и ложнаго взгляда на природу, раздѣлившія ее на живую и мертвую, на царства животныхъ, растений и минераловъ. Наука говоритъ намъ, что есть одно только царство, — царство «живой» природы, — и въ этомъ царствѣ непостижимо для насъ совершается таинственная, непрерывная и вѣчная жизнь.

М. Лысковскій.



Зимній воздухъ мы вдыхаемъ,  
 Подъ санями снѣгъ скрипитъ;  
 Какъ подъ бѣлымъ горностаемъ,  
 Лѣсъ величественно спитъ.  
 И хотъ солнца блескъ и веселье,  
 Лѣсъ задумчиво суровъ,  
 Онъ отъ вьюгъ себя завѣсилъ  
 Бѣлой шубою снѣговъ—  
 И застылъ, не шевельнется...  
 Лишь у насъ, будя покой,  
 Не смолкая раздается  
 Колокольчикъ подъ дугой,  
 Да, блестящій снѣгъ взрывая  
 И кидая намъ въ лицо,  
 Изогнулась пристяжная  
 Въ опѣненное кольцо!

Б. Наховскій.





# БИБЛЕЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

IX.

## Дочь фараона.



Во время египетскаго плѣненія евреевъ у Амрома (изъ колѣна Левіина) и жены его Іохаеды родился сынъ Моисей—Боговидецъ. Евреи были потомки отъ Іакова и его сыновей. Фараонъ, любившій Іосифа, предоставилъ пришлецамъ всевозможныя льготы, и они зажили прекрасно въ чужой странѣ. Но съ теченіемъ времени евреи своею численностью стали пугать фараоновъ, которые начали принимать противъ нихъ разныя стѣснительныя мѣры и издавать ограничительные законы. Мало-по-малу ихъ свели на положеніе простыхъ рабовъ и возложили на нихъ весь черный и тяжелый трудъ. Съ особенною подозрительностью и недружелюбіемъ относился къ евреямъ фараонъ Аменофисъ III, который опасался, что во время войны они перейдутъ на сторону врага. Но тяжелыя работы, возложенныя на евреевъ для ихъ изнуренія, не останавливали быстрого прироста этого племени. Тогда фараонъ приказалъ повивальнымъ бабкамъ умерщвлять всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ, чтобы уменьшить численность мужчинъ. Но бабки боялись Бога и не убивали дѣтей. Фараонъ призвалъ къ отвѣту повитухъ. Тѣ сказали въ свое оправданіе:

— Еврейки очень здоровы. Когда мы являемся подать помощь, то обыкновенно находимъ младенца уже родившимся.

При видѣ неудачи этой мѣры Аменофисъ прибѣгъ къ другой: онъ повелѣлъ всему своему народу отбирать у евреевъ новорожденныхъ мальчиковъ и бросать ихъ въ Ниль.

Именно въ это тяжелое время и родился Моисей. Мать скрывала его у себя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Когда дольше скрывать стало невозможно, Іохаведа сплела изъ прутьевъ корзинку, хорошо просмолила ее, положила въ нее сына и спрятала въ прибрежномъ тростникѣ Нила близъ того мѣста, куда ходила купаться дочь фараона — Фермутиса - Мериса. Послѣдняя была столь же добра, сколь и прекрасна. Услышавъ плачь ребенка, она сказала:

— Навѣрное, это еврейское дитя!

И велѣла подать себѣ корзинку съ мальчикомъ. Послѣдній поразилъ ее своей необыкновенной красотой. Сердце царевны прониклось состраданіемъ, и она рѣшилась спасти ребенка.

Въ это время подбѣжала бойкая дѣвочка-подростокъ. Это была Маріамъ, которую мать послала слѣдить за судьбою брата.

— Не привести ли вамъ еврейскую кормилицу для маленькаго?—смѣло спросила дѣвочка у дочери фараона.

Та выразила согласіе, и Маріамъ побѣжала за своей матерью.

Нѣкоторые историки утверждаютъ, что Фермутиса въ это время уже была замужемъ за знатнымъ вельможей Хенефресомъ и, не имѣя своихъ дѣтей, захотѣла усыновить найденныша.

Іохаведа не замедлила явиться къ дочери фараона.

Фермутиса предложила ей выкормить ребенка за извѣстное вознагражденіе, на что та съ радостью согласилась. Такимъ образомъ малютка былъ возвращенъ подъ родительскій кровъ и первоначальное воспитаніе получилъ въ родной семьѣ: здѣсь-то въ его сердцѣ и были заложены чувства безграничной любви къ истинному Богу и своему народу.

Когда ребенокъ подросъ, Іохаведа отвела его къ Фермутисѣ.

— Даю ему имя Моисей, такъ какъ я вынула его изъ воды,—сказала дочь фараона.

Она скоро привязалась къ мальчику, щедро одаренному отъ природы разными способностями. Онъ былъ развитъ не

по лѣтамъ, и дѣло обученія пошло быстро впередъ. Моисею дали самое блестящее образованіе, какъ бы будущему наслѣднику престола. Онъ былъ посвященъ во всю мудрость, какая процвѣтала тогда въ Египтѣ, въ который стекались люди всѣхъ странъ, чтобы послушать его ученыхъ старцевъ и подивиться на чудеса промышленности и цивилизаціи. И въ самомъ дѣлѣ тамъ все заслуживало вниманія и изученія. Въ храмахъ, какъ въ сокровищницахъ, ревниво оберегались и развивались: философія, астрономія, математика, физика и пр. науки и разныя искусства, питавшія умъ и самыя благородныя эстетическія чувства души. Жрецы служили посредниками между народомъ и властелинами, держа въ повиновеніи массы и утверждая вліяніе фараоновъ. Подъ каменными сводами древнихъ святилищъ сосредоточилось и все могущество и весь интеллектъ страны. Грандіозныя сфинксы, воздвигнутыя въ пустынѣ, служили столько же утилитарнымъ цѣлямъ противъ песчаныхъ заносовъ, сколько и символическимъ, показывая мощь великана-народа.

Въ такой странѣ, цивилизація которой была поднята до высшей степени, Моисей прожилъ всю первую половину своей жизни вплоть до 40-лѣтняго возраста. Можно себѣ представить, что онъ почерпнулъ въ этихъ храмахъ-сокровищницахъ знаній и какъ обогатилъ онъ свой пытливый умъ. При изученіи египетской мудрости Моисея окрыляло сознаніе, что онъ трудится для своего народа, съ которымъ онъ поддерживалъ живую связь черезъ своихъ родственниковъ. Провидѣніе какъ бы нарочно дало ему широкую возможность къ развитію всѣхъ его способностей, которыми щедро одарила его природа. Трудъ и знаніе ведутъ къ побѣдѣ надъ людьми, нерѣдко болѣе полной, нежели оружіе. Кромѣ того, такъ какъ человекъ сотворенъ по образу Божію, то и знанія являются лишь отблескомъ Божественнаго разума. Опытъ, пріобрѣтенный въ государственныхъ дѣлахъ, мудрость, возвышенность мыслей и чувствъ — всѣмъ этимъ Моисей привлекъ къ себѣ любовь своего народа.

Историкъ Жозефъ передаетъ о знаменательномъ случаѣ изъ дѣтства Моисея. Однажды Аменофисъ въ шутку надѣлъ на Моисея свою корону. Мальчикъ тотчасъ снялъ ее съ головы и, какъ бы нечаянно уронивъ ее изъ рукъ, наступилъ на нее ногою и раздавилъ. Прорицатели увидѣли въ этомъ



Дочь фараона у рѣки.



зловѣщій знакъ: столь ранній оскорбитель достоинства фараона сдѣлается впоследствии бичомъ для Египта. Они потребовали смерти Моисея. Но Фермутиса, любившая мальчика съ материнской нѣжностью, заступилась за него передъ отцомъ и вымолила ему прощенье.

Этотъ случай увѣковѣченъ скульпторомъ Беноццо Галли въ дивной фрескѣ въ Кампо-Санто, а художника Пуссена вдохновилъ написать самую блестящую картину, украшающую теперь Королевскій музей.

Но превыше всѣхъ наукъ земныхъ Моисей сохранялъ въ сердцѣ вѣрованія своего народа и Божественные заветы, данные его предкамъ—Аврааму, Исааку и Иакову. Они умѣряли его скорбь за свой поработанный народъ и оживляли надеждой на лучшее будущее. Онъ зналъ, что Иаковъ и Иосифъ устремляли въ сторону земли обѣтованной свои послѣдніе взоры и пророчески вѣщали о возвращеніи туда израильтянъ. Эту страстную надежду своего народа Моисей впиталъ съ молокомъ матери и поставилъ себѣ жизненною цѣлью освобожденіе Израиля. Но возможности ея осуществленія не представлялось въ теченіе цѣлыхъ 40 лѣтъ! Это время онъ работалъ для своей идеи косвенно, посильно помогая единоплеменникамъ и, какъ сказано уже, запасаясь знаніями. Во многихъ изъ нихъ онъ не остался только ученикомъ, какъ, напр., въ инженерно-строительномъ искусствѣ, изобрѣтя нѣсколько новыхъ орудій для войны; затѣмъ онъ оставилъ послѣ себя слѣдъ въ философіи, въ мореплавательномъ искусствѣ, но наибольшую извѣстность стяжалъ себѣ въ цѣлесообразныхъ реформахъ государственнаго правленія. Такимъ образомъ Моисей немало потрудился для упроченія славы египетской цивилизаци. Можетъ быть даже, что многія открытія и изобрѣтенія, приписываемыя знаменитымъ ученымъ того времени, какъ-то: Гермесу, Мисеринусу, и Меркурію Трезмичисту, въ сущности принадлежали Моисею. Но это лишь изъ области предположеній.

Разносторонніе успѣхи Моисея въ связи съ явными симпатіями къ своему племени породили ненависть къ нему во многихъ его окружающихъ. Болѣе всѣхъ ненавидѣлъ его Хенефресъ, искавшій случая погубить его. Какъ разъ въ это время вспыхнула война между египтянами и эѳіоплянами. Моисею представилась возможность примѣнить свои познанія

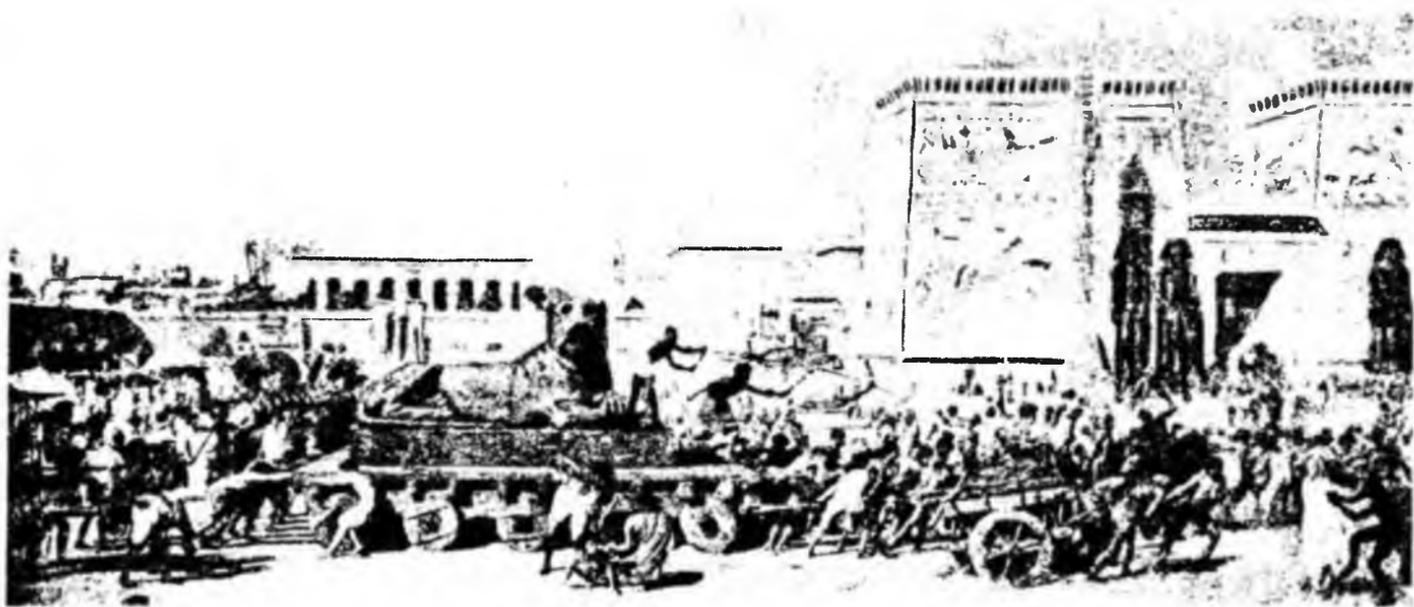
въ военномъ дѣлѣ. Тѣлохранители и военачальники во главѣ съ Хенефресомъ, всѣ равно питавшіе злобу къ Моисею, теперь сплотились въ общемъ заговорѣ. Давъ Моисею небольшой отрядъ, его выслали навстрѣчу сильнѣйшему непріятелю, уже подошедшему къ стѣнамъ Мемфиса. Это было сдѣлано въ расчетѣ, что Моисея убьютъ въ неравномъ бою.

Но и тутъ явилась на помощь его приемная мать. Она убѣдила Аменофиса взять командованіе надъ войскомъ и въ то же время предусмотрительно приняла всѣ мѣры предосторожности, чтобы Моисей не палъ жертвой чьей-либо измѣны. Это было нелишне, такъ какъ враги преслѣдовали его разными кознями. Моисей счастливо избѣгъ ихъ и одержалъ побѣду надъ эіоплянами столько же своимъ искусствомъ, сколько и храбростью. Эта экспедиція затянулась надолго. Фермутиса умерла, не дождавшись возвращенія своего приемнаго сына.

Потеря матери-друга повергла Моисея въ большое горе. Эта добрая женщина одна служила живою связью между нимъ и Египтомъ, примиряя Моисея съ его новою родиной. Навѣрное эта образованная и культурная египтянка понимала Моисея несравненно болѣе, нежели его простая и невоспитанная мать. Поэтому же Фермутиса была и ближе его душѣ. Можно предположить, что онъ повѣрялъ приемной матери многія свои мечты и обнаруживалъ передъ нею самыя благородныя и возвышенныя стремленія своей великой души. Чуткимъ женскимъ сердцемъ Фермутиса сумѣла оцѣнить по достоинству своего приемнаго сына и горячею любовью поддерживала въ немъ бодрость духа и силы, столь необходимыя въ борьбѣ съ обстоятельствами. Горе Моисея увеличивалось еще отъ сознанія полнаго одиночества во враждебной египетской средѣ... Глубокое чувство благодарности къ священной памяти Фермутисы побудило Моисея построить новый городъ, который онъ и назвалъ вторымъ именемъ приемной матери—Мерисой.

Такова была жизнь Боговидца въ Египтѣ, судя по александрійской хроникѣ, на которую опирается историкъ Жозефъ, а также его предшественникъ Евсевій Кесарійскій. Это повѣствованіе о Моисеѣ принято Сень-Жеромомъ и бл. Августиномъ, а также лѣтописцами Зонаромъ и Седренусомъ.

За войну съ эіоплянами Моисей получилъ награды и отличія, которыя еще болѣе озлобили его враговъ, создавъ



Евреи на работахъ.



поводъ къ гоненіямъ и притѣсненіямъ. Жизнь Моисея въ Египтѣ сдѣлалась невыносимою.

Онъ вернулся въ Египетъ не на радость себѣ: вмѣстѣ съ его душевною мукой ожесточились и страданія его народа. Не стерпѣвъ однажды побоевъ, наносимыхъ соплеменнику египтяниномъ, Моисей нечаянно убилъ обидчика. И когда слухъ объ этомъ быстро распространился, то Моисей испугался, что извѣстіе дойдетъ и до фараона, который предастъ его казни. Тогда онъ рѣшилъ бѣжать въ землю Мадіамскую, гдѣ надолго и скрылся у священника Іофора, на дочери котораго онъ женился. Такими неисповѣдимыми путями Провидѣніе вело Моисея къ выполненію предназначенной ему высокой мисси.

Крупный образъ Боговидца часто служилъ темою для художниковъ и поэтовъ. Наболѣе трактовали сюжетъ извлеченія изъ воды Нила корзинки съ Моисеемъ. Его разрабатывали Франсуа Маццуоли, Поль Веронезъ, Рафаэль, украсившій ложи Ватикана. Знаменитый Пуссенъ (превосходный изобразитель библейскихъ темъ) написалъ цѣлыхъ четыре картины на одинъ и тотъ же сюжетъ и всѣ — равно прекрасныя.

Чрезвычайно красива композиція Леинведера, гдѣ колоссальное зданіе дворца все горитъ въ лучахъ заходящаго солнца, тогда какъ группа женщинъ мягко рисуется на фонѣ прибрежнаго тростника.

Большимъ изяществомъ вѣдетъ и отъ картины англійскаго художника Хунтера, который предлагаемъ нашимъ читателямъ, гдѣ темная рабыня раздвинула тростникъ и открыла передъ Фермутисой въ легкой корзиночкѣ Моисея, доврчиво протягивающаго ручки къ своей избавительницѣ. Состраданіе къ малюткѣ и покорность богамъ, ввѣряющимъ ей судьбу челоуѣка, ясно выразились въ лицѣ и позѣ царственной египтянки, приковывающей къ себѣ вниманіе... Возникаетъ спокойное чувство увѣренности, что дочь фараона возьметъ это дитя къ себѣ во дворецъ, часть котораго рисуется на заднемъ планѣ картины въ видѣ красивой колоннады.

Изъ произведеній поэтическихъ укажемъ на классическое стихотвореніе В. Гюго „Моисей на Нилѣ“, заучиваемое наизусть во всѣхъ нашихъ школахъ.

А. Никитина.



Солнце заливаешь золотыя главы,  
Золото бросаешь щедро по горамъ...  
Колоколь ударилъ у Святого Саввы  
И зоветъ къ вечернѣ въ монастырскій храмъ;

Шествуютъ монахи вереницей черной,  
Богомольцы идутъ пестрою толпой,  
И, какой-то силѣ неземной покорный,  
Я иду за ними тихую стопой.

Вотъ я и подъ сводомъ потемнѣвшимъ храма,  
Лики преподобныхъ стараго письма  
Выглядятъ сурово въ дымкѣ оуміама,  
И царить во храмѣ всюду полутьма...

Эти колоннады, эти стѣны, своды,  
Древнія иконы въ ризахъ золотыхъ —  
Говорятъ мнѣ молча про былые годы  
И про жизнь простую иноковъ святыхъ.

Чудятся въ мечтахъ мнѣ кельи и пещеры,  
Старцы-боговидцы, — вся былая Русь...  
И, исполненъ снова свѣтлой дѣтской вѣры,  
Въ умиленіи сердца жарко я молюсь...

Сергѣй Хазовъ.





Св. Филиппъ и Малюта.





*A. Федоровъ-Давыдовъ*

Если бросишь взглядъ ты шире,  
То легко тебѣ понять: —  
Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ,  
Всюду свѣтъ и благодать!

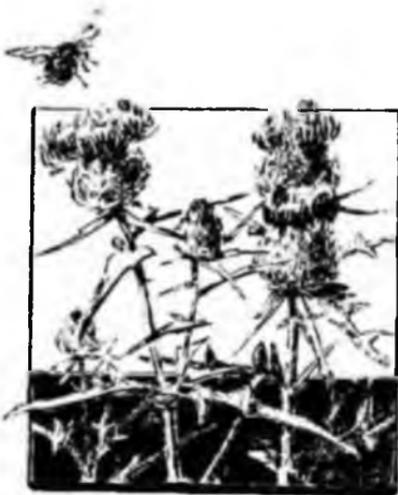
Лишь живи по Божьей мѣркѣ,  
Не снимай съ себя узды, —  
И, конечно, на повѣркѣ  
Не обиженъ будешь ты...

Не мудреному искусству  
Учить насъ природа-мать: —  
Только искреннему чувству  
Жизнь и сердце отдавать,

И поправокъ самовольныхъ  
Въ жизнь не ввязывать отнюдь...  
Сколько счастливыхъ, довольныхъ  
Могъ бы къ жизни ты вернуть!..

Но по своему мы кроимъ  
Жизнь и вдоль и поперекъ,  
Чѣмъ себѣ и яму роемъ, —  
Роемъ сами, а не рокъ!..

А. Федоровъ-Давыдовъ.



А. Печина

# ЖИВАЯ СМЕРТЬ.

ПОВѢСТЬ.

IV \*).



Стояла темная осенняя ночь. Дома и улицы отдаленнаго квартала были погружены въ непроглядный мракъ. Не мерцала ни одна керосиновая лампочка, хотя онѣ для чего-то находились въ одиноко торчавшихъ фонаряхъ. Только въ окнахъ одноэтажнаго деревяннаго дома свѣтился огонь. То была чайная съ правомъ торговли по ночамъ. Она представляла изъ себя одну огромную комнату, сплошь уставленную столами, покрытыми грязными красными скатертями. Единственная висѣвшая посреди комнаты лампа тускло освѣщала помѣщеніе, такъ что въ углахъ чайной было совершенно темно. Однако, это не помѣшало посѣтителемъ занять почти всѣ столы. Публика все разношерстная. Она выглядѣла унылой и заморенной. Лохмотья ветхой всевозможныхъ видовъ одежды особенно рѣзко бросались въ глаза. Нѣкоторые субъекты сидѣли въ однѣхъ рубашкахъ и босикомъ. Одни пили чай, другіе раз-

\*) См. „Свѣточъ“, февр., стр. 77.

говаривали, третьи, привалившись къ стѣнѣ или положивъ голову на столъ рядомъ съ недопитой чашкой, — громко храпѣли. Старые, почернѣвшіе отъ времени часы пробили три.

— Эге, времечко идетъ! — со вздохомъ замѣтилъ одинъ изъ посѣтителей, ощупью разливая остывшій чай.

— Еще полчаса, и насъ погонять вонъ, — угрюмо сказалъ другой.

Это наши знакомые слѣпцы. Бровкинъ былъ одѣтъ въ свою неразлучную гимназическую куртку и охотничьи сапоги, хотя то и другое пришло въ жалкое состояніе. Очковъ на немъ не было. Плотны закрытые вѣками глаза придавали угрюмому лицу спящій, усталый видъ. Райкинъ, какъ и всегда, выглядѣлъ бодрѣ своего товарища. Этотъ человѣкъ обладалъ способностью никогда не унывать и примиряться съ обстоятельствами жизни, относясь ко всему иронически.

— Проглоти-ка тепленькаго, авось, поразмякнешь, — сказалъ онъ товарищу, подвигая къ нему чашку съ чаемъ, — а то ужъ больно суровъ... Это, вѣроятно, происходитъ оттого, что ты вздремнулъ...

— Ты вообще спишь, но весель какъ скоморохъ, — огрызнулся Бровкинъ, отхлебывая чай.

— Вѣрно, — согласился Райкинъ и продолжалъ: — сонъ, братъ, каковъ бы онъ ни былъ, — несомнѣнная польза. Лучше спать, чѣмъ напрасно угнетать свой мозгъ. Это мой девизъ.

— Практикъ-экономъ! — Бровкинъ презрительно усмѣхнулся.

— Что жъ, — продолжалъ Райкинъ, — экономія для человѣка необходима и, конечно, не въ узкомъ смыслѣ слова. Я увѣренъ, что многіе не ютились бы здѣсь по ночамъ, если бы они съ расчетомъ расходовали свои нравственныя и физическія силы.

— А ты почему въ лохмотьяхъ и живешь нищенствомъ? — усмѣхнувшись, спросилъ Бровкинъ. — Вѣроятно и твои теоріи только теоріи.

— Совсѣмъ не то, — возразилъ Райкинъ. — И я, конечно, не могу быть совершенствомъ въ экономическомъ и практическомъ отношеніи, но главная причина моихъ бѣдствій заключается не въ этомъ, а въ слѣпотѣ.

— Наконецъ сказалъ дѣло! — замѣтилъ Бровкинъ, при-

держивая одной рукой чашку, а другою наливая из чайника.

— Положимъ, у тебя есть исходъ, — продолжалъ Райкинъ, сдерживая улыбку. — Я говорилъ и повторяю: ступай къ любезному братцу...

Бровкинъ разсердился, сообразивъ, о чемъ говорить товарищъ.

Но Райкинъ не унимался:

— Я проповѣдую теорію „не зѣвай“, а ты поступаешь какъ-разъ наоборотъ. Это непрактично.

Бровкинъ молчалъ. А товарищъ между тѣмъ полу-шутя, полу-серьезно продолжалъ:

— „Позвольте, молъ, ваше медицинство, представиться: вашъ родной братъ по отцу. Ничего, молъ, что вы, будучи студентомъ, прогнали мою мать, не давъ ни гроша ей и ребенку вашего отца. Это все прошло, и я извиняю, только теперь не оставьте... Взгляните, молъ, на себя и на меня, а между тѣмъ въ насъ течетъ кровь одного отца“. Ну, значить, онъ и разнѣжится: „да, скажетъ, я здоровъ и богатъ, а онъ настолько несчастенъ, что даже свѣта не видитъ“, — и спросить: „Что же вы раньше не объявились?“ Да и баць тысячь пять на поправку!..

Лицо рассказчика оживилось. Слепые глаза бессмысленно забѣгали въ разныя стороны. Онъ пріосанился на деревянномъ стулѣ и весело закончилъ:

— Тогда, братъ, не станешь ѣсть тухлые обрѣзки, а будешь кушать свѣжую колбаску и пить водочку съ бѣлой головкой.

— Ты все о плоти заботишься, — равнодушно замѣтилъ Бровкинъ, къ чему-то прислушиваясь.

— По закону живемъ, братъ во Христѣ, — нараспѣвъ протянулъ Райкинъ, подражая „Кутейкину“, — писано бо есмь: „да ни кто же бо когда свою плоть возненавидитъ, но питаетъ и грѣетъ ю“.

— Прислушайся вправо, — сказалъ Бровкинъ, — тамъ интереснѣе...

Райкинъ наострилъ уши. Бровкинъ еще больше наклонился въ ту сторону, откуда доносился разговоръ, и превратился весь въ слухъ. Онъ ясно различалъ волнующіеся голоса: одинъ — грубый и хриплый, другой — слабый и тон-

кій, похожій на женскій, но словъ разобрать было невозможно, такъ какъ говорившіе сидѣли на почтительномъ разстояніи; кромѣ того въ помѣщеніи стоялъ невообразимый шумъ отъ храпа и сопѣнія спящихъ посѣтителей.

— Ничего особеннаго, — сказалъ Райкинъ, пожавъ плечами. — Кажется, ругаются. Не разберешь... далеко...

— Эхъ вы, зрячіе — тугоухія души! — тихо замѣтилъ Бровкинъ, не мѣняя позы.

— Ладно, — равнодушно отвѣтилъ Райкинъ и, нащупавъ на столѣ кусочекъ сахара, положилъ его въ ротъ.

Бровкинъ продолжалъ напряженно прислушиваться. Ни одинъ звукъ, ни малѣйшій отбѣнокъ голоса не ускользнули отъ его тонкаго слуха. Онъ ловилъ ихъ на-лету и тотчасъ же анализировалъ специальнымъ способомъ. Звуки голоса представлялись ему какъ бы въ видѣ шрифта Брайля, то-есть множество выпуклыхъ точекъ, по которымъ онъ легко скользилъ осязаніемъ слуха и безъ труда проникалъ въ таившійся въ глубинѣ души истинный смыслъ, нерѣдко противорѣчащій словамъ. Но въ данномъ случаѣ словъ не было слышно. Бровкинъ довольствовался одними звуками голосовъ, чего вполне было достаточно для слѣпого. Ему казалось, что говорившій грубый голосъ точно тяжелымъ камнемъ душилъ слабые звуки другого голоса, который, однако, сопротивлялся, выражая это энергичнымъ взвизгиваніемъ.

„Во всемъ борьба, насиліе и протесты“, — грустно думалъ Бровкинъ, прислушиваясь къ борющимся голосамъ. Это напоминало ему всю его слѣпую жизнь, полную непосильной борьбы и нѣмого протеста. Въ это время онъ разслышалъ повелительный окрикъ:

— Эй, вставайте! Четыре часа... Сейчасъ будемъ запи- раться...

Это служитель объявлялъ посѣтителямъ о закрытіи чайной. Онъ приблизился къ спавшему на столѣ субъекту и, толкая его въ плечо, насмѣшливо проговорилъ:

— Ваше благородіе, а ваше благородіе! Довольно-съ! Пора на добычу...

Тотъ поднялъ лохматую голову, поправилъ съѣхавшія съ носа очки и, поглядѣвъ поверхъ ихъ сонными глазами на говорившаго, лѣниво потянулся.

— Грядемъ, друже! — обратился Райкинъ къ товарищу, доставая изъ-подъ стола картузь и палку.

Бровкинъ тоже взялъ изъ-подъ себя шляпу, на которой сидѣлъ, и тихо замѣтилъ:

— А теперь куда?

— Э, пріятель! — возразилъ Райкинъ, напяливая на голову мятую фуражку. — Свѣтъ не клиномъ сошелся!..

Онъ поправилъ на себѣ засаленныя брюки, запрятанныя въ рыжія голенища дырявыхъ сапогъ, и взялъ за руку Бровкина.

Полураздѣтые, полуголодные, съ хмурыми лицами, ночные посѣтители молча и нехотя выходили изъ теплаго помѣщенія на улицу, гдѣ ихъ ожидали стужа и скитанья. Но Райкинъ оставался вѣрнымъ себѣ. Онъ нагнулся къ товарищу и сказалъ вполголоса:

— Никто ни слова, будто совершается нѣчто священное..

— Не всѣ скоморохи, какъ ты, — мрачно буркнулъ Бровкинъ, осторожно спускаясь съ деревянной лѣсенки.

Минуты черезъ двѣ ночная компанія разбрелась въ разныя стороны и потонула въ черной мглѣ осенняго утра.

Служащіе чайной поспѣшно убрали посуду, отряхнули скатерти, привели въ порядокъ мебель и, наскоро подмахнувъ полъ щеткой, погасили лампу.

Ночная жизнь мгновенно замерла, уступивъ мѣсто другой, болѣе широкой, дневной жизни..

## V.

— Стой, товарищъ! — сказалъ Райкинъ, выпустивши руку Бровкина.

Онъ шагнулъ вправо, влево, махая при этомъ палкой, и, остановившись, задумчиво проговорилъ:

— Я рѣшительно не понимаю, куда насъ занесло..

— А говоришь, что знаешь дорогу, — недовольнымъ тономъ замѣтилъ Бровкинъ и началъ оцупывать палкой. — Какія-то продолговатя возвышенія въ видѣ грядъ.

— А, это огородъ! — поспѣшно подхватилъ Райкинъ и тотчасъ же добавилъ въ раздумьи: — Огородъ-то огородъ,

но какъ мы въ него попали? Однако, попробуемъ пойти сюда, — рѣшилъ онъ и взялъ подъ руку товарища.

Они стали неувѣренно подвигаться влѣво. Отмѣривъ шаговъ двадцать, Бровкинъ рѣшительно заявилъ:

— Я дальше не пойду, потому что съ каждымъ шагомъ грязь становится все жиже и глубже... Куда мы идемъ? Нужно имѣть что-нибудь опредѣленное...

— Вишь чего захотѣлъ! — возразилъ Райкинъ. — Опредѣленного, братъ, на свѣтъ нѣтъ.

— Глупости говоришь, — буркнулъ Бровкинъ.

— Ладно, ладно... — сказалъ тотъ и, увлекая за собой товарища, добавилъ:

— Кажется, сюда...

Но едва слѣпцы успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ноги ихъ вдругъ неудержимо покатались внизъ, и они тяжело шлепнулись въ канаву.

— Здорово! — воскликнулъ неугомонный Райкинъ, быстро вскакивая на ноги. — Живъ ли, товарищъ? Что-то тебя не слышно... и какъ поживаютъ очки? Впрочемъ, у тебя ихъ нѣтъ, это хорошо...

Бровкинъ молча установилъ свои длинныя разтѣзжающіяся во всѣ стороны ноги, нащупалъ въ грязи палку и, тяжело сопя, полѣзъ кверху.

Райкинъ послѣдовалъ за нимъ.

— Хорошо, что мягко, — сказалъ онъ, когда они вылѣзли изъ канавы, и со свойственнымъ ему комизмомъ добавилъ:

— Въ настоящій критическій моментъ я абсолютно признаю вашу гениальность по части оцупыванья и прошу ваше слѣпое безглазие быть компасомъ въ нашемъ блужданіи по липкой грязи...

Бровкинъ попрежнему тяжело сопѣлъ, молча снимая съ бороды куски грязи.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ скверно, — серьезно заговорилъ Райкинъ. — Я хотя и бывалъ въ этой мѣстности, но сейчасъ, хоть убей, не знаю, въ какой сторонѣ мы находимся отъ Рогожской части... А холодно, чортъ возьми! — закончилъ онъ, пожимаясь.

— Вѣроятно, и фокусы тебя не грѣютъ, — иронически замѣтилъ Бровкинъ, потирая прозябшія руки.

— Ладно, — отрѣзалъ Райкинъ. — Ты лучше прояви-ка свое искусство, выведи на путь истинный.

Бровкинъ энергично пошарилъ вокругъ себя палкой и, очевидно, не найдя ничего удовлетворительнаго, сталъ напряженно прислушиваться, повертывая голову во всѣ стороны.

— Что? — спросилъ Райкинъ, приближаясь къ товарищу.

— Сплошная грязь... Нигдѣ ни звука. Справа несетъ зловоніемъ, — вѣроятно, недалеко свалка, — а слѣва пахнетъ гарью.. Туда и направимъ стопы...

— Валяй, куда знаешь! — согласился Райкинъ, уцѣпившись за руку товарища. — Я пасую...

Слѣпцы стали медленно подвигаться въ ту сторону, откуда доносился запахъ гари, придерживаясь края канавы. Бровкинъ тотчасъ же вошелъ въ роль проводника и быстро приноровился къ незнакомой мѣстности. Онъ выказывалъ поразительную ловкость и находчивость въ путешествіи наощупь и догадку. Его длинная палка внимательно слѣдила за краемъ канавы, около которой они шли, и успѣвала ошаривать впереди. Въ то же время онъ прислушивался и принюхивался. Даже ощущаемый лицомъ воздухъ и направленіе вѣтра имѣли для него специальное значеніе. Пройдя шаговъ двѣсти, его палка ударилась обо что-то твердое.

— Стопъ! — сказалъ Бровкинъ, останавливаясь. — Сейчасъ мы освидѣтельствуемъ... Ага, доска перекинута черезъ канаву...

Онъ приблизился къ ней и, ощутивъ лицомъ стѣсненный воздухъ, замахалъ впереди себя палкой, которая звучно ударилась о деревянную стѣну.

— Ба! еще открытіе — заборъ! И, кажется, въ канавѣ вода, потому что ужъ слишкомъ пахнетъ ржавой сыростью.

Бровкинъ опустилъ палку внизъ и, стуча ею по водѣ, замѣтилъ вслухъ:

— Такъ и есть... и довольно-таки глубоко... Впрочемъ, доска широкая... Съ Богомъ въ путь! — скомандовалъ онъ и осторожно сталъ подвигаться по доскѣ.

— Какъ бы не сверзиться, — замѣтилъ Райкинъ, ощупывая ногами и палкой каждый вершокъ опаснаго пути.

Онъ медленно двигался по доскѣ.

— Слава Богу! — сказалъ онъ, ступивъ на рыхлую землю, — переправу совершили благополучно...

— Теперь пойдемъ возлѣ забора, — заявилъ Бровкинъ, — авось куда-нибудь выйдемъ... А, здѣсь дорожка протоптана!.. Иди за мной, вмѣстѣ неудобно...

И слѣпцы снова отправились въ путь, лавируя палками.

— Рухлядь дырявая, — говорилъ шедшій впереди Бровкинъ, изрѣдка прикасаясь рукой къ забору. — А вотъ тутъ стѣна обвалилась... Осторожнѣй!.. доска на дорогѣ...

— Оттого и рухнула, что столбы сгнили, — замѣтилъ Райкинъ, ощупью перешагнувъ черезъ доску, — столбы — это главное...

Длинный заборъ, по стѣнѣ котораго слѣпцы быстро подвигались впередъ, служилъ для нихъ отличнымъ указателемъ и внушалъ надежду на благополучный исходъ путешествія. Это одушевляло ихъ и располагало къ балагурству. Когда Бровкинъ, оступившись, ухнулъ въ грязь, слѣдовавшій за нимъ Райкинъ весело замѣтилъ:

— Пустяки, товарищъ... Грязь къ чистому не пристанетъ... она только замажетъ дыры твоихъ сапогъ...

— Такихъ утѣшеній много, — отозвался Бровкинъ, плотно прижимаясь къ забору. — Когда я плакалъ послѣ какого-нибудь ушиба, мнѣ съ чувствомъ говорили: „Не плачь, касатикъ, коль не видишь глазками, зато слышишь ушками“. А казенный батюшка, утѣшая слѣпыхъ, между прочимъ замѣтилъ: „Слѣпота — Божія заслонка, защищающая душу отъ мірскихъ соблазновъ... Имѣющій таковую, да хранить ее и не соблазнится вовѣки“.

— „Да хранить ее“, — усмѣхнулся Райкинъ. — Радъ бы потерять, да нельзя.

Въ этотъ мигъ Бровкинъ выругался, стиснувъ зубы, и остановился какъ вкопанный. Шедшій за нимъ Райкинъ ткнулся ему въ спину.

— Что, или цѣлованіе произошло? — спросилъ онъ, дотрогиваясь до товарища рукой.

Но тотъ молчалъ, зажавъ переносицу рукой. Въ немъ закипала опять злоба.

— „Божія заслонка!“ — проговорилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. — Лучше бы она защищала не фантазію проповѣдника, а дѣйствительность, вотъ отъ этихъ окаянныхъ...

Бровкинъ ударилъ палкой по столбу, который, какъ онъ выразился потомъ, „расквасилъ ему рожу“.

— Какой нескладный, — замѣтил Райкинъ, ощупывая обѣими руками стоявшій у забора накренившійся столбъ. — Зачѣмъ онъ тутъ?

— Чтобы слѣпые ударялись о него, — угрюмо отвѣтил Бровкинъ, расправляя задранныю на переносицѣ кожу, и продолжалъ со свойственной ему раздражительностью: — Кому понадобилось, чтобы слѣпой ушибался, падалъ, утопалъ въ грязи и наконецъ дрожалъ отъ холода вотъ здѣсь, т.-е. чортъ знаетъ гдѣ?..

„Наши поѣхали“... — подумалъ Райкинъ, ощупывая уголъ забора, и проговорилъ вслухъ:

— Забору конецъ!.. Теперь куда? Точь-въ-точь какъ въ сказкѣ: „вправо — не сдобровать, влѣво — смерти не миновать, а прямо — головы не сносить“. Выбирай любое! Пауль, будь паинька, — обратился онъ къ товарищу, — наостри уши, потяни носомъ и пошарь палкой, авось отыщешь слѣдъ..

Но Бровкинъ вмѣсто отвѣта только сильно сопѣлъ, что выражало крайнее волненіе. Въ это время недалеко отъ слѣпыхъ раздался точно свалившійся съ неба жиденскій звукъ небольшого колокола.

— Ба! спасительный маякъ! — воскликнул Райкинъ, беря товарища подъ руку. — Теперь дорога вѣрная! Вали прямо на звонъ! Это, вѣроятно, ударили къ утрени въ той церкви, которую намъ нужно.

Слѣпцы пересѣкли грязную улицу и удачно попали на тротуаръ. Райкинъ пріободрился и декламаторскимъ тономъ произнесъ:

— Еще немного, и мы у цѣли!

— Хороша цѣль! — усмѣхнулся Бровкинъ, слѣдя за кончикомъ палки, быстро скользившей по краю тротуара.

— Самая что ни на есть святая, — не смущаясь продолжалъ Райкинъ. — Самъ посудите: мы устали какъ тещинъ языкъ, хлеставшій зятя, и вдругъ отдохновенье, т.-е. мы сейчасъ получимъ по два двугривенныхъ на брата и выпьемъ потомъ преизрядно...

— Что это? — спросилъ Бровкинъ, прислушиваясь къ отдаленному шуму.

— А вотъ что, — спокойно отвѣтил Райкинъ: — сейчасъ завернемъ за уголъ и упремся въ колокольню. Шагахъ въ десяти отъ нея обрящемъ калитку и войдемъ на церковный

дворъ, гдѣ уже собрались наши коллеги, чающіе движенія. Уразумѣль?

— Э-хе-хе, эхъ-ма!—Бровкинъ вздохнулъ и угрюмо продолжалъ: — Скажу въ сотый разъ, что нищій въ глазахъ благодѣтеля ниже пса. Собаку онъ кормить и ласкаетъ по расположенію, а нищаго терпитъ и подаетъ ему только Христа ради.

— Ну, поѣхала деревня поперекъ колеса!— замѣтилъ Райкинъ.—Ты, братъ, неисправимый инвалидъ... Твое мѣсто въ богадѣльнѣ.

Послѣднія слова Райкинъ сказалъ съ расчетомъ отрезвить товарища, который не выносилъ напоминанія о богадѣльнѣ.

— Убирайся съ твоей богадѣльней!— огрызнулся Бровкинъ.—Довольно съ меня и восьми лѣтъ живой смерти.

Райкинъ усмѣхнулся себѣ въ усъ и съ напускной важною продолжалъ:

— Въ такомъ случаѣ, любезный Пауль, позволь тебѣ напомнить азбучную мудрость: кто любить жизнь, а не лежаніе лежнемъ на казенной койкѣ, тотъ долженъ не пренебрегать тѣми условіями, въ которыхъ онъ находится... Стой!—скомандовалъ Райкинъ.— Кажется, не сюда! Гдѣ же два столба? А, вотъ они... Грядемъ...

И Райкинъ смѣло повелъ товарища по знакомому церковному двору. Когда они подходили къ группѣ „чающихъ движенія“, кто-то изъ толпы замѣтилъ:

— Пыхъ—пара слѣпыхъ, связка нищихъ!

Такая встрѣча, разумѣется, не удивила нашихъ путниковъ. Они молча пробрались сквозь толпу и стали у церковной стѣны недалеко отъ паперти.

— Здѣсь будетъ тишина и публики поменьше,—промолвилъ Райкинъ, стуча нога объ ногу.—Теперь, вѣроятно, семь, потому что ударили къ обѣднѣ, а мы вышли изъ чайной въ четыре. Стало быть, кружились три часа... Положимъ, обыкновенной ходьбы часа два, значить путались не больше часа...

— А скоро даянъе?—спросилъ Бровкинъ, втискивая поспѣшныя руки въ узкіе рукава куртки.

— Не совсѣмъ скоро,—вздыхнувъ отвѣтилъ Райкинъ, топчась на мѣстѣ.—Когда-то начнется еще обѣдня, спеці-

ально предназначенная для нашей благодѣтельницы, а только послѣ обѣдни, около часиковъ десяти, получимъ мы лепту.

— Почему именно послѣ, а не до обѣдни? — спросилъ Бровкинъ. — Развѣ отъ этого жертва умалилась бы?

— Такой порядокъ. Ничего не подѣлаешь!..

— Мерзость... — презрительно произнесъ Бровкинъ, чувствуя приливъ злости. — Неужели пріятнѣе молиться, когда знаешь, что тебя дожидаются на холодѣ люди?

Въ это время на паперти слышался шумъ. Слѣпцы прислушались.

— Нельзя, нельзя! — повелительно кричалъ сторожъ. — Вы идете не молиться, а за худымъ дѣломъ...

— Что ты, бабушка! — запротестовала женщина. — За какимъ худымъ дѣломъ? Господь съ тобой! Пусти хоть обогрѣться...

— Сказаль, нельзя, значить не велѣно пускать! — продолжалъ выкрикивать церковный сторожъ. — Васъ пусти, а тамъ глядишь подсвѣчника али еще чего не будетъ.

— Это Богъ знаетъ что! Даже въ церковь не пускаютъ! — возмущенно промолвилъ Бровкинъ, стиснувъ зубы.

— Пустяки, — спокойно возразилъ Райкинъ. — Нищихъ куда не пускаютъ, кромѣ участка и ночлежки...

Къ паперти подкатила карета.

— Пріѣхала, пріѣхала! — слышались голоса въ толпѣ.

Сражавшійся съ нищими сторожъ опрометью бросился къ каретѣ и привычной рукой отворилъ дверцу. Изъ кареты вышли двѣ женщины. Одна была одѣта въ богатую ротонду и каракулевую шапочку, другая — въ сакъ и платокъ. Онѣ мелькомъ взглянули на собравшуюся публику, приходившую за подаянiемъ каждое 1-е число, и направились въ церковь. Въ то же время звонарь ударилъ во всѣ колокола, какъ бы радуясь: „Наконецъ, молъ, ожидаемые гости припожаловали“.

— Точно архіерея встрѣчаютъ, — пустилъ кто-то изъ толпы.

— Звонарь свое дѣло знаетъ, — сказалъ другой, — ему съ колокольни видно, ну, значить, и ударить во-время... Не пропадетъ, молъ, это...

— А что бы ей раздать сейчасъ-то, до обѣдни, — сказала женщина, обращаясь къ Бровкину, — и ей бы развязка и намъ бы не забнуть... А то поди — дожидайся...

Она поглядѣла на молчавшаго слѣпого и добавила:

— А ты, батюшка, давно потерялъ глазки?

— Давно, — отвѣтилъ Бровкинъ хрипло.

Женщина еще разъ поглядѣла на провалившіеся глаза слѣпого и, перекрестившись, со вздохомъ проговорила вслухъ:

— Избавь, Царь Небесный, отъ такой оказіи...

А публика межъ тѣмъ густой толпой человѣкъ въ двѣсти подвигалась ближе къ паперти. Говоръ и шумъ усилились. Женщины ни въ чемъ не уступали мужчинамъ, а тѣ въ свою очередь не церемонились съ ними.

— Эй, тетка, — обратился кто-то хриплымъ голосомъ къ женщинѣ съ огромнымъ синякомъ подъ глазомъ, — погаси фонарь, и безъ него свѣтло!

— Видно по носу, что пьяница, — огрызнулась та, — ишь онъ у тебя краснѣй свеклы!

Кругомъ загоготали.

— Наѣхавши, значить, — замѣтилъ кто-то.

— Съ такимъ носомъ всегда наскочишь!

— А, Закхей! — воскликнула рыжая шляпа, обращаясь къ маленькому человѣчку въ грязномъ картузѣ. — Ты опять пришелъ?

— Жиды деньги любятъ! — бросилъ рыжій оборванецъ.

Закхей покосился въ его сторону большими глазами и картаво огрызнулся:

— Сто-зэ ты брехаешь, ай не зралъ!

— Вѣдь ты въ богадѣльнѣ, — замѣтила ему шляпа.

— Сто вы, сто вы! — оправдывался хитрый человѣчекъ, усленно моргая трахонными глазами.

— Вреть, жидовская морда! — крикнулъ кто-то изъ толпы. — Я знаю, что онъ въ богадѣльнѣ. Такихъ отсюда въ шею...

Въ это время рыжій оборванецъ, изловчившись, ударилъ Закхея по носу щелчкомъ. Тотъ неистово вскрикнулъ, ухватившись за носъ рукой, и шлаксиво выругался.

Видѣвшіе эту сцену громко разсмѣялись.

Стоявшій у церковной стѣны Бровкинъ молча наблюдалъ за происходившимъ. Его не удивляла шумная пошлость, нерѣдко переходящая въ ссору и даже драку. Онъ относился къ этому какъ къ обыкновенному явленію. Люди не пред-

ставляли для него существенной разницы между собою, хотя бы они стояли далеко другъ отъ друга по положенію. Внѣшній видъ жизни не имѣлъ для слѣплого того значенія, которое чуть ли не главное въ жизни зрячихъ. Онъ больше жилъ душой, а не глазами, потому что не видѣлъ. Вотъ и теперь, прислушиваясь къ разговорамъ оборванцевъ, пришедшихъ за подаваніемъ, Бровкинъ былъ далекъ отъ мысли о томъ, что рядомъ съ нимъ стоятъ полураздѣтые нище. Это не занимало слѣпца. Его интересовали голоса. Прислушиваясь къ нимъ и проникая въ глубь сердца говорившихъ, слѣпой грустно думалъ:

„Бѣдняги! Вы балагурите и смѣтаетесь, но не отъ души, а какъ бы въ бреду болѣзни, скрытой отъ людей. Вамъ не хочется болтать вздоръ, но вы не въ силахъ молчать, такъ какъ вамъ необходимо чѣмъ-нибудь заглушить протестъ вашей души“...

Въ это время рядомъ съ нимъ раздался грубый голосъ:  
— Эй, рябая терка, гдѣ же твой Ёгорка?

— Рукамъ воли не давай, — тихо прозвучалъ нѣжный голосъ, принадлежавшій молодой женщинѣ съ рябымъ лицомъ.

Но нахаль - риѳмачъ не унимался:

— Ужъ больно у тебя рябины здоровы, крупнѣй даже матушки Москвы!

Раздался взрывъ хохота. А затѣмъ послышались грубыя насмѣшки по адресу рябой женщины, которая, слабо защищаясь, поспѣшила скрыться въ толпѣ. Ея чистый какъ у ребенка голосъ удивилъ Бровкина.

„Зачѣмъ она здѣсь?“ — подумалъ онъ съ грустью.

А голосъ между тѣмъ робко стоналъ, какъ бы сисясь отъ чего-то освободиться. Это онъ несмѣло отбивался отъ насмѣшекъ. Такая борьба голосовъ, какъ и всегда, принимала въ мысляхъ слѣпца своеобразную форму. Насмѣшки обидчиковъ казались ему колючими иглами, вонзавшимися въ тѣло женщины, которая боязливо стонала. Но обидчики не замѣчали этого и со смѣхомъ продолжали свое издѣвательство.

„Тугоухія души! — съ болью въ сердцѣ подумалъ Бровкинъ, обзывая такимъ именемъ зрячихъ. — Если бы они обладали душевнымъ слухомъ, то имъ нетрудно было бы понять чело-

вѣческую душу, таящуюся въ разнообразныхъ звукахъ и отѣнкахъ голоса“.

— Наблюдаешь, товарищъ? — спросилъ подошедшій къ нему Райкинъ. — Валяй, валяй! Ты любишь всякіе экстракты... А я все-таки пробрался въ церковь и отогрѣлся немного. Тамъ ужъ все кончается. Вѣроятно, сейчасъ выйдетъ наша милостивица... Нужно стать поближе къ паперти, а то ототрутъ назадъ...

— Выходить! — раздались голоса.

И толпа двинулась впередъ.

— Не напирай! — закричалъ сторожъ, набрасываясь на публику, — чай не на Ходынкѣ!

Дама въ шляпѣ и ротондѣ сѣла въ поданную къ паперти карету и уѣхала.

— Сама укатила, осталась экономка! — раздались голоса.

— Эту выжигу не проведешь, — бросилъ кто-то, — за копейку удавится...

— Всѣмъ хватить, не торопитесь, — замѣтила экономка, спускаясь на послѣднюю ступеньку паперти.

Голосъ у ней былъ крикливый, лицо худощавое съ маленькими глазками.

— По череду! — командовалъ сторожъ, держа обѣими руками кожаный мѣшокъ съ мелкой монетой.

Бѣдняки протягивали руки въ сторону экономки и крѣпко зажимали въ ладони полученную лепту. Человѣкъ десять подошли молча и затѣмъ послышался ропотъ:

— Я мерзла три часа, а вы, матушка, три копѣйки дали, — съ обидой въ голосѣ заявила женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

— Сколько полагается, — равнодушно отвѣтила экономка, продолжая совать въ протянутыя руки мѣдныя деньги.

— Проходи... давай дорогу... — добавлялъ сторожъ, какъ можно удобнѣе растопыривая мѣшокъ съ деньгами.

— Я хромой, — сказалъ плечистый мужикъ съ толстой палкой въ рукахъ.

— А не врешь?

— Никакъ нѣтъ! Въ ломовыхъ жилъ, колесомъ переѣхало...

— Ну, ладно, — согласилась экономка и положила на широкую мужицкую ладонь серебряный пятакъ. — А ты что

зажмурился? — обратилась она къ молодому парню въ худой рубахѣ и босякомъ.

— Я — слѣпой, — отвѣтилъ тотъ, сдѣлавъ серьезную физиономію.

— Не хитри, голубчикъ, меня не обманешь! Шель бы работать.

— Сорвалось! — замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Ее на кривой не объѣдешь, — подхватилъ другой, — песь, а не баба!

— Эй, бабка! — спохватилась экономка, обращаясь къ старухѣ съ подвязанной щекой, — ты два раза получила!

— И, что ты, кормилица, — прошамкала та, поспѣшно пробираясь къ выходу.

— Ищи-свищи, а старухѣ пятакъ годится! — тихо замѣтилъ Райкинъ, держась за руку Бровкина, и добавилъ:

— А насъ, брать, оттираютъ все дальше и дальше.

— Обыкновенная участь слѣпыхъ, — угрюмо промолвилъ Бровкинъ.

— Чепуха, — возразилъ Райкинъ. — Нужно по-солдатски грудью, иначе останешься безъ благодѣтели, а это куда какъ скверно. Давай-ка проявимъ энергію... упрись какъ дуракъ...

Бровкинъ пригнулся и врѣзался плечомъ въ тѣсно сплоченные ряды.

— Тише, дьяволъ чалый! — огрызнулась баба. — Бокъ проломилъ...

— Ему не видно, онъ слѣпой, ну, и претъ куда попало, — замѣтилъ субъектъ съ опухшимъ лицомъ.

— Вали, вали! — поощрялъ Райкинъ, толкая въ спину товарища, который быстро подвигался впередъ.

## VI.

Когда товарищи выходили съ церковнаго двора, Райкинъ замѣтилъ, пожавъ плечами:

— Не понимаю: всегда слѣпымъ полагалось по 40 копеекъ, а нынче наполовину меньше...

— Мало зябли, — сказалъ Бровкинъ: — только четыре часа съ небольшимъ.

— Да, съ такой казной не разгуляешься, — задумчиво про-

говорилъ Райкинъ и тотчасъ же добавилъ: — Ладно, мы на-верстаемъ! Нужно сюда...

При этомъ онъ энергично потянулъ за руку товарища, который не сопротивлялся.

— Пересѣчемъ два переулка, — говорилъ Райкинъ, — и упремся въ тупикъ. Нащупаемъ желѣзные ворота и выйдемъ во дворъ. Тамъ сегодня тоже раздають. Схватимъ еще по двугривенному и тогда уже подкрѣпимся какъ слѣдуетъ. Такъ что ли?

Но Бровкинъ упорно молчалъ. Его подмывало сказать: „Убирайся ты съ своими двугривенными!“ Но онъ сдерживался, сознавая нелѣпность подобнаго поступка.

— Эхъ, Пауль, Пауль! — со вздохомъ проговорилъ Райкинъ, какъ бы угадывая мысли товарища. — „Отъ дождя не въ воду!“ Погоди немного и воскреснемъ!

— Послѣ смерти? — иронически спросилъ Бровкинъ.

— Нѣтъ! — съ улыбкой отвѣчалъ тотъ. — Самымъ естественнымъ образомъ, а именно: нынче-завтра ты объявишься братомъ доктора медицины, который не замедлитъ вытащить тебя изъ трясины, а вмѣстѣ съ тобой и меня, такъ какъ я держусь за твою руку.

— Чужая сила не поможетъ, если своей нѣтъ, — отрѣзалъ Бровкинъ.

— Невѣрно! — возразилъ Райкинъ и вдругъ добавилъ: — Что это?

Слѣпцы остановились и зашарили вокругъ себя палками.

— Ворохъ свѣжей земли, доски, трубы... Вѣроятно, канализацию проводятъ... Нужно обойти...

Слѣпцы спустились на мостовую. Но, сдѣлавъ шага два-три впередъ, они снова наткнулись на бугоръ земли.

— Минныя загражденія, — пошутилъ Райкинъ. — Слѣпымъ везетъ: влѣзли въ самую средину...

Онъ нащупалъ палкой свободный проходъ и пригласилъ товарища.

— Идемъ сюда, здѣсь, кажется, можно пройти... Какъ бы, чортъ возьми, не угодить...

Но Райкинъ не договорилъ. Онъ вдругъ сильно потянулъ руку Бровкина, за которую держался, и, оторвавшись отъ нея, шумно покатился куда-то внизъ.

Бровкинъ стоялъ нѣсколько мгновений въ недоумѣннн, а

затѣмъ лихорадочно зашарилъ вокругъ себя палкой и, нащупавъ отверстіе ямы, съ ужасомъ отскочилъ отъ него. Онъ разомъ понялъ все и закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Помогите! Помогите!

Находившіеся отъ него шагахъ въ двадцати, но стоявшіе къ нему спиной рабочіе только сейчасъ замѣтили кричавшаго человѣка.

— Помогите! Помогите! — надрывался Бровкинъ, громко ударяя палкой по чугунной трубѣ.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось? — посыпались вопросы подбѣжавшихъ къ нему рабочихъ.

— Райкинъ упалъ... мой товарищъ... онъ слѣпой... мы оба слѣпые... — бормоталъ Бровкинъ, задыхаясь отъ волненія.

— Какой слѣпой? Куда упалъ? — недоумѣвали рабочіе, озираясь кругомъ.

— Сюда упалъ... понимаете сюда... вотъ въ эту яму! — надрывался Бровкинъ, энергично тыкая палкой въ отверстіе ямы, на днѣ которой блестѣла вода.

Рабочіе испуганно глядѣли то на слѣпого, то на яму, какъ бы не совсѣмъ еще понимая сущность дѣла.

— Что вы стоите? — набросился на нихъ прилично одѣтый господинъ, очевидно подошедшій прохожій. — Полѣзайте въ яму.

— Такъ лѣзть нельзя, — возразилъ кривой рабочій, — въ ней воды аршина на полтора.

— Давайте лѣстницу или еще что-нибудь, только поживѣй, пожалуйста!

Рабочіе бросились исполнять приказаніе, широко шагая черезъ толстыя трубы и высокіе бугры земли.

— Ради Бога скорѣй! — волновался Бровкинъ, переходя съ мѣста на мѣсто.

— Отойдите подальше, — обратился къ нему тотъ же господинъ, слегка дотрогиваясь до него рукой, — иначе и вы можете упасть.

Публика прибывала. Одинъ разспрашивалъ другого о случившемся и съ любопытствомъ заглядывалъ въ злосчастную яму, наполовину заполненную водой. Кривой рабочій сбросилъ съ себя сапоги, пиджакъ и, подпоясавшись длинной веревкой по животу, проговорилъ:

— Этакъ-то надежнѣе, а то всяко бываетъ...

Онъ перекрестился и приблизился къ ямѣ.

— Какъ я дерну за веревку, такъ и волоките, — сказала водолазъ и началъ спускаться по лѣстницѣ.

Публика замерла въ ожиданіи.

— Долой отсюда! — раздался повелительный окрикъ полицейскаго.

Толпа неохотно пятилась назадъ.

— Я не пойду! — запротестовалъ Бровкинъ, котораго полицейскій безцеремонно толкалъ въ грудь.

— Оставьте его! — вмѣшался тотъ же господинъ, — онъ товарищъ несчастнаго слѣпца, который свалился въ яму.

— Вытащили! — точно волной пронеслось по толпѣ.

И публика снова подалась впередъ, поднимаясь на цыпочки.

— Не лѣзь! — грозно кричалъ блюститель порядка, наступая на любопытныхъ. — Чего не видали?

— Пустите меня къ нему? — умоляюще закричалъ Бровкинъ и какъ сумасшедшій бросился впередъ, спотыкаясь на трубы.

— Убьетесь! — остановилъ его полицейскій. — Нельзя дальше...

— Нужно качать, — посоветовалъ кто-то изъ толпы.

— Что зря качать-то, — возразилъ кривой рабочій, выжимая на себѣ мокрую рубаху. — Онъ всю голову разворотилъ... Страсть глядѣть!.. Даже вода красная.. и къ тому же захлебнулся..

Эти страшныя слова какъ молотомъ ударили Бровкина по головѣ. Все въ ней зазвенѣло, закружилось... Бѣдняга слѣпой едва устоялъ на ногахъ.

— Ахъ ты, Господи! — раздавались сочувственныя восклицанія. — Совсѣмъ еще молодой!..

— Говорять, онъ ничего не видѣлъ...

— Въ томъ-то и бѣда, что слѣпой... иначе и не свалился бы...

„Да, да!“ — какъ бы въ бреду повторялъ Бровкинъ, жадно прислушиваясь къ разговорамъ и въ то же время ощущая внутри себя жгучую тяжесть. — „Не будь слѣпой и не упалъ бы!“ — громко раздавалось въ его мозгу.

И горькое чувство, какъ тисками, защемило его сердце.

„О, слѣпота! — мучительно думалъ онъ, — ты убила во

миѣ жизнь, превратила душу въ сплошную муку отчаянія... Наконецъ, ты утопила въ ямѣ моего товарища, этого рѣдкаго человѣка, такъ горячо любившаго жизнь и умѣвшаго смѣяться сквозь слезы..."

Въ эту минуту Бровкинъ готовъ былъ отдать свою жизнь, чтобы воскресить товарища, безъ котораго, какъ ему казалось, невозможно было его дальнѣйшее существованіе. Кровь ударила ему въ голову... Въ груди загло и закипѣло. Все подъ нимъ задрожало, закружилось.

— Будь она проклята, эта анаѳемская слѣпота! — точно задушенный, прохрипѣлъ Бровкинъ и какъ снопъ повалился на землю.

— Человѣкъ упалъ! — слышалось въ толпѣ. — Должно быть падучая...

— Не лѣзь! — зычно раздался голосъ полицейскаго.

## VII.

Прошло два года. Бровкинъ еще больше постарѣлъ и осунулся. Внезапная смерть товарища и то, что онъ погибъ исключительно благодаря слѣпотѣ, было послѣдней каплей, переполнившей чашу его терпѣнія. Бывали минуты, когда Бровкинъ, не находя исхода своему отчаянію, готовъ былъ покончить съ собой. Но мысль, что вотъ онъ сію минуту будетъ лежать бездыханный, ничего не сознавая, удерживала его отъ самоубійства.

„Нѣтъ! — думалъ онъ. — Лучше страдать и сознавать это, чѣмъ лежать покойно, какъ безчувственная чурка. Это еще успѣется... оно неизбежно.“

И послѣ такихъ разсужденій слѣпому становилось легче.

Мало-по-малу жизнь вошла въ прежнюю колею. Бровкинъ перекочевывалъ изъ одной окраины города въ другую, проводя время въ чайныхъ и харчевняхъ. Но, наконецъ, это такъ ему опротивѣло, что онъ рѣшилъ жить иначе. Нанявъ уголь за два рубля въ мѣсяцъ, слѣпой усѣлся за плетеніе сумочекъ изъ кокосовой бечевы. Онъ зналъ по опыту, что такимъ трудомъ не прокормишься, но мысль, что онъ будетъ работать, а не стоять съ протянутой рукой, придавала ему энергію, и онъ усердно принялся за трудное ремесло.

Работа египетская... Спину ломить... На пальцахъ кровавые мозоли... Достается и переднимъ зубамъ, съ помощью которыхъ выплетаются такъ-называемые квадратики или колонки, состоящiе изъ извѣстнаго числа узелковъ, туго затянутыхъ зубами.

Слѣпой работаль терпѣливо, просиживая иногда далеко за полночь. Такимъ образомъ сумочка поспѣвала въ пять дней вмѣсто семи. И такъ продолжалось два мѣсяца. За это время Бровкинъ выручилъ чистаго дохода ровнымъ счетомъ четыре рубля, т.-е. ту сумму, которая пошла цѣликомъ за уголь. Такой заработокъ съ придачей къ нему голодовки, разумѣется, не могъ вызвать желанiя продолжать начатую работу. Нужно было искать другую. Но чѣмъ заняться? Вязать щетки слѣпой не могъ за неимѣниемъ необходимаго инструмента. Кромѣ того, выдѣлка ихъ могла оказаться не выгоднѣй предпрiятiя съ сумочками. Поступить куда-нибудь въ хоръ рѣшительно не представлялось никакой возможности. Оставалось одно: пристроиться въ какую-нибудь церковь и пѣть съ дьячками. Такъ и сдѣлаль Бровкинъ.

Сначала все шло какъ по маслу. Слѣпой пѣль и читаль наизусть всю службу, получая за это двугривенный и даровой ночлегъ въ сараѣ трапезника. Но это продолжалось недолго. Не прошло и мѣсяца, какъ двугривенный смѣнился пятаккомъ. „Довольно и этого, а ежели мало — не пой, безъ тебя обойдемся...“

Приходилось волей-неволей покориться судьбѣ.

— Не везеть!—сказаль слѣпой и, взявъ товарища-палку, медленно побрель по знакомой постылой дорогѣ. Очувившись опять въ ночлежномъ домѣ, Бровкинъ ясно ощутилъ внутри себя присутствiе чего-то страшнаго, никогда еще неиспытаннаго. Онъ не могъ сразу опредѣлить это новое чувство, но тѣмъ не менѣе оно пугало его.

— Что это?—мысленно разсуждалъ онъ, лежа на голыхъ нарахъ, гдѣ рядомъ съ нимъ храпѣли оборванцы. — Предчувствiе что ли какое? Но вѣдь я не вѣрю въ нихъ... И наконецъ чего мнѣ бояться? Развѣ я не все испыталъ?

Однако и эта мысль не успокоила слѣпого. Съ каждымъ днемъ онъ все сильнѣе ощущаль остроту непривычнаго чувства и наконецъ, понявъ въ чемъ дѣло, печально сказаль себѣ:

— Пустота давить мою душу, вотъ что... Но не та, которую я всегда ощущаю внутри себя, а какая-то другая, похожая на слѣпоту...

Такое сравненіе, конечно, было понятно только ему, природному слѣпцу.

— Значить, жизни каюкъ! — Онъ вздохнулъ, подводя итоги своимъ размышленіямъ.—Да, каюкъ!—словно эхо прокатилось въ его душѣ.

Это же самое слово сорвалось у него и послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ церкви, навсегда простившись съ мечтой существовать собственнымъ трудомъ.

— Ну, и ладно... — безнадежно подумалъ Бровкинъ и сталъ жить, какъ онъ выражался, „не живя“.

За его угрюмость и молчаніе, но больше, вѣроятно, за слѣпоту, онъ былъ прозванъ „живой смертью“.

— Именно живая смерть! — говорили оборванцы.— Длинный, худой какъ скелеть, съ провалившимися закрытыми глазами какъ у покойника... Вѣчно съ палкой, словно смерть съ косою, и молчитъ какъ могила...

Бровкинъ соглашался, что данная ему кличка мѣтко опредѣляетъ ненормальность его существованія, и замѣчалъ шутя:

— Да, братцы, слѣпота — именно смерть, но я оживляю ее силой собственной воли, заставляя, такъ сказать, двигаться мертвеца. А вотъ вы поступаете какъ разъ обратно: умерщвляете жизнь.

— Чепуха!—горланили оборванцы.— Покойника не оживить и жизни не умертвить... Убирайся съ своей философией!.. Давай - ка лучше выпьемъ... Вотъ гдѣ жизнь и забвеніе!..

При этомъ они стучали пальцами по бутылкѣ съ водкой, и кто-то громко декламировалъ:

Какъ выпьешь зловонной сивухи,  
Въ душѣ заструитъ аромать...  
Добрѣе нечистые духи,  
Терпимѣ нищенскій адъ!

— Не люблю я водки!—возражалъ слѣпой.—Она горячитъ мозгъ, но не туманитъ мысли.

— Ты отмѣнный!—шутили оборванцы.—Вѣроятно, у слѣпыхъ душа не на томъ мѣстѣ...

И самъ Бровкинъ, размышляя наединѣ, приходилъ къ заключенію, что у слѣпыхъ дѣйствительно душа не на мѣстѣ. Это особенно подтверждала вся его нелѣпая жизнь.

— Именно нелѣпая! — повторялъ онъ мысленно, и ему вдругъ становилось грустно, грустно. Въ такія минуты онъ уносился воспоминаніями къ Райкину и говорилъ, какъ бы извиняясь, покойному товарищу:

— Живу, братъ, чтобы ѣсть, а не наоборотъ, какъ ты сказалъ... Не сердись за это... нельзя иначе...

### VIII.

Осень стояла холодная и дождливая. Улицы города были покрыты жидкой грязью. Сѣрые тучи тяжело висѣли въ воздухѣ, заслонивъ собой солнце. Моросилъ дождь.

По узкому тротуару, держась ближе къ домамъ, медленно брелъ Бровкинъ, тяжело опираясь на толстую палку. На его высокой, немного сгорбленной фигурѣ кургузо сидѣла короткая ветхая поддевка. Узкіе штаны, какъ трико, обтягивали длинныя ноги, обутыя въ старыя резиновые ботинки. На головѣ болталась огромная неопредѣленнаго цвѣта шляпа. Пожелтѣвшая сѣдая борода сосками торчала на исхудавшемъ лицѣ съ закрытыми глазами.

Вотъ уже полгода какъ у него чахотка. Онъ кашляетъ кровью и страшно ослабѣлъ. Былъ въ трехъ больницахъ — не принимаютъ. Идетъ попытать счастья въ четвертую...

Дойдя до угла улицы, слѣпой остановился и попросилъ перевести его черезъ широкую площадь, по которой безъ остановки гремѣли экипажи и конки. Но прохожіе мимоходомъ оглядывали оборванца-слѣпца и шли дальше. Бровкинъ повторилъ свою просьбу, но опять безуспѣшно. Мимо него проходило много людей, задѣвая его поднятыми зонтиками и какъ бы не замѣчая его присутствія. Возмущенный такимъ отношеніемъ, онъ схватилъ наконецъ за рукавъ перваго попавшагося прохожаго.

— Что вамъ угодно? — протестующе заявилъ тотъ, освобождая руку.

— Я не вижу... переведите меня черезъ площадь, — сдерживая волненіе, проговорилъ слѣпой.

— Оставьте пожалуйста! Я вамъ не провожатый!..

— Злые идиоты! — выпалилъ Бровкинъ и какъ сумасшедшій бросился впередъ. Онъ быстро шелъ, звучно шлепая худыми ботиками по липкой грязи. На самой срединѣ площади, гдѣ всегда стояли извозчики, слѣпой наткнулся на пролетку, но не остановился, а пошелъ дальше, напроломъ, ударяясь о колеса и задѣвая лицомъ за лошадиныя морды. Ему кричали со всѣхъ сторонъ. Но Бровкинъ какъ бы ничего не сознавалъ и продолжалъ свой путь уже босикомъ. Ботики давно соскочили съ его ногъ.

— Ахъ, батюшки! — всплеснула руками какая-то старуха, слѣдившая за слѣпымъ. — Чуть-чуть не попалъ подъ конку...

— Самъ лѣзеть!.. — равнодушно замѣтилъ извозчикъ, поднимая верхъ пролетки.

А слѣпой между тѣмъ, миновавъ всѣ опасности, находился уже недалеко отъ тротуара, какъ вдругъ позади его раздался зычный окликъ. Бровкинъ метнулся въ сторону и какъ снопъ повалился на землю.

— Держи! держи! — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Но кучеръ ударилъ по лошадамъ и исчезъ изъ виду.

Вокругъ лежавшаго на землѣ человѣка съ окровавленной головой быстро собралась толпа.

— Дышломъ хватило! — пояснилъ кто-то. — Я это видѣлъ.

— Не ворохнется, значить, того... — слышались отдѣльныя замѣчанія.

— Вѣстимо готовъ... вишь сколько крови... И не дышитъ.

Явился полицейскій и тотчасъ же отправилъ раненаго въ ближайшую больницу.

Какъ только Бровкинъ пришелъ въ себя, онъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ, но не сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Однако мало-по-малу мысли стали проясняться, и онъ вспомнилъ, какъ при переходѣ черезъ площадь его чѣмъ-то ударило по головѣ. Потомъ онъ уже ничего не помнилъ.

— Гдѣ я? — промелькнуло въ его мысляхъ. — Голова забинтована... Лежу на кровати съ чистыми подушками и одѣяломъ... А вотъ кто-то кашляетъ...

— Проснулся? — тихо раздавался надъ нимъ женскій голосъ.

Бровкинъ немного помолчалъ и, какъ бы что-то соображая, въ свою очередь спросилъ:

— Я въ больницѣ?

— Да, — тихо отвѣтилъ тотъ же голосъ, принадлежавшій сестрѣ милосердія.

„Въ больницѣ! — мысленно усмѣхнулся слѣпой. — Наконецъ-то удостоился!“

Рана на головѣ оказалась неопасной: черезъ двѣ недѣли она зажила. Но силы больного быстро таяли. Для очищенія совѣсти ему давали лекарство и даже говорили, что онъ еще можетъ поправиться. На это Бровкинъ загадочно улыбался.

Страдая безсонницей, слѣпой невольно опять заглядывалъ въ свое прошлое, но, какъ и прежде, тамъ не на чемъ было отдохнуть мысленно. Усталый и раздраженный, онъ за-вертывался въ одѣяло и въ полузабытѣи беззвучно шепталъ:

— Хоть бы съ ума сойти и вообразить себя зрячимъ!..

Изрѣдка съ нимъ бесѣдовала сестра милосердія, присаживаясь на его кровать. Бровкинъ любилъ слушать ея умную рѣчь, но еще большее удовольствіе ему доставляло прислушиваться къ ея плавно льющемуся какъ ручеекъ голосу, который убаюкивалъ его и уносилъ въ далекое прошлое, когда онъ, никому ненужный слѣпой мальчикъ, пробирался въ лѣсъ и засыпалъ тамъ подъ тихій шопотъ деревьевъ. Такіе моменты иногда нарушались неистовымъ крикомъ умирающаго. Бровкинъ тотчасъ же возвращался къ дѣйствительности и невольно прислушивался къ окружающему.

Время шло. Болѣзнь быстро подвигалась къ концу. Бровкинъ уже не кашлялъ кровью и не жаловался на колотье въ боку, что было вѣрнымъ признакомъ скорой развязки. Онъ почти ничего не ѣлъ и съ трудомъ могъ подниматься на кровати. Уныло тянувшіеся дни и ночи не приносили больному ни сна, ни душевнаго спокойствія. Мысли разгорались, потухали, кружились, падали куда-то и снова крутились какъ вихрь, утомляя разгоряченный мозгъ. Онъ по-минутно подносилъ къ губамъ кружку съ водой, жадно глотая освѣжающую влагу. Красныя пятна не сходили съ землистаго лица. Исхудалая, но все еще богатырская грудь тяжело вздымалась. Наконецъ больной впалъ въ полузабытѣе и находился въ такомъ состояніи часа два. А затѣмъ, какъ бы очнувшись, снова поднесъ къ губамъ оловянную кружку, но она была пуста. Онъ злобно бросилъ ее на полъ и, схва-

тивъ со стола склянку съ лекарствомъ, быстро опрокинулъ въ ротъ.

— Ага!.. жаждой уморить хотите! — говорилъ слѣпой, послѣ того какъ у него отняли лекарство. Онъ повидимому бредилъ: — Пустяки! Я и безъ воды не умру, если не умрѣю безъ жизни!

Больной немного помолчалъ и неожиданно для всѣхъ быстро соскочилъ съ кровати.

— Довольно живой смерти! Я жизни хочу! Живой жизни.. понимаете!.. — неистово кричалъ Бровкинъ, размахивая длинными руками.

Его уложили въ кровать и на всякій случай прикрутили къ ней.

— Господа! — упавшимъ голосомъ заговорилъ слѣпой. — Извѣстно ли вамъ, что я не человѣкъ, а живая смерть? Я не жилъ, а только передвигался съ мѣста на мѣсто, какъ автоматъ, жадно подслушивая чужую жизнь..

Слѣпой вдругъ замолкъ и лежалъ не шевелясь, словно мертвецъ. Даже дыханія его не было слышно. Глядя на его изможденное землистаго цвѣта лицо съ провалившимися вовнутрь орбитъ глазами и торчавшей во всѣ стороны пожелтѣвшей сѣдой бородой, невольно становилось жутко и грустно до слезъ. Вѣдь ему было только 35 лѣтъ, а онъ выглядѣлъ дряхлымъ старикомъ. Очевидно, каждый годъ жизни слѣплого вдвое длиннѣе обыкновеннаго.

Но вотъ больной снова завозился.

— Пустите! — умоляюще шепталъ онъ, сисясь освободить руки.

Шопотъ становился все тише и тише и наконецъ совершенно замеръ. Спустя минуту Бровкинъ издавалъ шипящія гортанные звуки, сильно вертя головой. Иногда онъ испуганно вскрикивалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ... Такъ продолжалось часа три.

— Недолго намааячить, — замѣтилъ кто-то изъ больныхъ.

Никто ничего не возразилъ, но глаза всѣхъ чахоточныхъ невольно повернулись къ умиравшему товарищу и затуманились дымкой грусти. Вѣдь и они не минуютъ той же участи въ скоромъ времени. Слышались тихіе вздохи.

— Прочь!.. Мнѣ не надо сожалѣнья! — злобно закричалъ слѣпой и рванулся что было силы. Обѣ руки освободились.

Онъ крѣпко схватился ими за горло и началъ сдавливать его.

— Лекарства, лекарства! — скрежеталъ онъ зубами. — Я жить хочу!..

Онъ захрипѣлъ. На губахъ показалась кровь. Она расползалась красными змѣйками по сѣдой бородѣ и постепенно скатывалась на обнаженную грудь...

Слѣпой издавъ послѣдній глубокий вздохъ, словно сожалѣя о неиспытанной имъ жизни, и плотно сомкнулъ кровавые уста среди общей зловѣщей тишины.

Повѣяло вдругъ чѣмъ-то страшнымъ... По тѣлу неприятно забѣгали холодныя мурашки... Волосы на головѣ, казалось, поднимались кверху...

Это умерла „живая смерть“...

Всеволодъ Рязанцевъ.





# ВНѢШНЯЯ ЖИЗНЬ ВЪ ВОЛОГДѢ.

(Изъ воспоминаній о 70—80 годахъ въ Вологдѣ \*).



Въ внѣшней стороны жизнь въ Вологдѣ, конечно, не отличалась отъ таковой же многого множества городовъ обширной матушки Руси, но имѣла и нѣкоторыя свои особенности, между коими баснословная дешевизна занимала далеко не послѣднее мѣсто. Были и другія характерныя черты, о коихъ будетъ сказано ниже. Цѣны на всѣ жизненные продукты были столь низки, что цѣлая семья въ 6—8 душъ, не нуждаясь, проживали на 25—30 руб. въ мѣсяцъ, считая тутъ квартиру и образование дѣтей. Относительно послѣдняго достаточно сказать, что, напр., годовая плата за учение въ реальномъ училищѣ была только 18 руб.; въ началѣ 80-хъ годовъ она была повышена до 24 руб., долго держалась на этомъ уровнѣ, а теперь, прогрессивно возрастая, учетверилась сравнительно съ первоначальной.

Ради любопытства приведу цѣны на нѣкоторые предметы первой необходимости. Такъ, напр., лучшій сортъ мяса продавался по 5—6 коп. фунтъ, телятина—3—4 коп., русское масло—18 коп., дичь: 30—35 коп.—глухарь, 20 коп.—тетеревь и заяць, 20 коп.—пара рябчиковъ, утки лѣ-

\*) См. „Дневникъ Писателя“, 1908 г.

томъ: 10 коп.—крыжовая, 5 коп.—чирокъ и т. д. Рыба, зелень, разная ягоды и грибы—очень дешевы. Молочные продукты были отличнаго качества, доставлялись на домъ изъ подгороднихъ деревень въ оригинальныхъ берестяныхъ буракахъ по цѣнѣ 5—6 коп. Конечно, о какой-либо фальсификаціи тогда и понятія не имѣли. Для простаго рабочаго люда существовали харчевни, гдѣ за плату въ 3 коп. можно было получить сытный обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Зимой распространеннымъ пищевымъ продуктомъ, замѣняющимъ мясо, являлась рыба треска, убійственный аромать которой знакомъ каждому, кто хотя разъ въ жизни видѣлъ эту рыбу горячей.

Домашней прислугѣ не было платы дороже 1—2 руб. въ мѣсяцъ. Наибышшая плата извозчикамъ была 20 коп. за любой конецъ въ городѣ. За 10 руб. въ мѣсяцъ можно было найти отличную большую квартиру. Очень дешевы были дома. Такъ, за 1½—2 тысячи можно было приобрести двухъ этажный домъ съ обширной землею и хозяйственными постройками. Этимъ отчасти объяснялось то, что большинство обывателей, даже мелкіе чиновники, обзаводились собственными домами съ садами и огородами. Конечно, въ силу дешевизны жизни очень низко оплачивался трудъ разныхъ служащихъ и ремесленниковъ. Я хорошо помню, какъ мелкіе канцеляристы въ началѣ своей служебной „карьерѣ“ получали 2 рубля въ мѣсяцъ! Необычайной дешевизной жизни отчасти объяснялось и широкое гостепримство вологжанъ, почти не требовавшее никакихъ затратъ. Забота о питаніи у мѣстныхъ обывателей хотя была и не единственной, но одной изъ главныхъ. Всякіе праздники, именины и пр. всегда сопровождались усиленнымъ истребленіемъ различныхъ яствъ и питей, хотя и не замысловатыхъ, но подаваемыхъ въ изобиліи.

О наружности Вологды я уже говорилъ довольно подробно въ предыдущемъ очеркѣ. Добавлю только, что въ зимнее время городъ освѣщался весьма рѣдкими фонарями съ керосиновыми лампами, но далеко не всюду. Освѣщеніе окраинъ города, гдѣ въ распутицу можно было утонуть въ грязи, предоставлялось на долю луны, которая, однако, очень неаккуратно выполняла это своеобразное назначеніе. Вслѣдствіе этого съ наступленіемъ темныхъ осеннихъ ночей по всѣмъ укромнымъ мѣстамъ города шли грабежи прохожихъ разными любителями чужой собственности, тѣмъ болѣе,



Л. Д. Александровъ.

что полиція была убогая и весьма немногочисленная и рассчитывать на ея содѣйствіе было довольно безнадежнымъ дѣломъ. Я лично въ дѣтствѣ не разъ слышалъ въ глухіе осенніе вечера раздирающіе душу крики: „караулъ, грабятъ!“—которые не возбуждали ни особеннаго сочувствія, ни помощи со стороны обывателей.

Вологжане были большими поклонниками драки, въ особенности просто-народье, т.-е. большинство, и очень часто устраивали въ разныхъ частяхъ города кулачные бои. Дрались и взрослые, бородачи, и мелюзга—разные подростки, преимущественно узащеса. Напр., вѣчная (въ родѣ Алой и Бѣлой Розы) война существовала между воспитанниками духовнаго училища и городского (зданія этихъ заведеній были смежны). По большей части сраженіе происходило въ тылу рыночной Казанской площади, близъ присутственныхъ мѣсть, въ глухомъ переулкѣ. Дрались и мелкими партіями и большими отрядами, угощая другъ друга кулаками или бомбардируя палками, камнями или комями грязи, которая имѣлась всегда подъ рукой въ изобилии. „Духовники“ изстари питали сильнѣйшій антагонизмъ къ „городскимъ“, послѣдніе оплачивали имъ тою же монетою. Начальство этихъ заведеній смотрѣло сквозь пальцы на воинственные наклонности своихъ питомцевъ и даже иногда исподтишка слѣдило за исходомъ боя, вспоминая свою юность: вѣдь большинство ихъ было питомцами той бурсы, которую такъ неподражаемо описалъ Помяловскій!

Мѣщане и ремесленники устраивали бои на рѣкѣ Вологдѣ, гдѣ и сходились] стѣнка на стѣнку (преимущественно на масляной недѣлѣ въ періодъ усиленнаго катанья съ горъ, кои, по заведенному обычаю, устраивались въ разныхъ пунктахъ города). Мелкія стычки происходили постоянно и лѣтомъ на всѣхъ площадяхъ (Сѣнной, Смекаловской биржѣ, Зеленомъ лугу и пр.), гдѣ въ праздничные дни шла оживленная игра въ бабки, городки и пр. Обыкновенно бой начинали подростки, затѣмъ приставали взрослые и, наконецъ, выступали бородачи въ качествѣ главныхъ силъ. Иногда роль ручныхъ гранатъ играли тухлыя яйца, которыя заускались въ физиономію врага, дабы на время вывести его изъ строя. Враждебныя отношенія всегда были между гимназіей и реальнымъ училищемъ, при чемъ стычки между той и другой стороной происходили на илацъ-парадѣ, по окончаніи ученья.

Къ сожалѣнію, я долженъ констатировать тотъ фактъ, что кулачная расправа царила и въ семейномъ быту средняго и низшаго класса вологжанъ. Положеніе женщины въ семьѣ оставляло желать очень и очень многого.

Характерной чертой вологжанъ, въ особенности простого народа, являлось своеобразное понятіе о чужой собственности. Мелкое воровство было

сильно развито и не считалось вовсе за порокъ, такъ какъ направлено было исключительно на съѣдобное. Украсть и не попасться—считалось своего рода геройствомъ.

Подростки группировались въ цѣлыя шайки и оперировали большею частью по вечерамъ и ночамъ, во второй періодъ лѣта, когда поспѣвали яблоки, ягоды и разныя огородныя овощи—огурцы, брюква, морковь, тыква. Все награбленное, конечно, тутъ же и съѣдалось. Эти шайки, среди конхъ дѣятельное участіе принимали и великовозрастные, подъ покровомъ темныхъ вечеровъ и ночей (а также и днемъ, гдѣ удобно было) энергично обревизовывали городскіе сады и огороды, производя порядочное опустошеніе.

Наибольшей симпатіей маленькихъ экспроприаторовъ пользовались фруктовый садъ откущика Ръзанова (у Кирилла Чудотворца), славившійся крупными яблоками, и магарцовскіе огороды (близъ вокзала). Кромѣ указанныхъ мѣстъ, крали рѣшительно всюду: дома, у свонхъ матерей, у торговкохъ на базарѣ, въ лавкахъ, на ярмаркѣ. Дерзость похитителей простиралась и за предѣлы города, на близлежація усадьбы— Ковырино, Осаново и др., а также и на подгороднія деревни, гдѣ воровали рѣпу и горохъ. Воровство было маніей. Происходило все это, конечно, оттого, что родители не обращали никакого вниманія на воспитаніе дѣтей, предоставляя имъ полнѣйшую свободу въ выборѣ удовольствій, вслѣдствіе чего среди юнцовъ была сильно развита уличная жизнь со всѣми ея прелестями. Не чувствуя надъ собою родительской опеки, дѣти круглый годъ проводили подъ открытымъ небомъ и въ лѣтнее время по цѣлымъ днямъ странствовали за городомъ, что имѣло и свои хорошія стороны: развивалась наблюдательность, любовь къ природѣ и закалялись здоровье и характеръ. Только въ аристократической средѣ дѣти находились подъ постояннымъ надзоромъ. Что касается уличной жизни въ смыслѣ движенія, то таковая была мало развита и шла вяло и монотонно; недаромъ многие пріѣзжіе называли Вологду соннымъ городомъ. И правда, еще на центральныхъ улицахъ, въ родѣ Кирилловской или Московской, въ извѣстные часы можно было наблюдать нѣкоторые признаки движенія и жизни, но въ большей части города господствовала тишина, въ особенности зимою въ трескучіе морозы, когда обыватели одновременно съ курами укладывались спать. Только лѣтомъ по вечерамъ царило оживленіе на бульварѣ да по набережной, куда стекалась публика ради развлеченія. Излишне добавлять, что рынокъ также надо отнести къ самымъ оживленнымъ пунктамъ города. Въ описываемое время на рынокѣ можно было узнать отъ дошлыхъ людей рѣшительно всѣ городскія новости, начиная отъ новой шляпки у какой-нибудь Маланьи Сидоровны и кончая назначеніемъ другого губернатора. Въ этомъ отношеніи рынокъ вполне можно было приравнять къ клубу.

Въ музыкальномъ отношеніи вологжане не были избалованы; въ то время господствовалъ единственный инструментъ—шарманка, заунывные звуки которой въ лѣтнюю пору неслись отовсюду, наговняя невыносимую тоску на довольно пустынные и безъ того унылыя улицы. Въ этихъ щемящихъ сердце, но нелишенныхъ нѣкоторой мелодіи звукахъ можно было найти полное отраженіе скудной впечатлѣніями и до одури однообразной жизни въ Вологдѣ въ описываемое время...

Нелишнее будетъ упомянуть и о предрержащихъ властяхъ въ Вологдѣ въ то время. Во главѣ губерніи стоялъ губернаторъ, военный генералъ, Станиславъ Ѡаддеевичъ Хоминскій. Это былъ старикъ довольно высокаго роста, почтенной наружности, часто разгуливавшій по улицамъ города въ сопровожденіи своего ливрейнаго гайдука. Какъ администраторъ, Хоминскій былъ безусловно симпатичной личностью: простой въ обращеніи и для всѣхъ доступенъ, избѣгалъ всякихъ китайскихъ церемоній, а главное, былъ очень добродушенъ и отчасти оригиналенъ. Обыватели его любили и всегда съ привѣтливой улыбкой слѣдили за нимъ, когда онъ совершалъ свои ежедневныя прогулки. Добродушіе его доказывается слѣдующимъ пустячнымъ случаемъ. Во время одной изъ экскурсій по городу губернаторъ, идя по деревяннымъ мосткамъ, провалился одной ногой въ дыру. Случись это съ другимъ,—тотъ поднялъ бы тутъ такую пыль, что Боже упаси! Досталось бы на орѣхи и полпціи за недосмотръ, да и домовладѣлецъ, конечно, былъ бы оштрафованъ изрядно за небрежное содержаніе панели, а, главное, крику-то что было бы! Хоминскій же не обратилъ на это обстоятельство никакого вниманія, освободилъ застрявшую ногу и лишь спросилъ своего гайдука:

— А что, Семенъ, шпора цѣла?

— Цѣла, ваше п-во!

— Ну, слава Богу!—добродушно проговорилъ губернаторъ и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ свой путь.

Отзывчивость и оригинальность Хоминскаго проявлялась довольно часто. Напримѣръ, однажды, возвращаясь изъ Петербурга, онъ встрѣтилъ на станціи Пречистое (гдѣ скрещивались вологодскій и ярославскій поѣзда) перваго въ Вологдѣ портного Ордина (который всегда на него работалъ), ѣхавшаго въ Москву. Увидавъ знакомаго, Хоминскій не преминулъ поговорить съ нимъ и на прощанье спросилъ Ордина, не надо ли что передать его женѣ, оставшейся дома. Ординъ, принимая за шутку слова губернатора, попросилъ его передать своей женѣ поклонъ. Поѣзда тронулись въ разныя стороны. Приѣхавъ вечеромъ въ Вологду, Хоминскій прямо съ вокзала прослѣдовалъ въ домъ Ордина, гдѣ магазинъ и мастерская уже были заперты, долго стучалъ въ калитку, встревожилъ всѣхъ, когда

узнали, что у воротъ самъ губернаторъ, но все-таки добился увидѣть жену Ордина и передалъ ей поклонъ отъ мужа.

Ординъ долго помнилъ этотъ случай и съ умиленіемъ рассказывалъ всѣмъ о такомъ вниманіи къ нему самого губернатора...

Военный элементъ составляли офицеры квартировавшаго въ Вологдѣ гарнизоннаго баталіона. Между ними также было не мало типичныхъ представителей добраго стараго времени. Въ особенности обращалъ невольна на себя вниманіе всѣхъ и каждаго майоръ Р., человекъ еще не очень старій, но обладавшій чрезвычайно полной фигурой. Онъ настолько былъ толстъ и неворотливъ, что уже не могъ ходить пѣшкомъ, а всегда ѣздилъ на дрожкахъ въ сопровожденіи двухъ своихъ денщиковъ, которые ухаживали за нимъ какъ няньки. Интересно было наблюдать за нимъ, когда онъ, поддерживаемый подъ руки денщиками, усаживался въ экипажъ, возбуждая насмѣшливыя улыбки прохожихъ...

А сколько оригиналовъ, начиная съ наружности и кончая допотопными взглядами, водилось среди мелкихъ и средней руки чиновниковъ, заполнявшихъ разныя палаты и канцеляріи!..

Л. Александровъ.





## КАРОЛИНА КАРЛОВНА ПАВЛОВА.

Въ 1893 году въ Саксоніи, въ мѣстечкѣ Хостервицъ, близъ Пильницы, на 86 году жизни скончалась извѣстная въ свое время поэтесса Каролина Карловна Павлова, рожденная Янишъ. Вслѣдствіе семейныхъ неприятностей покинувъ Россію еще въ 1861 году, покойная избрала мѣстомъ своего добровольнаго изгнанія сначала Дрезденъ, а потомъ помянутый Хостервицъ, гдѣ прожила въ одиночествѣ слишкомъ тридцать лѣтъ, за все это время лишь разъ посѣтивъ горячо любимую родину. Современница Пушкина, близкій другъ Мицкевича и Языкова, К. К. Павлова своими произведениями еще въ то время сумѣла обратить на себя общее вниманіе истинныхъ любителей поэзіи. Знаменитый А. А. Фетъ, тогда еще только-что начинавшій свою литературную карьеру, читалъ свои произведенія Каролинѣ Карловнѣ и былъ счастливъ, когда она ихъ хвалила. Языковъ, восхищавшійся ея талантомъ, предрекалъ ей безсмертіе. Въ стихотвореніи, посвященномъ К. К. Павловой и найденномъ въ бумагахъ поэта уже послѣ его смерти, онъ, обращаясь къ ней, между прочимъ говорилъ:

Много вамъ тоски и муки,  
Дай лишь Богъ вамъ долго жить:  
Міръ умнѣетъ, наши внуки  
Будутъ васъ боготворить.

Съ тѣхъ поръ какъ были написаны эти строки, прошло много, много лѣтъ. Волею Провидѣнія К. К. Павлова пере-

жила не только своихъ гениальныхъ друзей, но и ученика. Одинъ за другимъ отходили въ вѣчность Пушкинъ, Языковъ, Лермонтовъ, Баратынскій, гр. Алексѣй Толстой, А. А. Фетъ, а она жила, и пророчество поэта не сбывалось: внуки не только не боготворили ее, но и не знали ея имени. Почти всѣми забытая, жила она въ своемъ заграничномъ уединеніи, не переставая служить поэзіи, которую справедливо считала своимъ призваніемъ.

Праздникомъ, цѣлымъ радостнымъ событіемъ было для нея появленіе въ ея домѣ кого-либо изъ дорогой Россіи, которую она не переставала любить всѣми силами своей души. Эту радость любилъ доставлять маститой писательницѣ графъ Алексѣй Толстой, который, бывая за границей, считалъ какъ бы своимъ долгомъ заѣхать въ Хостервицъ. Съ А. К. Толстымъ К. К. Павлова до самой его смерти поддерживала переписку. 2-го декабря 1893 года она тихо скончалась, завѣщая своимъ близкимъ во имя поэзии сдѣлать все, чтобы написанное ею не пропало. Надо сказать, что забота эта посѣтила ее лишь незадолго до смерти,



Каролина Карловна Павлова.

чѣмъ, конечно, и объясняется то непонятное и незаслуженное забвеніе, которое отмѣтилъ еще И. С. Аксаковъ въ некрологѣ И. Н. Павлова (*Русь*), назвавшій его мать, К. К. Павлову, высокоталантливымъ и незаслуженно забытымъ поэтомъ. Да, если К. К. Павлова и забыта, то, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что во всю свою долгую жизнь ровно ничего не предпринимала, чтобы сохранить свои стихи для потомства. Она это прекрасно понимала и потому отнюдь не сѣтовала на

невнимательность къ ней русской публики, которая праздновала юбилей своихъ позднѣйшихъ поэтовъ и совѣмъ забывала о той, лира которой звучала еще въ славномъ хорѣ пушкинской плеяды пѣвцовъ и которая въ годъ смерти могла бы справить, пожалуй, семидесятилѣтній юбилей своего служенія русской поэзии. Она отлично понимала, что стихотворенія, напечатанныя много лѣтъ назадъ въ журналахъ, которыхъ теперь никто не читаетъ, не могутъ быть извѣстны публикѣ, слѣдовательно, не могутъ напоминать о ней, и охотно мирилась съ этимъ, находя въ самомъ творчествѣ высшую для себя награду. Только въ 1891 году, за два года до смерти, у К. К. Павловой явилась мысль издать полное собраніе своихъ стихотвореній. Вотъ что писала она по этому поводу одному изъ своихъ московскихъ друзей: „Я, которая всегда такъ мало заботилась о судьбѣ моихъ стиховъ и могла вполне сказать: „*Ich singe, wie der Vogel singt, der in den Zweigen wohnt*“, я теперь, видя такъ близко передъ собой конецъ жизни, стала думать о томъ, что лучшее, что мнѣ удалось написать, было когда-то напечатано только въ журналахъ, которые просмотрѣть никому теперь не приходитъ на умъ, что иное даже едва ли не осталось въ рукописи; меня заняла мысль составить полное собраніе моихъ стиховъ“.

Этихъ строкъ, думаю, вполне достаточно, чтобы показать, какъ безконечно чужда была К. К. Павлова всякой авторской гордости. Не ради похвалъ и запоздалой славы заботится она 84 лѣтъ отъ роду о судьбѣ своихъ стиховъ: она молить сберечь ихъ *во имя поэзии*, той истинной поэзии, которой она такъ долго и такъ славно служила.

Впрочемъ, это отнюдь не мѣшало маститой писательницѣ знать цѣну своимъ произведеніямъ. Въ той же перепискѣ по поводу изданія полнаго собранія ея стихотвореній она пишетъ: „Надо прежде всего, чтобы имя мое опять явилось въ печати передъ читающей публикой и напомнило ей, что оно не безъ литературнаго значенія“.

Въ ожиданіи появленія полнаго собранія стихотвореній покойной поэтессы укажемъ на болѣе выдающіяся произведенія ея музы. Вотъ краткій ихъ перечень: *Кадриль* (поэма), *Разговоръ въ Трианонъ*, *Ужинъ Поллона*, *Римскій рабъ*. Изъ переводовъ: *Сцены изъ Эсхилова Прометей*, *Сцена изъ неоконченной трагедіи Шиллера Der falsche Demetrius*, нѣсколько стихотвореній *Шенье*, нигдѣ ненапечатанныя *шотландскія пѣсни Вальтера-Скотта*, *четвертая пѣснь Чайльдъ-Гарольда Байрона* и вся трагедія *Шиллера Wallensteins Tod*. Кромѣ стиховъ на русскомъ языкѣ, К. К. Павлова писала прекрасные стихи на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, которыми владѣла въ совершенствѣ. Знакома русскую публику съ выдающимися произведеніями иностранныхъ поэтовъ, она перевела также

не мало русских стихотворений на французский и немецкий языки. Изъ переводовъ на немецкий безукоризненны переводы нѣсколькихъ стихотворений гр. Алексѣя Толстого, представляющихъ вообще значительную трудность для переводчика по своему оригинальному, образному языку. Это не помѣшало К. К. Павловой мастерски передать звучными немецкими стихами даже такое стихотвореніе, какъ „Спесь“ („Ходить спесь, надувающихся“). Помимо мелкихъ стихотворений гр. Толстого, К. К. Павлова прекрасно перевела его „Смерть Іоанна Грознаго“ и даже ставила ее на Веймарскомъ придворномъ театрѣ.

Въ заключеніе настоящей замѣтки выскажемъ пожеланіе, чтобы полное собраніе сочиненій покойной писательницы, надъ исправленіемъ которыхъ она тщательно трудилась послѣдніе дни своей долгой, быть можетъ, слишкомъ долгой жизни, наконецъ увидѣло свѣтъ.

Д. Павловъ.

## ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ К. К. ПАВЛОВОЙ.\*)

### I.

#### Изъ „Фантасмагоріи“.

Карета катилась быстро по плоской дорогѣ; въ каретѣ кто-то сидѣлъ, задумавшись. Было это ночью, сѣверной майской ночью, которая не темнѣе дня. Можно было все видѣть направо и налево, но смотрѣть было не на что: и съ той и съ другой стороны за гладью — гладь, за полемъ — поле, ни конца, ни смѣны. Петербургъ, и дворцы, и дачи, и парки, и пряткіе экипажи, и шумъ, и возня — пропали позади, безъ слѣда и помину; словно ихъ на свѣтѣ не было. Ширилась болотистая равнина, по которой нѣтъ-нѣтъ торчалъ невзрачными кучками сѣроватый, тощій кустарникъ, и поднимались невысоко горемычныя березки. Больше ничего. Нечему было развлечь мысли; онѣ могли тянуться своимъ порядкомъ, одна за другой, одна за другую цѣпляясь, одна другую погоняя. По этой дорогѣ можно было думать на раздольѣ.

И многое думалось тому, кто сидѣлъ въ каретѣ. Есть, Божьею милостью, каждому, о чемъ призадуматься. Что да

\*) Помѣщаемъ отрывокъ изъ очерка „Фантасмагоріи“, найденнаго въ рукописяхъ К. К. Павловой, и нѣсколько стихотворений.

что ни прошло мимо этого ума, пока скользила мимо глазъ въ безпрестанномъ повтореніи одна и та же картина.

Помыслы неслись впередъ въ чужую даль, неслись назадъ, въ знакомыя мѣста, къ тому, что прошло, къ тому, что будетъ, и опять взвивались и уносились, Богъ вѣсть, куда. Они давно были приучены къ рѣзвой волѣ. Наконецъ стало думаться нѣчто похожее вотъ на что:

Есть же такіе люди, въ которыхъ то, что шевелится въ головѣ, не проситъ формы, не силится проявиться какимъ-нибудь образомъ. Есть такіе, которымъ никогда не хочется взяться ни за перо, ни за кисть, ни за рѣзецъ, а слова только служатъ для объясненія существенныхъ потребностей и для салоннаго разговора. Ужъ Богъ ихъ знаетъ, какъ они со-творены, но есть такіе, и имъ кажется, что такими и слѣдуетъ быть.

А можетъ статья, оно и правда.

Въ самомъ дѣлѣ, что за странный человѣкъ нашъ братъ! Глядитъ на ясное небо — дай изображу красками; видитъ бурю — дай расскажу словами; горюетъ — дай выражу звуками. Что за бѣдственная потребность! Художникъ — вѣдь это чудовище! Ночью загорѣлся городъ, дома валяются, люди гибнуть, — онъ смотритъ съ восхищеніемъ, какъ пламя стоитъ краснымъ столбомъ на черномъ небѣ; онъ бѣжитъ не спасать людей, а принести краски и кисти. Онъ слышитъ вопли — и шепчетъ стихи. Ей - Богу, страшно подумать! Гѣте получаетъ письмо съ черной печатью и оставляетъ нераспечатаннымъ на своемъ столѣ, потому что полагаетъ, что это извѣстіе о смерти сына, а онъ хочетъ теперь быть спокоенъ духомъ, чтобы дописать Ифигенію въ Тавриду. Тальма узнаетъ о неожиданной, смерти отца и вскрикиваетъ — и въ ту же минуту думаетъ: вотъ какъ вскрикиваютъ въ ужасѣ, вотъ какъ надо мнѣ вскрикнуть на сценѣ. Умирающій Брюловъ проходитъ мимо зеркала, останавливается и говоритъ: „Какое у меня сдѣлалось эффектное лицо. Дайте краски!“ — И пишетъ съ себя лучшую свою картину, всматриваясь и любуясь выраженіемъ предсмертнаго своего страданія. Что это такое? Всякую другую страсть, всякое увлеченіе можно объяснить: это — нѣтъ. Игрокъ хочетъ денегъ; завоеватель — власти и славы; ученый, наконецъ, ищетъ полезнаго открытія. Художникъ не ищетъ никакой выгоды, даже и славы не ищетъ; работалъ, не спалъ по ночамъ, напрягалъ всѣ силы, изнурялся, далъ форму своей мысли — и доволенъ; цѣль достигнута. Какая цѣль? Что вышло изъ этой траты покоя и жизни? Одной сказкой стало больше на свѣтѣ, гдѣ ихъ такъ много.

Но иногда беретъ насъ еще особый недугъ, похожій на гидрофобію собакъ: беретъ чернилобоязнь. Такъ тебя и мучить написать, такъ и тянетъ къ письменному столу; подой-

дешь — и отшатнешься. Страшно становится облить свое свѣжее чувство этой черной, пошлой влагой. Перо смотреть грозно, чистая, дѣвственная бумага словно говоритъ: не тронь меня! не смѣй! А мысль бьется въ головѣ, какъ жаворонокъ въ клѣткѣ. Мусульманское повѣрье запрещаетъ рисовать человѣческое подобіе; они говорятъ, что въ наказаніе за эту пародію божественнаго творчества этотъ образъ будетъ преслѣдовать своего создателя, требуя себѣ души. Тутъ наоборотъ — идея преслѣдуетъ поэта и пристаётъ къ нему: дай мнѣ воплощеніе, дай мнѣ образъ.

Какой? Гдѣ матеріаль, еще не истощенный? Гдѣ слова и формы, уже не изношенныя давно?..

А между тѣмъ вѣдь они найдутся... Ужели этому не будетъ конца? Ужели всегда будутъ находиться новыя выраженія чувству? другія облаченія фантази?

Карета остановилась. Что такое? — Станція. Пововились вокругъ лошадей, перепрягли. — Ступай! Свѣжая упряжка помчала вольной рысью. Продолжается поле, продолжаютъ думы.

И о чемъ я себя спрашиваю теперь? Не бороться ли мнѣ съ этой надобностью высказываться? Не рѣшиться ли напередъ, начиная путь, держать на привязи свою поблажку? Итти молчаливо мимо всѣхъ дивныхъ проявленій? Какъ подумаешь: сколько одной и той же дорогой прошло путешественниковъ! Сколько разсказалось тѣхъ же путешествій! Что можетъ разсказать тотъ, кто тутъ же проходитъ тысячнымъ, десятитысячнымъ посѣтителемъ?

И какіе еще люди прошли до него! Какіе голоса говорили! Господи, положи храненіе устамъ моимъ!

А пѣть все-таки можно. И пошлыхъ предметовъ нѣтъ. Это вздоръ.

Помню, говорили разъ при великомъ поэтѣ, что одинъ господинъ написалъ стихотвореніе: „Лотосъ“. — Что ему дался Лотосъ? — отвѣчалъ поэтъ. — Если онъ не сумѣлъ сказать ничего новаго о розѣ, то не сказалъ ничего новаго и о Лотосѣ. — Это такъ.

Да и форма. Если бы и существовала въ поэзи только одна форма, что за нужда? Въ одинъ и тотъ же стаканъ можно лить всевозможныя вина. Когда требуютъ чаю, спрашиваютъ, крѣпокъ и душистъ ли чай, а не оригинальна ли чашка.

А выдохшійся чай не становится лучше въ чашкѣ совсѣмъ новой формы.

Да, можетъ писать тотъ, кто можетъ.

А что ни говори, бѣдовое дѣло.

Затрепещетъ душа, заблещетъ мысль, и кровь закипитъ; и шепчутся слова, сливаясь въ стихи. Это пиръ Фантази, ея рѣзвая потѣха, ея радостная воля.

И пѣснь стоитъ строками на бумагѣ.

Тутъ уже какая-то утрата свободы.

Фантазія-дикарка приубрана и выведена напоказъ. О ней говорятъ и разсуждаютъ. Про нея освѣдомляются, какъ про невѣсту. Недалеко до урочнаго часа.

И бьетъ онъ ей. Въ типографіи совершается роковой обрядъ, и бѣдняжка выходитъ оттуда уже рабой. Отдали ее, отважную Шехеразаду, за грознаго повелителя; блажной шахъ-публика удостоилъ ее выбора, и она должна забавлять его своею сказкой, если хочетъ остаться въ живыхъ. И шахъ уже состарился, сталъ угрюмѣе и неудобозабавляемѣе прежняго. Бывало, онъ слушалъ розсказни, развѣсивъ уши; теперь у него не то въ головѣ: онъ думаетъ, какъ бы затѣять выгодную спекуляцію и удвоить свои доходы. Нелегко развлечь его прибаутками. Того и гляди, что онъ зѣвнетъ, что-то проворчитъ, отвернется и заснетъ, — и тогда разсказчица погибла.

Бѣдовое дѣло! А вѣдь не устоишь...

Уснемъ-ка и мы покуда.

Заснулось крѣпко. Много верстовыхъ столбовъ промелькнуло, дорога сдѣлалась гористой. Вдругъ послышался шумъ, крики нѣсколькихъ голосовъ, такая возня, что нельзя было не проснуться. Карета стояла опять у станціоннаго дома, и около кареты стояли двѣ-три жалкія, грязныя, неуклюжія фигуры и голосили между собой. — Что это? Перекладываютъ?

Первые нерусскіе звуки.

Свѣтло было на небѣ, солнце всходило.

— Съ Богомъ! Далѣе!

Далѣе понеслась карета съ тѣмъ, кто въ ней сидѣлъ.

Надо прибавить, что это была женщина...

---

## II.

### Стихотворенія.

Въ думѣ смотрю я на бѣгъ корабля:  
 Спитъ экипажъ, лишь матросъ у руля  
 Стоитъ недвижимо;  
 Море чернѣетъ таинственной тьмой;  
 Тихо шепнувъ мнѣ, струя за струей  
 Проносится мимо.  
 Тихо шепнувъ: потерпи, подожди!  
 Встрѣтитъ успѣешь, что ждетъ впереди  
 У брега чужого!

Цѣли достигнешь, къ землѣ доплывешь,  
 Всѣхъ ожиданій всегдашнюю ложь  
 Извѣдаешь снова!  
 Даромъ спѣшишь ты надъ бездною водъ  
 Мыслью туда! Отъ тебя не уйдетъ  
 Обманъ и потеря!  
 Тихо шепнувъ, за струею струя  
 Мимо несется, и слушаю я,  
 Ихъ рѣчи не вѣря.

Грустно вѣтеръ вѣетъ,  
 Небосклонъ чернѣетъ,  
 И луна не смѣетъ  
 Выглянуть изъ тучъ;  
 И сижу одна я:  
 Мгла кругомъ густая,  
 И не утихая  
 Дождь шумить какъ ключъ.  
 На душѣ уныло:  
 Онѣмѣла сила,  
 Грудь тоска стѣснила,  
 И сдается мнѣ,  
 Будто все напрасно,  
 Что мы просимъ страстно,  
 Что мелькая ясно,  
 Манить насъ во снѣ!  
 Будто средь волненій  
 Буйныхъ поколѣній  
 Чистыхъ убѣжденій  
 Не созрѣетъ плодъ!  
 Будто все святое  
 Въ сердце молодое  
 Какъ на дно морское  
 Даромъ упадетъ!

\* \*

Глядитъ эта тѣнь, поднимаясь вдали,  
 Глазами въ глаза мнѣ уныло.  
 Призвали его изъ родной мы земли,  
 Но долго заняться мы имъ не могли:  
 Намъ некогда было!

Вносились изъ сердца его полноты  
 Напѣвы, какъ дымъ изъ кадила;  
 Мы пѣсни хвалили, но съ юной мечты  
 Снять узы недуга и гнетъ нищеты  
 Намъ некогда было!

Вели мы бесѣду, о томъ говоря,  
 Что чувствъ христіанскихъ свѣтило  
 Восходитъ, что блещетъ святая заря;  
 Возиться съ тоской и нуждой дикаря  
 Намъ некогда было!

Стоялъ той порой онъ въ своемъ чердакѣ,  
 Души разбивалася сила.  
 Стоялъ онъ, безумный, съ веревкой въ рукѣ;  
 Въ тотъ вечеръ спросить о больномъ бѣднякѣ  
 Намъ некогда было!

Стонъ тяжкій пронесся во мракѣ nocturno.  
 Есть грѣшная гдѣ-то могила,  
 Вдали отъ кладбища, на мѣстѣ какомъ,  
 Не знаю доселѣ, провѣдать о томъ  
 Намъ некогда было!

\* \* \*

Я снова здѣсь, подъ сѣнью крова,  
 Гдѣ знала столько тихихъ грезъ,  
 И шопотъ слушаю я снова  
 Знакомыхъ кедровъ и березъ;  
 И какъ прошедшею весною,  
 Несутся вновь издалека  
 Надъ ихъ зыбучей головою  
 За облаками облака.  
 И вы опять несетесь мимо,  
 О, тѣни лучшихъ сновъ моихъ!  
 Опять въ уста неотразимо  
 Играющій ложится стихъ;  
 Опять утихнувшихъ волненій  
 Струя живая бьетъ въ груди,  
 И много думъ и вдохновеній  
 И много пѣсенъ впереди!

Пойду ли смѣло  
 Куда мнѣ Богъ судилъ итти?  
 Увы! окрестность опустѣла;  
 Отзвѣвы смолкли на пути!  
 Не во-время стиховъ причуда;  
 Исчезъ поэтовъ хороводъ,  
 И вѣтеръ русскій ниоткуда  
 Отрадныхъ звуковъ не несетъ!

Н. Павлова.





## Принцип индивидуализма на фонѣ матеріалистическаго міросозерцанія.

**Т. Ардовъ** (*В. Тардовъ*). **Отраженіе личности.** *Критическіе опыты.* К-во „Сфинксъ“. 1909 г.

Объектомъ ряда статей въ видѣ критическихъ опытовъ, носящихъ общее заглавіе „Отраженіе личности“, являются нѣкоторые моменты въ современной литературѣ, которые, далеко не исчерпывая все ея содержаніе, тѣмъ или другимъ обратили на себя вниманіе автора. Среди безчисленнаго множества явленій общественной жизни, этого безостановочнаго процесса накопленія пѣнностей, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера, видное мѣсто занимаетъ и область художественнаго творчества. Индивидуальное сознаніе быстрѣ всего схватываетъ тѣ явленія, которыя представляютъ собой нѣчто однородное съ самымъ его содержаніемъ, въ смыслѣ прямого подтвержденія или отрицанія того, что извѣстно подъ именемъ „міросозерцанія“, представляя собою продуктъ индивидуальнаго творчества личности. Правда, пытливый умъ человѣка не останавливается только на явленіяхъ однородныхъ, гармонирующихъ съ тѣмъ, какъ до сихъ поръ онъ понималъ міръ и въ немъ себя самого. Онъ обращается и къ другимъ явленіямъ, смыслъ которыхъ не представляетъ однородности съ его собственнымъ содержаніемъ. Эти-то послѣднія онъ и стремится расположить такимъ образомъ, чтобы и они явились вкладомъ въ его умственный запасъ, дополнили его собственное содержаніе и послужили къ дальнѣйшему расширенію и усовершенствованію его міросозерцанія. Въ связи съ самонаблю-

деніемъ и объясненіемъ своихъ внутреннихъ переживаній, этотъ процессъ составляетъ непрерывную работу интеллекта.

Вотъ почему нѣтъ возможности разсматривать оцѣнку явленія внѣ ея связи съ общимъ міросозерцаніемъ субъекта оцѣнки, передающаго его смыслъ далеко не такимъ, какой онъ имѣетъ въ дѣйствительности или какимъ онъ представляется сознанію другихъ субъектовъ; это подобно тому, какъ въ мірѣ физическихъ явленій заполненная среда, хотя и пропускаетъ лучи свѣта, но непремѣнно преломля ихъ подѣ известнымъ, ей одной свойственнымъ угломъ. И, если бы авторъ разсматриваемыхъ статей обошелъ молчаніемъ тѣ основанія, на которыя опирается онъ въ своихъ сужденіяхъ то и въ этомъ случаѣ намъ пришлось бы обратить вниманіе на эти основанія постольку, поскольку критика его представляетъ единство сужденій и положеній.

Начало и развитіе видимаго нами міра авторъ объясняетъ гипотезой движенія вѣчной матеріи въ безконечныхъ пространствахъ вселенной. Я намѣренно подчеркиваю терминъ „гипотезы“, ибо матеріалистическое представленіе о началѣ міра не только не сошло съ гипотетической почвы, пріобрѣтя болѣе прочный характеръ теоріи, но и самая гипотеза съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе оказывается способной устоять и сохранить свое значеніе при развивающейся теоріи познанія. И иначе быть не можетъ. Достаточно припомнѣться къ самому процессу познанія вѣшняго міра въ его самыхъ элементарныхъ проявленіяхъ, чтобы увидѣть полнѣйшую невозможность въ основу мірозданія полагать матеріалистическое начало: при всемъ желаніи мы не можемъ доказать, что міръ таковъ и въ дѣйствительности, какимъ кажется онъ намъ, что ноуменальная его природа въ смыслѣ „вещи въ себѣ“ соответствуетъ феноменальнымъ представленіямъ о немъ познающаго интеллекта. Если однимъ элементомъ въ образованіи нашихъ инопягій о вѣшнемъ мірѣ является область „внѣ—я“, то другимъ еще болѣе существеннымъ должно быть самое познающее „я“, которымъ отражаются и перерабатываются впечатлѣнія, получаемыя со внѣ. Вотъ почему то, что само опредѣляется другимъ началомъ — матерія, не можетъ лечь въ основу того, что ее опредѣляетъ, духовной природы человѣка, которая представляетъ нѣчто самостоятельное, при известныхъ условіяхъ возвышающееся надъ областью физическаго міра. И дѣйствительно, матеріалистическій монизмъ безсиленъ объяснить происхожденіе самой жизни на землѣ, а тѣмъ болѣе совершенно самостоятельное начало разумной природы человѣка. Мало того, матеріалистическое ученіе, которому главнѣйшимъ его апологетомъ — Геккелемъ — былъ присвоенъ чисто формальный терминъ „монизма“, въ дѣйствительности представляетъ собой скрытый дуализмъ, ибо гипотеза одной

матеріи въ сознаниі самихъ представителей этого ученія, очевидно, явилась недостаточной для объясненія эволюціоннаго развитія природы, и они выставили второй его элементъ — „энергію“. Съ другой стороны, внутреннее несовершенство данной гипотезы обнаруживается въ попыткѣ дополнить ее представленіемъ какого-то „Мірового Духа“, котораго человѣкъ является частичнымъ проявленіемъ на ряду съ предметами одушевленнаго и неодушевленнаго міра.

Итакъ, человѣкъ „есть одно изъ проявленій жизни на поверхности нашей планеты“, „обезьяній уродъ“, представляющій новый животный видъ, „хомо“. Въ виду ничтожности его силъ „въ сравненіи съ силами другихъ животныхъ, обладающихъ лучшимъ покровомъ шерсти и болѣе сильными конечностями“, онъ вымеръ бы, „будучи лишень возможности побѣждать въ борьбѣ со средою, если бы въ то же время процессъ эволюціи не направлялся, главнымъ образомъ, на его интеллектъ и недостатокъ въ силѣ не уравновѣшивался бы превосходствомъ въ разумѣ“; иными словами, если бы естественный подборъ — одинъ изъ элементовъ борьбы за существованіе — не создалъ бы породу, способную противостать другимъ. Здѣсь мы сталкиваемся съ ученіемъ, заимствованнымъ у Дарвина, потому у Геккеля, ученіемъ, непосредственно вытекающимъ изъ матеріалистическаго монизма и служащимъ его продолженіемъ. Теоретики происхожденія животныхъ видовъ, въ духѣ Геккеля, обыкновенно пытаются базироваться на данныхъ естествознанія и, подобно же Геккелю, создаютъ новую природу, далеко не совпадающую съ явленіями настоящей. Чтобы внести единство въ собственныя представленія о мірозданіи и положеніи въ немъ человѣка, Геккель воспользовался сомнительными приемами научнаго изслѣдованія и логическихъ доказательствъ, допустивъ даже подлогъ въ видѣ извѣстнаго факта „трехъ клише“ \*). Эволюція животныхъ видовъ, въ результатѣ которой явился человѣкъ, совершенно отрицается наличностью ничѣмъ незаполненной и незаполняемой пропасти между высшимъ животнымъ — обезьяной — и человѣкомъ. Въ данномъ случаѣ стоитъ лишь обратить вниманіе на строеніе и величину мозга, который въ нѣсколько разъ больше у человѣка, на строеніе костей черепа, конечностей и др., несоразмѣримую разницу психической конструкціи. Правда, была попытка заполнить это пространство, для чего выдвинуто было голословное предположеніе существованія вымершаго промежуточнаго между обезьяной и человѣкомъ вида, чего до сихъ поръ доказать нѣтъ возможности, ибо нѣтъ для того реальныхъ

\*) Въ журнальной статьѣ нѣтъ возможности подробно коснуться этого интереснаго факта, поколебавшаго главнѣйшій пунктъ доказательствъ даннаго ученія. Интересующимся можно указать на книгу д-ра Денверта, „Геккель и его мировыя загадки“. Москва, 1909 г.

основани. Такимъ образомъ и данное положеніе о происхожденіи видовъ также покоится на вѣрѣ, какъ предыдущее — о матеріалистическомъ началѣ мірозданія.

Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ положеній вытекаетъ взглядъ автора на процессъ исторіи человѣчества, какъ на борьбу за существованіе, борьбу животнаго вида, именуемаго „человѣкомъ“, съ окружающей средой въ нѣсляхъ самосохраненія. Въ этомъ общемъ процесѣ борьбы намѣчаются два параллельныхъ развитія: съ одной стороны, обособленія своего „я“ отъ внѣшней природы, съ другой—накопленіе силъ для борьбы съ нею.

Первоначально человѣкъ слить съ міромъ, съ природой, что авторъ связываетъ съ индивидуализмомъ его существованія, ибо „дикарь человѣкъ цѣлень“, онъ — „святой звѣрь“, и у него одна мораль: дурно то, что мнѣ вредно, потому что я—это все. „Индивидуализмъ звѣря“. Но фактически происходятъ разобщеніе съ природой... Въ видахъ самосохраненія человѣкъ привлекаетъ къ себѣ на служеніе и перерабатываетъ одну часть природы, чѣмъ расширяетъ собственную личность и усиливаетъ ее въ борьбѣ съ другою, въ результатѣ чего человѣчество создаетъ новую природу. Вступивши на путь, ведущій къ полной дисгармоніи съ природой, онъ ушелъ отъ нея, чтобы „черезъ много лѣтъ вернуться къ ней богомъ“. Съ этимъ совпадаетъ естественный ростъ коопераціи, возникшей изъ первой ячейки общественности — семьи. Здѣсь впервые начинается функционировать альтруистическое чувство, которое есть лишь неизмѣримо расширенное и видоизмѣненное въ нѣсляхъ развитія рода чувство звѣринаго стада. „Постепенно въ теченіе долгихъ вѣковъ коллективъ, кооперативная дѣятельность котораго долгое время регулируется преобладающимъ родомъ, силою узурпирующимъ власть, вырабатываетъ традицію единообразнаго, условнаго, средняго закона и власти сообразно съ мѣстными условіями“. Личность изъ самодовлѣющей становится служебной, маленькимъ колесомъ огромной машины коопераціи, управляющей ею помимо ея собственной воли. „Первобытный индивидуализмъ исчезаетъ. На смѣну ему приходитъ зависимость человѣка отъ себѣ подобныхъ“. „Личность вся растворена въ культурѣ“. Работая, человѣкъ не видитъ результатовъ этой работы, которые ему самому непосредственно даже не нужны. „Человѣка нѣтъ болѣе, есть человѣчество“. Характернѣйшими чертами нашего времени, несчастіями, представляющими естественный результатъ исторической эволюціи, являются такимъ образомъ: 1) разобщеніе человѣка съ природой; 2) разобщеніе духа съ плотью; 3) поглощеніе индивидуума коллективомъ съ утратою имъ полноты творчества.

Величайшій моментъ—христіанство на окрашенномъ въ подобный цвѣтъ фонѣ міровой исторіи — получаетъ служебное значеніе; къ тому времени,

когда древнія государства отживали свой вѣкъ, личность уже прочно была закрѣпощена кооперацией, и индивидуальный интересъ сталъ постоянною жертвою въ виду интереса общаго. „Прежде была мудрость, которая говорила, что человѣкъ подчиненъ естественнымъ законамъ и что эта жизнь для него—единственная цѣнность“. Но въ жизни явилось страданіе, которое ничѣмъ не оправдывалось. Должна была появиться новая религія, сообщавшая смыслъ этимъ страданіямъ. „Религія смерти пришла на смѣну религіи жизни“, и „иной религіи не могло возникнуть въ эту эпоху рабства и страданій“. Христіанство — это, такъ сказать, продуктъ человѣческаго творчества, созданный даннымъ животнымъ видомъ, инстинктъ самосохраненія, котораго требовало развитіе кооперации; ее надо было сохранить, а поэтому понадобилась мораль, оправдывающая принесеніе частнаго блага въ жертву общему.

Теорія, вытекающая изъ несоответствующихъ, какъ мы видимъ, истинѣ посылокъ о происхожденіи міра и человѣка, сама не можетъ быть истинной. Если бы въ дѣйствительности родъ человѣческій былъ однимъ изъ животныхъ видовъ, пожалуй, можно бы было согласиться съ вышеприведеннымъ представленіемъ историческаго процесса; но дѣйствительность далеко расходится съ нимъ. Обыкновенно вниманіе обращаютъ на внѣшнюю прикладную сторону христіанства, на предписанія христіанской морали, независимо отъ его догматическаго содержанія. Последнее разсматривается, какъ извѣстный вымыселъ, созданіе человѣческой фантазіи, пристегнутое для объясненія происхожденія понадобившихся въ данный моментъ жизни правилъ, регулирующихъ возникшія ранѣе ихъ самихъ условія и отношенія. Но если такъ, то человѣчество на протяженіе почти двухъ тысячъ лѣтъ жило ложью!?!—Христіанство основано на реальномъ фактѣ воскресенія Господа Иисуса Христа, и только эта сила реального факта могла сообщить ему непостигаемую жизнеспособность, которая возникла одновременно съ человѣкомъ и до реализаціи его идеи во времени и пространствѣ властно управляла ветхозавѣтнымъ міромъ. Но чтобы постичь истинную цѣнность и смыслъ того явленія, которое извѣстно подъ этимъ именемъ христіанства, смыслъ, который сливается со смысломъ вселенной и нашего „я“, необходима наличность извѣстныхъ, однородныхъ изслѣдуемой сущности условій. Подобно тому какъ поэтическое произведеніе нѣтъ возможности оцѣнивать при помощи аршина и вѣсовъ, такъ точно и сущность христіанства, которое есть сама жизнь, не постигается иначе, какъ только жизнью, опытомъ, символизировавшимся въ словахъ: „вѣрую, Господи! помоги моему невѣрію!“ Только этимъ путемъ, этимъ способомъ возможно постичь всю реальность основныхъ фактовъ страданія и воскресенія Христа-Господа, узнать Его, слиться съ Нимъ воедино и узнать,

что жизнь и что смерть. Путемъ этимъ шли великіе подвижники, опытомъ познавшіе глубины человѣческаго духа, законы высочайшихъ его проявленій; имъ шли и великіе мыслители, опытомъ же постигшіе природу Божества. Что законъ откровения истиненъ и соотвѣтствуетъ природѣ вещей, доказываетъ тотъ рядъ фактовъ, что духъ, достигшій высшаго совершенства и на землѣ еще вступившій въ область вѣчной жизни посредствомъ сліянія съ Богомъ, шелъ впереди научнаго изслѣдованія въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно понимается. Развѣ не считаютъ современные англійскіе ученые Моисея величайшимъ геологомъ міра!?

Безъ сомнѣнія, если человѣкъ въ самомъ себѣ реально ощутитъ только низменную сторону своей природы и въ ней увидитъ свое сродство съ животнымъ міромъ (просмотрѣвши то, что въ ней есть особенное, выдѣляющее его изъ среды другихъ живыхъ существъ, и заглушивши въ себѣ эти тиняческія черты, возвышающія его надъ ними), повторяю, если онъ искусственно выработаетъ въ себѣ эту точку зрѣнія и на ея основаніи будетъ оцѣнивать явленія социально-исторической жизни, къ другимъ представленіямъ кромѣ общей борьбы за существованіе онъ и придти не можетъ, тѣмъ болѣе что въ отношеніи человѣка это даже вѣрно постольку, поскольку онъ—плоть отъ плоти и кровь отъ крови. Но не плоть и кровь исчерпываютъ его сущность.

Всеобщее закрѣпленіе личности обществу, по мнѣнію автора, въ общей системѣ явленій социально-историческаго развитія есть неизбѣжный этапъ его и, какъ таковой, условно приобретаетъ положительную цѣнность, будучи направленъ къ сохраненію вида человѣка въ его борьбѣ со средой. Но это взаимоотношеніе общества и личности—временно, и вся эволюція социальныхъ отношеній направлена (?) къ признанію самостоятельнаго значенія себѣ-довлѣющей личности, полного торжества индивидуализма, которое послѣдуетъ въ сліяніи человѣка съ природой, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, плоти съ духомъ, другими словами, когда человѣкъ снова заживетъ животною жизнью. Положеніе это высказывается безъ всякихъ доказательствъ того, что человѣчество дѣйствительно стремится къ вышеозначенной цѣли: мостомъ, которымъ оно перейдетъ отъ современнаго своего состоянія къ блаженному индивидуализму, является социалистическій строй. Здѣсь одно вѣрно: если бы человѣчество когда-нибудь постигло такое безуміе, въ которомъ оно оказалось бы способнымъ реализовать „Утопію“ Томаса Мора или „Городъ Солнца“ Кампанеллы (мало отличающіеся отъ социалистическаго идеала общежитія, ибо одинаково бессмысленны и невыполнимы въ жизни),—то оно навѣрное достигло бы полнѣйшей анархіи, очень близко подходящей къ крайнему индивидуализму. Социалистическій строй не имѣетъ реальной почвы. Возможны два типа его практическаго осуществленія: Или

должна послѣдовать всеобщая абсолютная нивелировка, подгоняющая всѣхъ подъ одну мѣрку, установленіемъ „средняго труда“ человѣка и его „среднихъ потребностей“, требующихъ удовлетворенія. Но мы знаемъ, что люди далеко неодинаковы какъ въ отношеніи способностей къ труду, такъ и въ отношеніи потребностей. Или, если послѣднее условіе будетъ принято во вниманіе, явится необходимость установленія такого порядка, при которомъ каждый членъ общезитія обязанъ былъ бы трудиться, сколько могъ, а потребности удовлетворялись бы согласно предъявляемымъ требованіямъ. Но не можетъ быть сомнѣнія, что потребности сразу возросли бы до maximum'a, а способности трудиться сократились до minimum'a, что понизило бы сразу производительность труда въ связи съ чрезмѣрнымъ ростомъ потребления. Въ результатѣ послѣдовалъ бы кризисъ, массовое вымирание вслѣдствіе голода, самоистребленіе человѣчества и т. д., словомъ—полнѣйшая анархія, продолжавшаяся бы до тѣхъ поръ, пока инстинктъ не вызвалъ бы къ жизни болѣе естественнаго и нормальнаго строя.

Впрочемъ, утвержденія о конечной цѣли, соціальной эволюціи и о необходимости соціалистическаго строя, какъ переходной ступени, вполне голословны, и авторъ, касаясь этической проблемы о взаимоотношеніи интересовъ общества и личности, даже не пытается такъ или иначе разрѣшить ее, ибо не говоритъ ничего о томъ общественномъ строѣ, который долженъ послѣдовать за соціалистической общиной и воплотить его идеаль индивидуализма.

Стоя на этихъ, приблизительно, основахъ, г-нъ Т. Ардовъ обращается къ литературѣ, которую опредѣляетъ какъ одну изъ функций эволюціи человѣчества, функций, усиливающихъ эту эволюцію и обращающихся въ сторону недостающихъ для нея условій. Поэтому направленіе, принятое по преимуществу современной литературой до стиля извѣстнаго подъ именемъ „decadence“—включительно, отмѣчено стремленіемъ къ индивидуализму, чѣмъ отличаются и всѣ увлеченія поэтовъ-декадентовъ, стремившихся выйти изъ области сѣренькой обыденщины.

На это можно сказать только одно: если индивидуализмъ отождествляется авторомъ разсматриваемыхъ статей съ озвѣрѣніемъ человѣка, то стиль „decadence“, несомнѣнно, большой шагъ къ нему...

О. Иванова.





## КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. **А. Купринъ.**—**Разказы.**—*Московское книгоиздательство.*—*Москва, 1910 г.*

Передъ нами три тома сочиненій А. Куприна, прекрасно изданныхъ Московскимъ книгоиздательствомъ. Первый и третій томы заняты небольшими разказами и повѣстями, второй содержитъ въ себѣ крупное произведеніе—«Поединокъ»—и одинъ маленькій разказъ—«Съ улицы». «Поединокъ»—не только самая большая вещь по величинѣ, но также и самая значительная по содержанию. Именно благодаря «Поединку» имя Куприна пользуется широкою извѣстностью. Въ этомъ произведеніи съ достаточною яркостью очерченъ военный бытъ и выведена масса типовъ изъ военной среды. Но слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что типы эти принадлежатъ уже прошлому, ибо современный обликъ офицерства сильно измѣнился и измѣнился къ лучшему. Въ произведеніи есть и другіе «но», къ числу которыхъ относится неестественное побратимство поручика Ромашева съ большимъ (килою) солдатомъ, когда офицеръ ночью слонялся около лагеря. Въ какомъ бы первомъ состояніи ни находился Ромашевъ, этого все равно представить себѣ никакъ невозможно.

Вторую неестественность видимъ въ поступкѣ героини—Саши Николаевой, когда она является на квартиру къ Ромашеву наканунѣ его дуэли съ ея мужемъ. Это идетъ въ разрѣзъ съ общей выдержанностью ея натуры. Строго дѣловитыя и расчетливыя женщины ея склада ума и характера не стануть подвергать себя разнымъ случайностямъ отъ столь рискованнаго поступка. Последній въ духъ женщинъ неуравновѣшенныхъ или горячаго темперамента. Саша же на всемъ протяженіи романа совершенно не

такова. Ея поступокъ, вызванный мгновенной взбалмошностью или любопытствомъ, ни мало не служитъ дополненіемъ въ рисунокъ типа и потому излишенъ. Онъ является въ данномъ случаѣ лишь пикантнымъ эпизодомъ, не болѣе.

Значеніе «Поединка» сводится къ страницѣ исторіи изъ военного быта.

Укажемъ также на повѣсть «Молохъ», какъ на заслуживающую вниманія. Въ ней описывается заводскій бытъ съ его пестрымъ населеніемъ разныхъ служащихъ, инженеровъ и рабочихъ. Здѣсь интересно очерчена самая жизнь и дѣятельность этого рабочаго желѣзнаго городка. На его темномъ фонѣ рельефно обрисовывается крупная фигура главнаго воротилы—Квашнина, который «что захочетъ, то въ правленіи и ворочаетъ». За нимъ идетъ первый инженеръ Бобровъ, не умѣющий ни устроиться въ жизни, ни приладиться къ людямъ. Антиподъ ему—инженеръ Свѣжевской, не брезгающей никакими путями для достиженія своекорыстныхъ цѣлей, и—драматическая энженю—Нина Зенченко, принесшая чистое чувство въ жертву всеильному золотому Молоху.

Видное мѣсто во многихъ своихъ произведеніяхъ Купринъ отводитъ падшей женщинѣ и тому раздраженію ея противъ мужчины, которое, накопляясь, грозитъ разразиться мстительнымъ эксцессомъ. Такой патологической психологіи болѣе мѣсто на страницахъ спеціальнаго медицинскаго сочиненія, а не въ художественномъ произведеніи. Кромѣ того Купринымъ оставлена прежняя хорошая манера ставить черту или точки, когда героевъ авторъ доводитъ до алькова. Новая манера извращаетъ эстетическій вкусъ, а возня съ падшими созданіями въ романахъ надоела и не совѣмъ безвредна. Нечувствительно сглаживаются грани между разными категоріями женщинъ и на порядочныхъ мужчинъ начинаетъ смотрѣть какъ на падшихъ. Вѣдь жизнь отражается въ литературѣ, а литература въ свою очередь сильно влияетъ на жизнь, размножая Печориныхъ, Базаровыхъ, Саниныхъ. Остается пожалѣть, что Купринъ направилъ всѣ силы своего дарованія и весь запасъ своей богатой наблюдательности такъ односторонне и невыгодно для себя. Жизнь интересна въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ. А Купринъ—одинъ изъ немногихъ писателей, которые наблюдаютъ бытъ, а не выдумываютъ изъ головы.

А. К—ва.

## 2. Пѣсни любви. — А. Скринъ. Ц. 50 к.

Передъ нами небольшая книжка удлиненнаго формата съ записывающимъ амуромъ на обложкѣ. Масса мелкихъ украшеній въ текстѣ и толстая бумага придаютъ изданію очень привлекательный видъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Я назвалъ настоящій сборникъ пѣснями любви, не той любви, идею о которой флани-

ругують въ современной жизни, упраздняя и коверкая любовь, нарушая ея правду, красоту и чистоту, по той любви, которая, всегда царя надъ челоуѣчествомъ, несла ему среди жестокихъ испытаній и житейскихъ бурь минуты истинныхъ наслажденій и сознание его преимущества надъ другими твореніями Божества».

И сборникъ стиховъ г. Скриня представляетъ собою чистую лирику. Поэтъ подноситъ свои стихи въ видѣ букета сначала своей невѣстѣ, потомъ женѣ. Это—правдивыя пѣсни пережитаго чувства.

Форма стиховъ отличается простотой, безыскусственностью; погрѣшности рѣдки; читаются въ большинствѣ случаевъ легко. Стихотвореніе «Красивѣе тебя я видѣлъ много разъ» (9 стр.) отличается силою вложенной въ него страсти; «О, не лги никогда, не скрывай ничего» (16 стр.) оригинальное по формѣ; «Милыхъ глазъ твоихъ сіянье» (18 стр.)—музыкальны. Можно указать на нѣкоторый недостатокъ отдѣлки стиховъ. Видимо, авторъ, желая вылить чувство, слѣдилъ за перушимой цѣлостностью внутренняго содержанія стихотворенія и уже не обращалъ особеннаго вниманія на внѣшность, не останавливался на ней. Вездѣ она у него подчинена смыслу содержанія. Это можно нерѣдко встрѣтить у поэтовъ молодыхъ, у которыхъ еще не установилось полной гармоніи между содержаніемъ и формой. Но у г. Скриня есть данныя выработаться со временемъ, потому что и теперь его пьесы несутъ собою тихую усладу или навѣвають грустную задумчивость. Нѣтъ сомнѣнія, новый сборникъ стиховъ будетъ выдержанъ вполне по формѣ.

Н.

### 3. Календарь-Ежегодникъ Артельщика. 1910 г.

Редакція журнала «Биржевой Артельщикъ» издала Календарь-Ежегодникъ Артельщика на 1910 г. Книжка составлена очень толково и обстоятельно Б. Пиринейскимъ, заключаая въ себѣ всѣ спеціальныя отдѣлы, необходимыя той публикѣ, для которой календарь предназначенъ. Цѣль его—заинтересовать общество жизнью биржевыхъ артелей и пробудить у артельщиковъ интересъ къ жизни своихъ корпорацій. Календарь изданъ очень опрятно и украшенъ символическими рисунками на обложкахъ.

Д.





## Листья изъ Петербурга.

### VIII.

Съ кинематографической быстротой смѣняются январско-февральскія картины. Заискрится, заиграетъ на полотнѣ жизни одна, ее сейчасъ же смѣняетъ другая, силой вытѣсняя впечатлѣнiе первой, третья также поступаетъ со второй, и загвоздистый вопросъ о *perpetuum mobile*, на соблазнѣ всѣмъ изобрѣтателямъ, разрѣшенъ какъ нельзя лучше...

Сколько перьевъ было изломано, сколько репутацiй было подмочено при выборѣ новаго состава главныхъ дѣйствующихъ лицъ Городской Думы: предсѣдателя, городского головы и секретаря. Давно уже не приходилось сталкиваться съ такой ожесточенной травлей, съ такимъ откровеннымъ «словеснымъ рукоприкладствомъ», какія разыгрались при борьбѣ старо- и новодумцевъ.

И если на такомъ небольшомъ, если хотите, даже семейномъ дѣлѣ, касающемся интересовъ только одного города, нельзя было столкнуться, притти ко взаимному соглашенiю во имя блага этого города, то что же насъ удивляютъ неистовые партiйные эксцессы при рѣшенiяхъ крупныхъ государственныхъ вопросовъ.

Выборы предсѣдателя велись ожесточенно. Стародумцы проводили прежняго предсѣдателя присяжнаго повѣреннаго С. В. Унковскаго, обновленцы—Н. Д. Шубина-Поздѣва, стараго земскаго дѣятеля, обстрѣленнаго воробья, человѣка съ громадною «предсѣдательскою» практикой.

Немало огорченiй доставило первому кандидату оппозицiя, имѣвшая въ рукахъ такой крупный козырь, какъ «оригинальное» совѣтительство С. В. Унковскимъ двухъ совершенно противоположныхъ должностей и не только противоположныхъ, но даже взаимно уничтожающихъ.

Г. Унковскiй, кромѣ службы въ Городской Думѣ, состоитъ юрисконсультomъ Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ крупную, миллионную тяжбу съ городомъ.

Какъ предсѣдатель, С. В. Унковскій заинтересованъ въ правильномъ и скорѣйшемъ разрѣшеніи этого вопроса, при чемъ, конечно, долженъ ратовать за интересы города.

Но, какъ юрисконсультъ, не можетъ не напрячь всѣхъ своихъ знаній и изворотливости, дабы защитить интересы своихъ довѣрителей.

Вотъ подите же какія оригинальныя шутки выкидываетъ иногда жизнь, и приходится изворачиваться человѣку, попавшему благодаря ей въ переплетъ, принужденному жить «и для нашихъ и для вашихъ».

Но и козырь не помогъ. Несмотря на «безкозырную игру», стародумцы все же одолѣли, и снова на предсѣдательскомъ креслѣ будетъ «терзаться» С. В. Унковскій, снова ему придется разрѣшать неразрѣшимую задачу, какъ невинность сохранить и капиталъ приобрести, и кто пересилитъ въ раздвоеншейся личности: С. В. Унковскій какъ предсѣдатель Городской Думы или С. В. Унковскій какъ юрисконсультъ Финляндской желѣзной дороги.

Газеты же быстро перемѣнили тонъ, и уже вмѣсто нападокъ слышится елейное благодушіе, «что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Съ одной стороны, конечно, нельзя не сознаться, но съ другой,—нельзя не признаться, что... старый другъ лучше новыхъ двухъ»...

Ну, нельзя сказать, чтобы пословица была приведена особенно кетати и чтобы аргументъ былъ достаточно вѣскій. Не велики, значить, заслуги предсѣдателя, если это все, чѣмъ могли «воспѣть» его побѣду.

Иначе обстояло дѣло съ выборами городского головы.

На этой должности послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ или безличныхъ (одно другого стоитъ) лордъ-меромъ съ 1905 г. былъ Н. А. Ръзцовъ, трудоспособнѣйшій и удачнѣйшій работникъ, какого только знала Городская Дума. Съ солиднымъ образованіемъ, съ твердымъ характеромъ и сильной волей, Н. А. выступилъ въ отвѣтственной роли столичнаго городского головы въ тяжелое время. На Спб. посыпались, какъ на Макара шишки, и забастовки, и эпидеміи, и разоблаченія всякихъ панамъ.

Не покладая рукъ, работалъ въ то время, когда многіе проявили «растерянность власти» и не знали, въ какую сторону метнуться, чья возьметъ, гдѣ выйдете...

Изъ всего вышелъ Н. А. если и не всегда побѣдителемъ, то и не побѣжденнымъ. Умѣло провелъ дѣло организаціи общественныхъ работъ въ смутные, мятушіеся дни 1906 года. Организовалъ дѣло помощи на военныя нужды. За отсутствіемъ отдыхавшихъ на лонѣ природы, «гдѣ апельсины зрѣютъ», генераловъ-отъ-санитаріи, самъ вступилъ въ борьбу съ бичомъ нашей столицы—холерой и тифомъ.

Въ двухгодичный срокъ привелъ въ дѣйствіе трамвай, и «ночной пережитокъ» сейчасъ въ видѣ печальнаго исключенія лѣниво бредетъ лишь на окраинахъ города.

Много плюсовъ и мало минусовъ знаетъ дѣятельность Н. А. Рѣзцова, ну, а это не могло считаться большимъ достоинствомъ въ глазахъ главенствующей партіи, члены которой имѣють-таки легкій... пушокъ.

И мобилизація всѣхъ силъ стародумцевъ, выписка изъ другихъ губерній такихъ гласныхъ, которые фактически существовали только на бумагѣ, дала возможность накидать чернячковъ Рѣзцову и выбрать на должность городского головы миллионера, лидера стародумцевъ, Илью Ивановича Глазунова, столько лѣтъ кормившаго своей грузной особой петербургскихъ хроникеровъ и карикатуристовъ.

Собственно говоря, почему такъ ошолчилась противъ него пресса—до сихъ поръ такъ и не выяснено. Во всякомъ случаѣ до сего времени печать не дала ни одного крупнаго или даже просто значительнаго факта, показавшаго бы темныя стороны этого общественнаго дѣятеля. А разъ не дала—значить ихъ и нѣтъ, такъ какъ въ чемъ-чемъ, а въ застѣчивости или нежеланіи выносить соръ изъ избы петербургскую печать—да еще во время партійной свалки—упрекать не приходится.

Итакъ Петербургъ снова во власти стародумцевъ, и, по ихъ словамъ, они преисполнены самыхъ благихъ намѣреній. Что жъ, посылай имъ Всевышній, и не все ли въ общемъ равно обывателю, откуда на него благодать исходитъ: изъ стародумскихъ рукъ или новодумскихъ. Важны сумма, итоги, ощущаемые результаты, а не слагаемая части.

Но тяжелымъ нравственнымъ укоромъ ляжетъ на совѣсть побѣдителей ихъ поступокъ, которому нѣтъ никакого оправданія,—поступокъ съ городскимъ секретаремъ И. Д. Зубаревымъ.

Открыто взявшій сторону новодумцевъ въ ихъ борьбѣ съ прежними «традиціями», изъ которыхъ отъ иныхъ запахиваетъ слегка «уголовщиной», Зубаревъ возстановилъ противъ себя «севрюжную» (Глазуновцы) партію, и послѣдняя, придравшись къ случайному пропуску (юридически еще не доказанному даже) срока избранія Зубарева, перебаллотировала его вынѣ же, вмѣсто 1913 года, и выбрала 26-тилѣтняго юнца, забравъ стараго, заслуженнаго, испытаннаго дѣятеля въ угоду партійнымъ шорамъ.

А въ результатѣ... а въ результатѣ, человекъ, проработавшій 22 съ половиною года, благодаря разнымъ счетамъ, временному засилью враждебно относящихся людей, оказывается выброшеннымъ за бортъ и, какъ не дослужившій до полной пенсіи,—съ грошевымъ кускомъ хлѣба въ карманѣ.

---

Чѣмъ сейчасъ можетъ гордиться Спб. и гордиться на законномъ основаніи—это особымъ судомъ для малолѣтнихъ.

Кое-гдѣ на Западѣ и то сравнительно недавнее время открылись подобныя учрежденія. Мировой судья Н. А. Окуневъ, побывавъ

года два тому назадъ въ Англии и Шотландіи и ознакомившись съ организаціей суда для малолѣтнихъ, сумѣлъ заинтересовать этимъ дѣломъ «власть имущихъ» и быстрымъ темпомъ провелъ въ жизнь это учрежденіе, имѣющее громадное значеніе, конечные результаты котораго сейчасъ учесть невозможно.

Старая исторія, что нынѣ существующее судопроизводство дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на душу малолѣтнихъ. И поэтому новый судъ, судъ для дѣтей и юношества отъ 10 до 17-лѣтняго возраста, основанъ на совершенно иныхъ началахъ, нежели общій судъ.

Дѣла будутъ разбираться не при той обстановкѣ, которая или клала несмываемое пятно позора, или вносила въ душу ребенка сознание какого-то геройства—«знай-де нашихъ! вотъ я каковъ изъ себя!»

Простая комната, въ ней сидитъ судья, такой же простой, привѣтливый, какъ и всѣ «дяди», и безъ лишнихъ сухихъ фразъ спокойно бесѣдуетъ, распытываетъ душу «единаго изъ малыхъ сихъ». Ни публики, ни защитниковъ, ни праздныхъ зѣвакъ, ни «интервьюшниковъ». Важно вылѣчить, исправить, спасти ребенка, а не покарать, взгрѣть его. Цѣли суда—воспитательно-исправительныя, а не карательныя. Наказанія будутъ мѣрой исключительной.

И первымъ дѣтскимъ судьей избранъ инициаторъ, душа этого дѣла, энергичный Н. А. Окуневъ, встрѣтившій горячую симпатію какъ правительства, такъ и общества. Спб-скимъ градоначальникомъ сдѣлано распоряженіе, чтобы дѣти, задержанныя полиціей по разнымъ причинамъ, немедленно доставлялись въ помѣщеніе суда, гдѣ учреждено для приѣма постоянное дежурство.

Вдругъ, неожиданно, по мысли одного человѣка, возникло красивое, безусловно необходимое дѣло. Хочется вѣрить, что Н. А. Окуневъ найдетъ быстро послѣдователей, что этотъ примѣръ будетъ заразителенъ, и повсемѣстно дѣти, попавшія на торную дорожку или являющіяся жертвами взрослыхъ, толкнувшихъ ихъ на нее, будутъ судиться не въ общихъ судахъ, не приноровленныхъ «подъ дѣтей», а въ такихъ, какой мы видимъ сейчасъ на Екатерингофскомъ пр. въ Спб.

Хочется вѣрить, что эти суды принесутъ большую пользу и во-время спасутъ заблудшихъ, темныхъ, невѣжественныхъ малолѣтнокъ, офиціально сразу заклеянныхъ кличкой «преступниковъ».

---

Съѣзды, съѣзды и съѣзды безъ конца. Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялось еще 2 съѣзда, которые должны были имѣть большое торгово-промышленное значеніе. Но, по искони русскому обычаю, начавшіяся и закончившіяся обильной трапезой, а въ серединѣ заполненные разговоромъ и разговоромъ, дальше разговоровъ, также по русскому обычаю, съѣзды эти и не пойдутъ.

Всѣ выносимыя резолюціи, постановленія и благопожеланія—самоублаженіе, не больше, и никакой реальной цѣнности не представляютъ, да и не могутъ представить. Одно изъ двухъ—или дѣйствительно съѣзды у насъ неправильно организуются, или же... или же придется притти къ заключенію, что дѣло тутъ не въ организаци, а просто по духу своему отъ одного словотолченія дѣло не сдѣлается. И въ примѣненіи къ съѣздамъ о разговорахъ можно сказать, что это многоглаголанье, въ которомъ не только нѣтъ спасенія, но и отъ котораго нѣтъ спасенія.

Пройдетъ угаръ, искусственное оживленіе отъ красивыхъ, подчасъ пламенно зажигательныхъ рѣчей и полной готовности министровъ пойти навстрѣчу всѣмъ начинаніямъ—и каждый вернется къ своимъ сѣренькимъ заботамъ, повседневному обязательностямъ, забывая и думать, что нѣсколько времени назадъ весь горѣлъ, былъ чуть ли не народнымъ глашатаемъ и съ трибуны звалъ всѣхъ сплотиться во имя человѣчества и общаго блага.

Такова судьба всѣхъ или почти всѣхъ съѣздовъ. Не избѣжали общей участи и оба всероссийскіе: одинъ—4-й биржевой торговли и сельскаго хозяйства и другой—рыбпромышленниковъ.

На первомъ народу собралось много, кого-кого только не было: и представители отъ всѣхъ министерствъ, и делегаты отъ всѣхъ российскихъ биржевыхъ комитетовъ, и просто биржевые зайцы, и просто глазѣющая публика. Однимъ словомъ, толчея изрядная при соответствующей температурѣ.

Въ обширной программѣ съѣзда наиболѣе интересными вопросами были: объ упорядоченіи хлѣбной торговли; о мѣрахъ къ болѣе успѣшной реализаціи послѣдняго урожая; о проектѣ правилъ по биржевой и хлѣбной торговлѣ; о пересмотрѣ желѣзнодорожныхъ хлѣбныхъ тарифовъ; о пересмотрѣ английскихъ контрактовъ для хлѣбныхъ сдѣлокъ съ Россіей—въ чемъ видно желаніе съѣзда облегчить хлѣбный экспортъ; объ упорядоченіи коммерческихъ портовъ и т. п.

Какъ уже было замѣчено по каждому вопросу было страстно говорено за и противъ, выносились, принимались или отклонялись резолюціи, и всѣ развѣхались въ сознаниіи исполненнаго долга.

Съѣздъ рыбпромышленниковъ былъ не столь пышенъ, но столь же многолюденъ (свыше 300 делегатовъ), а по результатамъ, пожалуй, болѣе ощутительный. Въ залахъ Императорскаго Сельскохозяйственнаго Музея, на стѣнахъ котораго были навѣшаны рыболовные атрибуты для красоты и діаграммы для назиданія, собралась разноплеменная публика со всѣхъ концовъ: отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды... до туркменовъ включительно.

21 годъ тому назадъ было высказано пожеланіе заполнить важный пробѣлъ въ русскомъ законодательствѣ—изданіемъ устава рыболовства. Но... но только возъ и нынѣ тамъ. И на долю этого съѣзда выпало снова вынести резолюцію о необходимости изданія

этого важнаго устава, въ интересахъ развитія русскаго рыбнаго дѣла.

Съѣздъ занялся интересными вопросами, и доклады находили внимательныхъ слушателей, мотавшихъ многое себѣ на усъ.

Съѣздъ былъ раздѣленъ на четыре группы: одна занималась работами административно-законодательными—о мѣрахъ устраненія конфликтовъ между судоходствомъ и рыболовствомъ, другая—рыбопромышленная—о рыбномъ промыслѣ на Дальнемъ Востокѣ, третья—о рыбной торговлѣ, о мѣрахъ къ удешевленію рыбныхъ консервовъ... Демонстрировали аппараты по рыболовству и рыбо-водству.

Въ общемъ выяснились итоги весьма неутѣшительные: Россія быстрыми шагами уступаетъ первенствующее мѣсто и за десятокъ лѣтъ перешла уже на 3-е. Ее обогнала Англія и обгоняетъ Японія. Рыбныя богатства Россіи влѣдствіе многихъ причинъ истощаются все болѣе и болѣе. Рыба мельчаетъ, а сообразно этому уменьшается количество икры, особенно цѣнной—икры осетровыхъ рыбъ.

---

О нашихъ французскихъ гостяхъ писать не буду, ибо они общи. Послѣ насъ поѣхали въ Бѣлокаменную, которая угостила ихъ вмѣсто таксо-моторовъ истинно-русской тройкой. Шумно, безтолково, нелѣпно прошли французскіе дни у насъ—не лучше и у васъ.

Н. Гребецкой.

## II.

### **Жѣсколько словъ о японской полиціи.**

(Письмо съ Востока.)

Японія, такъ удивительно быстро усвоившая всѣ блага культурно-государственной европеизаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣла во всѣхъ этихъ благахъ сохранить свои лучшія національныя особенности. Иначе говоря, — перенимая у европейцевъ все, что у нихъ есть достойнаго подражанія, Японія отнюдь не копировала рабски чужеземные образцы и не переносила къ себѣ на родину эти образцы въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ Европѣ. Благодаря этому, всѣ европейскія государственныя учрежденія Японіи ничуть не являются какими-то чуждыми общему характеру страны наслоениями, но удивительно гармонируютъ со всѣмъ бытовымъ укладомъ и, такъ сказать, строимъ общественной жизни.

А главное — вездѣ и во всемъ сохранилась „душа живая“, т.-е. жизненность, энергія, подвижность и приспособленность къ дѣйствительнымъ потребностямъ повседневной жизни.

И эта характерная особенность японской культурно-государственной европеизаціи, быть можетъ, всего ярче и рельефнѣе выступаетъ въ полицейскихъ учрежденіяхъ Японіи.

Прежде всего тутъ сказывается чисто-японское глубокое и непоколебимо-твердое сознание гражданскаго долга и достоинства. Для японца полицейская дѣятельность — служеніе важнѣйшимъ и необходимѣйшимъ интересамъ государства: поддержаніе законности, общественнаго порядка и всеобщей безопасности. Это сознаніе такъ непоколебимо вкоренено въ каждомъ японцѣ, такъ глубоко проникло въ широкія массы народа, что японской полиціи приходится дѣйствовать въ удивительно благоприятныхъ условіяхъ и въ очень выгодной обстановкѣ.

Каждый японецъ считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ передъ своей родиной ради охраненія въ ней общественнаго порядка и безопасности всѣми мѣрами и способами содѣйствовать полиціи и помогать ей въ исполненіи ея служебныхъ обязанностей. вмѣстѣ съ тѣмъ, какое бы то ни было вмѣшательство въ дѣйствія и распоряженія полиціи настолько недопустимы по господствующему въ странѣ общественному настроенію, что объ этомъ въ Японіи не можетъ быть и рѣчи.

Быть полезнымъ полиціи въ несеніи ея службы каждый японецъ, кто бы онъ ни былъ по своему личному или общественному положенію, считаетъ для себя за честь и въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ не за страхъ, а за совѣсть.

Этимъ отношеніемъ гражданъ, эту обстановкою дѣятельность полиціи поставлена въ исключительно благоприятныя условія.

И многое такое, что для европейской полиціи достигается очень сложнымъ и труднымъ путемъ при помощи дорого стоящихъ и не всегда надежныхъ специальныхъ организацій, въ Японіи достигается буквально-таки само-собою.

Возьмемъ, напримѣръ, полицейскій розыскъ.

Извѣстно, что эта одна изъ важнѣйшихъ полицейскихъ функцій чрезвычайно хлопотлива и занята для европейской полиціи. Тутъ требуется очень сложная организація специально сыскной части, громаднѣйшей сѣти агентуры, вѣчное наблюденіе за правильностью, энергіей, добросовѣстностью этой агентуры, и прежде всего, конечно, нужны громадныя денежные средства, а слѣдовательно и расчетливость, иной разъ вредящая дѣлу. Ничего подобнаго не знаетъ японская полиція: къ ея услугамъ все населеніе

страны сверху до-низу и для самаго широкаго, совершенно безвозмезднаго пользованія въ цѣляхъ розыска и полицейскаго разслѣдованія.

Лавочки, торговцы въ разность, рассыльные и, главнымъ образомъ, „рикши“, эти японскіе извозчики, возящіе сѣдоковъ въ легонькихъ повозкахъ на самихъ себѣ безъ лошадей, все это является въ рукахъ японской полиціи уже готовой организаціей, всегда готовой безвозмездно и не за страхъ, но за совѣсть служить полиціи помощницей въ дѣлѣ какого угодно розыска и разслѣдованія.

И какъ ревностно несутъ, напримѣръ, рикши свои полицейскія обязанности, принятыя ими на себя совершенно добровольно, единственно лишь изъ сознанія, что помогать полиціи въ ея служеніи общественной безопасности—долгъ гражданина!

Всегда подозрительные къ иностранцамъ, японцы тѣмъ не менѣе отлично знаютъ, что ни одно дѣйствіе, ни одинъ шагъ чужеземца не останется незамѣченнымъ. Всюду за нимъ въ его странствованіяхъ по улицамъ будутъ слѣдовать рикши и всегда одни и тѣ же, настойчиво предлагая свои услуги и возя его всюду, куда ему вздумается поѣхать. И чуть что-либо подозрительное, что-либо необычайное или непонятное въ поступкахъ иностранца, сейчасъ же объ этомъ будетъ извѣстно полиціи. А чего не могутъ подмѣтить въ дѣйствіяхъ иностранца наблюдательные рикши, то дополняютъ лавочки, торговцы, кельнеры ресторановъ или гостиницъ, гейши и, наконецъ, — буквально каждый японецъ, которому онъ такъ или иначе попадется на глаза.

Благодаря этому японской полиціи изумительно легко пресѣкать или предупреждать какія бы то ни было преступленія и такъ же легко разыскивать „корни и нити“ любого преступленія, уже совершившагося и требующаго полицейскаго разслѣдованія.

Сосѣди, личные знакомые, сослуживцы или товарищи и всѣ вообще такъ или иначе соприкасавшіеся съ преступникомъ снѣшаютъ наперерывъ другъ передъ другомъ помочь полиціи въ дѣлѣ розыска, если ужъ такъ случилось, что никто изъ нихъ не усмотрѣлъ или не могъ усмотрѣть вовремя и предупредить полицію, чтобы даже не дать возможности преступленію совершиться во вредъ общественному порядку и безопасности.

Можетъ быть, отчасти этою національною особенностью японскихъ общественныхъ воззрѣній и японскаго бытового уклада жизни является одна, очень характерная черточка внѣшняго полицейскаго обслуживанія японскихъ городовъ, даже такихъ крупныхъ и достаточно европеизированныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ Токагама.

На улицахъ и площадяхъ любого японскаго города совершенно не видно городовыхъ, такъ-сказать, наблюдающихъ, стоя на постахъ, за порядкомъ

и благочиниємъ уличной жизни. На первыхъ порахъ это поражаетъ всякаго иностранца, впервые попавшаго въ Японію и привыкшаго видѣть всюду, по всему свѣту, на городскихъ улицахъ и площадяхъ полисменовъ, стоящихъ на посту. Но такой родъ службы полицейскихъ совершенно не соответствуетъ японскимъ воззрѣніямъ на полицію и ея обязанности.

Иностранцу, конечно, кажется, что японскіе города вовсе не имѣютъ полиціи, но это именно только кажется. И чуть случится на улицѣ хоть малѣйшій беспорядокъ, сейчасъ же появляется полицейскій патруль, а въ случаѣ надобности и болѣе или менѣе значительный отрядъ полиціи.

Дѣло въ томъ, что въ Японіи дѣйствительно нѣтъ постовыхъ городовъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. „Торчаніе“ полисменовъ на уличныхъ перекресткахъ японцы считаютъ излишнимъ, и японская полиція сидитъ какъ бы въ караулахъ или полицейскихъ заставахъ, соединенныхъ между собою и главнымъ управленіемъ особой сигнализацией, откуда и рассылаетъ безпрерывно циркулирующіе патрули. Этимъ путемъ обязанности, такъ-называемой, наружной полиціи японцы обслуживаютъ, надо отдать имъ справедливость, великолѣпно: невидная и совершенно незамѣтная на улицахъ полиція тѣмъ не менѣе дѣйствительно охраняетъ порядокъ и уличное благочиніе ничуть не хуже любой изъ европейскихъ полицій большого европейскаго города.

Природная подвижность и быстрота дѣйствій, а также и необыкновенная ихъ рѣшительность, вообще свойственная японской націи, дѣлаютъ то, что японская полиція въ случаѣ какой-нибудь къ тому надобности очень быстро появляется на улицахъ и спокойными, но увѣренными и рѣшительными дѣйствіями прекращаетъ немедленно какой бы то ни было беспорядокъ или нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

Въ этомъ отношеніи случайнымъ примѣромъ можетъ служить юкагамская портовая полиція, которой постоянно приходится имѣть дѣло съ буйствами, устраиваемыми иностранными матросами—народомъ, какъ извѣстно, очень склоннымъ именно къ проступкамъ въ области нарушенія общественной тишины и спокойствія подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и своеобразнаго чисто-матросскаго пониманія „престижа“. На улицахъ Юкагамы поэтому часто можно наблюдать сцены, какъ, напримѣръ, англійскій и французскій матросы взаимно убѣждаютъ одинъ другого въ своемъ „престижѣ“ при помощи кулачнаго соревнованія.

Въ этихъ заурядныхъ для Юкагамы сценкахъ замѣчательно прежде всего отношеніе окружающихъ. Въ любомъ европейскомъ городѣ при такой „исторіи“ тотчасъ же собралась бы толпа, нашлись бы сторонники того или другого изъ дерущихся, и беспорядокъ на улицѣ такъ или иначе принялъ бы болѣе или менѣе значительные размѣры. Но ничто подобное не-

мыслимо въ Японіи, а потому уличный инцидентъ отнюдь не разрастается постороннимъ вмѣшательствомъ, которое выражается здѣсь только тѣмъ, что каждый случайный свидѣтель драки старается вызвать патруль или дать знать о происходящемъ въ ближайшую полицейскую заставу.

Обыкновенно въ этихъ случаяхъ удивительно скоро подъѣзжаетъ автомобиль, изъ котораго выскакиваютъ, какъ только онъ остановится передъ дерущимися, полицейскіе съ особыми сѣтями въ рукахъ. Эти сѣти проворные и ловкіе полицейскіе моментально набрасываютъ и на того и на другого изъ дерущихся. Дужій и рослый матросъ буквально во мгновение ока оказывается такъ основательно спутаннымъ прочною и густою сѣтью, что лишень возможности сопротивляться; маленькіе и юркіе японцы - полицейскіе схватываютъ окутанныхъ сѣтями драчуновъ, валяютъ ихъ и кладутъ на автомобиль, садятся вмѣстѣ съ арестованными сами, и автомобиль отъѣзжаетъ на ближайшій полицейскій пикетъ на набережной, откуда уже и сдають задержанныхъ матросовъ на ихъ суда по принадлежности.

Эта маленькая иллюстрація изъ японской полицейской практики обыкновенно является для иностранцевъ убѣдительнымъ примѣромъ того, какъ быстро и ловко дѣйствуетъ японская полиція. Уже однѣ эти сѣти на подобіе тѣхъ, которыми въ древнемъ Римѣ забрасывали гладіаторовъ, показываютъ, что японцы умѣютъ воспользоваться всѣмъ, что хорошо служитъ данной цѣли, и не задумываются надъ посторонними соображеніями.

С. В.





# ИСКРЫ.



## Журналисты въ Китаѣ.

(Изъ разсказовъ На-фу-фу.)

Онъ писалъ рецензіи о книгахъ, о картинахъ, о пьесахъ драматическихъ и музыкальныхъ. Онъ давалъ отчеты о драмѣ и балетѣ, объ оперѣ и циркѣ, разбиралъ стихи и лѣчебники, романы и книги по сельскому хозяйству.

Но онъ не былъ Гумбольдтомъ.

Это былъ журналистъ «Свисти-въ-оба».

Онъ писалъ долгое время въ «Пекинскомъ Мѣщанинѣ». Газета старой китайской партіи, издаваемая мандариномъ «Сырѣ-Борѣ».

Она отличалась оригинальной внѣшностью: верхъ былъ внизу, а низъ вверху.

Чтобы ее читать, нужно было ее повернуть «вверхъ ногами».

Остряки говорили, что и мысли редактора давно уже повернулись въ головѣ тоже вверху ногами. Но вопросъ неразрѣшенный: редакторъ еще живъ, и нельзя сдѣлать вскрытія.

И вотъ въ «Пекинскомъ Мѣщанинѣ» работалъ «Свисти-въ-оба».

Онъ писалъ обо всемъ.

— Можете написать...

Онъ уже спѣшилъ отвѣтить:

— Могу, могу... Сколько за строчку?

— Да не о драмѣ, а о лошадиномъ сапѣ?

— Все равно! Я обо всемъ могу... Лошадиная драма мнѣ такъ же доступна, какъ серьезный сапъ.

— Что вы говорите? Какая лошадиная драма? Вы еще скажете пожалуй: ослиная драма?

— Виновать, я обмолвился: драматическая лошадь или сапный серьезъ—все равно... Я могу обо всемъ! За строчку...

— Ладно, пишите! Если наврете, корректоръ поправитъ. Но помните: духъ моей газеты...

— Старый, китайскій въ строгомъ смыслѣ слова. Знаю... И онъ писалъ.

Но вотъ въ газетѣ «Новыя Калоши» освободилось мѣсто. Умеръ сотрудникъ, писавшій о политикѣ.

«Свисти-въ-оба» полетѣлъ въ редакцію «Новыхъ Калошъ».

Редакторъ «Пс—хе!» удивился:

— Вы... къ намъ? Зачѣмъ?

— У васъ умеръ сотрудникъ... по политикѣ?

— Умеръ. Ну?

— Я прошусь на его мѣсто.

— Вы? Вы?

— Что же тутъ удивительнаго? У меня острое и легкое перо. Я пишу о сапной драмѣ съ такимъ же искусствомъ, какъ и объ оперной лошади!.. Я за строчку...

— Позвольте!..

— Какъ позвольте? Вы мнѣ позвольте, а не я!

— Я не о томъ. Но вы въ политикѣ... сильны?

— Я? О, еще бы!

— Да кто теперь первый министръ въ Германіи?

— Первый министръ? Почему я знаю? Это сказано въ календарѣ...

Редакторъ покачалъ головою.

— Но вѣдь у насъ другой духъ... Мы—молодой китайской партіи.

— О, мнѣ все равно! Я ко всякому духу привыкаю... По-нюхаю и пойму! И развѣ мнѣ не все равно?

— По-вашему, каковъ писатель «Мазай-Валяй»?

— По-моему? Гм! А по-вашему?

— По-моему — дрянь! — сказалъ редакторъ «Новыхъ Калошъ».

— И по-моему — дрянь!

— Значить, вы измѣнили взгляды и переходите къ намъ?

— Эва! Нашли дурака! Стану я терять деньги.. Я и тамъ и у васъ.

— Но...

— Пустое: у васъ буду ругать дрянью, а тамъ — называть душкой...

— А публика?

— Что — публика? Я тамъ подписываюсь: «Коко», а у васъ буду... ну, хотя... «Мандаринъ Лазай». И никто не разбереть.

— Но мы...

— А что вамъ за дѣло? У меня острое перо... Если хотите, я себя же обругаю. Я — безпристрастенъ. Вотъ вамъ примѣръ. Я судился за драку въ пьяномъ видѣ... И самъ о себѣ отчетъ писалъ, и самъ себя баши-бузукомъ назвалъ... Вотъ я какой!.. Я — писатель XX вѣка! Берите меня! Я ничего не стыжусь, никого не боюсь. За строчку...

Редакторъ подумалъ и сказалъ:

— Хорошо! Но... въ нашемъ духѣ.

— Конечно! Кого хвалить? Кого ругать? Я запишу сейчасъ. Говорите!

Онъ сталъ сотрудникомъ «Новыхъ Калошъ».

Теперь у него визитная карточка двухъ видовъ.

На одной стоять:

„Сотрудникъ «Пекинскаго Мѣщанина», послѣдователь идеи великаго мандарина «Сыр-Боръ».

— На другой:

„Сотрудникъ «Новыхъ Калошъ», прогрессистъ и соратникъ извѣстнаго публициста «Пс-хе»!

Если «Свисти-въ-оба» встрѣчается съ китайцами «молодой партіи», то подаетъ вторую карточку. Если его представляютъ китайцу „старой партіи“, — онъ вынимаетъ первую карточку.

И онъ много получаетъ. Еще бы: о каждомъ писателѣ, о каждой книгѣ, о каждомъ учрежденіи, о каждой лошади

и о каждомъ ослѣ онъ пишетъ «съ двухъ сторонъ» и получаетъ двойной гонораръ.

— У меня острое перо,—говорить онъ.

— Но... взгляды?—замѣчаютъ ему.

— У меня же два глаза и два взгляда! Ха-ха-ха!

Вы думаете: «это нахально»?

О, нѣтъ! Это было прежде такъ, а теперь, въ XX вѣкѣ... иначе...

Нужны не убѣждения, а строчки о чемъ угодно — объ ослиной драмѣ или о драматическомъ сапѣ—все равно!

Перев. Амфилохій Устюжанскій.



Хи-м-фу (Н-фу-фу)



## С М Ъ С Ъ.

**Наша прислуга.** — Феня, Феня, — говорю я. — Возьмите пожалуйста эти письма, карточки и снесите их поскорѣе, пока еще не успѣли вынуть изъ кружки. Да смотрите, не растеряйте: ихъ тутъ 25. Вы считайте, когда будете опускать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не потеряю, — отвѣчаетъ Феня и быстро исчезаетъ изъ комнаты.

Проходитъ нѣкоторое время, и мнѣ вздумалось разложить легонькій пасьянсъ изъ маленькихъ картъ, привезенныхъ мнѣ изъ Вѣны.

Карты всегда лежали на извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Ищу и не нахожу ихъ.

— Феня, куда вы дѣвали мои карты?

— Какія, барыня?

— Да у меня только однѣ и есть — маленькія пасьянныя.

— Ахъ, барыня, милая, да вѣдь я ихъ-то въ кружку и опустила, только ихъ было больше, чѣмъ 25!

— Что вы надѣлали, Феня! Ну, куда же вы дѣвали мои письма съ картинками?

Феня краснѣетъ, молчитъ, наконецъ рѣшается сказать:

— Да я ихъ, барыня, себѣ взяла: ужъ больно онѣ хороши.

Картина!

**Услуга за услугу.** Знаменитый англійскій мошенникъ Баррингтонъ обратился разъ къ одному технику съ просьбой изготовить ножницы особаго вида. Заказъ былъ исполненъ, ножницы понравились, и Баррингтонъ заплатилъ за нихъ двѣ гинен.

Прощаясь съ заказчикомъ, механикъ спросилъ его, на что ему нужны такія ножницы.

— Это секретъ, — улыбнулся мошенникъ.

Механикъ настойчиво просилъ его сказать. Тогда Баррингтонъ, подойдя къ нему поближе, проговорилъ:

— Я вамъ скажу, но на ухо. Этими ножницами я буду отрѣзывать туго набитые деньгами карманы.

И Баррингтонъ, раскланиваясь, вышелъ отъ механика, не безъ тревоги провожавшаго его глазами. Черезъ секунду онъ ощутилъ свой карманъ, но тотъ былъ уже отрѣзанъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и полученныя за ножницы деньги.

**Затруднительное положеніе.** Офицеръ далъ своему денщику 2 двугривенныхъ съ слѣдующимъ наставленіемъ:

— Вотъ тебѣ одинъ двугривенный, на него ты пообѣдай, а вотъ на этотъ купи мнѣ папиросъ.

Денщикъ взялъ деньги и отправился въ путь.

Полкъ входитъ въ мѣстечко. Офицеръ, желая поскорѣе затянуться табакомъ, слѣпшитъ къ своей квартирѣ. На крыльцѣ встрѣчаетъ его денщикъ, блѣдный, разстроенный:

— Что съ тобою, Калина?

— Ничего.

— Ты заболѣлъ?

— Нѣтъ.

— Такъ что жъ съ тобой?

— Ничего.

— Обѣдалъ ты?

— Нѣтъ.

— Что же ты тутъ дѣлалъ?

— Двугривенные перемѣшались, ваше благородіе...

